

78

Валерий Яковлевич Брюсов

Том 2. Стихотворения 1909-1917

(Собрание сочинений в семи томах #2)

Настоящее собрание сочинений В.Я. Брюсова — первое его собрание сочинений. Оно объединяет все наиболее значительное из литературного наследия Брюсова.

Во второй том вошло четыре поэтических сборника: «Зеркало теней», «Семь цветов радуги», «Девятая Камена», «Сны человечества».

<http://ruslit.traumlibrary.net>

Содержание

Зеркало теней (1909–1912)	0007
На груди земной	0007
Объятия снов	0013
Неизъяснимы наслажденья	0021
Под мертвой луною	0034
Родные степи	0041
Страсти сны	0049
Слова тоскующей любви	0058
Жизни мгновения	0067
По торжищам	0078
Милое воспоминание	0088
Святое ремесло	0097
Властительные тени	0103
Грядущему привет	0119
Для всех	0124
Девятая камена (1915–1917)	0135
Наедине с собой	0135
В дни красных знамен	0145
Пред зрелищем войны	0161
В Армении	0177
Меж прошлым и будущим	0196
В стране мечты	0210
В действительности	0220
В родных полях	0231
Ночью	0247

Близ милых уст	0256
Над вечной тайной	0264
В альбомах	0273
Семь цветов радуги (1912–1915)	0300
Оранжевый	0300
Зеленый	0331
Красный	0356
Желтый	0385
Синий	0415
Голубой	0439
Фиолетовый	0472
Сны человечества	0504
[Песни первобытных племен]	0504
[Отзвуки Атлантиды]	0505
Египет	0515
Ассирия	0517
Элада	0518
Из Александрийской антологии	0520
Рим	0521
Индия	0527
Персия	0530
Япония	0534
Индокитай	0536
Арабы	0538
Армения	0539
Скандинавия	0543
Европейское средневековье	0546
Испания	0549

Франция XV–XVI вв.	0552
Италия эпохи Возрождения	0556
Англия	0559
Германия	0562
Франция XVII–XVIII вв.	0567
Латыши	0575
Романтизм	0577
Романтические баллады	0584
Дополнение	0596

Валерий Яковлевич Брюсов
Собрание сочинений в семи
томах
Том 2. Стихотворения 1909-
1917

Зеркало теней (1909–1912)

На груди земной

*Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь тронет жизни молодой
Мне будет внятн отовсюду!*
А. Фет

«Веселый зов весенней зелени...»

*Веселый зов весенней зелени,
Разбег морских надменных волн,
Цветок шиповника в расселине,
Меж туч луны прозрачный челн,
Весь блеск, весь шум, весь говор
мира,
Соблазны мысли, чары грез, —
От тяжелой поступи тапира
До легких трепетов стрекоз, —
Еще люблю, еще приемлю,
И ненасытною мечтой
Слежу, как ангел дождевой
Плодотворит нагую землю!*

*Какие дни мне предназначены
И в бурях шумных, и в тиши,*

Но цел мой дух, и не растрачены
Сокровища моей души!
Опять поманит ли улыбкой
Любовь, подруга лучших лет,
Иль над душой, как влага зыбкой,
Заблещет молний синий свет, —
На радости и на страданья
Живым стихом отвечу я,
Ловец в пучине бытия
Стоцветных перлов ожиданья!

Приди и ты, живых пугающий,
Неотвратимый, строгий час,
Рукой холодной налагающий
Повязку на сиянье глаз!
В тебе я встречу новый трепет,
Твой лик загадочный вопью, —
Пусть к кораблю времен прице-
пит
Твоя рука мою ладью.
И, верю, вечностью хранимый,
В тех далях я узнаю вновь
И страсть, и горесть, и любовь,
Блеск дня, чернь ночи, вёсны, зи-
мы!.

Мысли священные, жальте
Жалами медленных ос!
В этой толпе неисчетной,
Здесь, на вечернем асфальте,
Дух мой упорный возрос.

В этой толпе неисчетной
Что я? — лишь отзвук других.
Чуткое сердце трепещет:
Стон вековой, безотчетный
В нем превращается в стих.

Чуткое сердце трепещет
Трепетом тонкой струны,
Слышит таинственный ропот...
Шар электрический блещет
Мертвым лучом с вышины.

Слышит таинственный ропот
Сердце, в молчаньи толпы.
Здесь, на вечернем асфальте,
Словно предчувствие — топот,
Даль — словно в вечность тропы.

Здесь, на вечернем асфальте,
Дух мой упорный возрос.
Что я? — лишь отзвук случайный
Древней, мучительной тайны.

Мысли священные, жальте
Жалами медленных ос!

25 июня 1910

**«Снова, с тайной
благодарностью...»**

Что устоит перед дыханьем
И первой встречей весны!
Ф. Тютчев

Снова, с тайной благодарностью,
Глубоко дышу коварностью
В сердце льющейся весны,
Счастье тихое предчувствую,
И живой душой сопутствую
Птицам в далях вышины.

Снова будут сны и радости!
Разольются в поле сладости
Красных кашек, свежих трав.
Слух занежу в вешней прелести,
В шуме мошек, в легком шелесте
Вновь проснувшихся дубрав.

Снова ночи обнаженные
Заглядятся в воды сонные,
Чтоб зардеться на заре.
Тучка тонкая привесится

*К золотому рогу месяца,
Будет таять в серебре.*

*Эти веянья и таянья,
Эти млеянья и чаянья,
Этот милый майский шум, —
Увлекая к беспредельности,
Возвращают тайну цельности
Снов и мира, слов и дум...*

1⁹¹¹ «Идут года. Но с прежней страстью...»

*О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить хочу, я жизнь люблю!*
А. Пушкин

*Идут года. Но с прежней стра-
стью,
Как мальчик, я дышать готов
Любви неотвратимой властью
И властью огненной стихов.
Как прежде, детски, верю сча-
стью
И правде переменных снов!*

*Бывал я, с нежностью, обманут
И, с лаской, дружбой оскорблен, —
Но строфы славить не устанут*

Мечты и страсти сладкий сон.
Я говорю: пусть розы вянут,
Май будет ими напоен!

Всё прошлое — мне только снилось,
Разгадка жизни — впереди!
Душа искать не утомилась,
И сердце — дрожью жить в груди.
Пусть все свершится, — что б ни
сбылось! —
Грядущий миг, — скорей приди!

Вновь, с рыбаком, надежды полный,
Тая восторженную дрожь,
В ладье гнилой, бросаюсь в волны.
Гроза бушует вокруг. Так что ж!
Не бойся, друг! пусть гибнут чел-
ны:
Ты счастье Цезаря везешь!

Объятия снов

*Земная жизнь кругом объята снами.
Ф. Тютчев*

Сон

*Ты вновь меня ведешь, и в отдале-
нья, робко,
Иду я за тобой, —
Сквозь сумеречный лес, среди тря-
сины топкой,
Чуть видимой тропой.*

*Меж соснами темно; над лугом
тенью бледной
Туман вечерний встал;
Закатный свет померк на выси
заповедной
Даль оградивших скал.*

*Мне смутно ведомо, куда ведет
дорога,
Что будет впереди...
Но если шаг порой я замедляю, —
строго
Ты шепчешь мне: иди!*

И снова мы пройдем по кручам
гор, по краю
Опасной крутизны.
Мир отойдет от нас, и снова я
узнаю
Все счастье вышины.

На горном пастбище, меж сосен
оголенных,
Сквозь голубую тень,
Мне явится, с крестом среди ро-
гов склоненных,
Таинственный олень.

Ты вскрикнешь радостно; в свои
надежды веря,
Ты сделаешь мне знак;
И будет озарен крестом лесного
зверя
Вдруг отступивший мрак.

Расслышу с грустью я, как ты,
клонясь всем телом,
Прошепчешь мне: молись!
Я руку подыму с привычным само-
стрелом...
Стрела взовьется ввысь...

*Вдруг пропадет олень; со стоном
безнадежным
Исчезнешь ты; а я
Останусь, как всегда, спокойным
и мятежным,
Ответный вздох тая.*

7 января 1910

Кошмар

*Эту женщину я раз единственный видел.
Мне всегда казалось: было то во
сне.
Я ее любил; потом возненавидел;
Вновь ее увидеть не придется мне.*

*С ней вдвоем мы были где-то на
концерте,
Сближенные странно радостной
мечтой.
Звуки ясно пели о блаженстве
смерти,
О стране, где сумрак, тайна и по-
кой.*

*Кончилась соната. Мы перебежа-
ли
Яркий блеск фойе и залы тихой
мглы.*

Промелькнули лестниц темные
спирали,
Нижних переходов своды и углы.

Наконец, пред дверью, почернелой,
низкой,
Словно сговорившись, стали мы
вдвоем.
Кто-то мне твердил, что цель
исканий близко.
Задыхаясь, тихо, я сказал:
«умрем!»

Женщина поспешно дверь откры-
ла. Смутно
Озарились глубины сумрачных углов.
Комната была пустой и непри-
ютной,
У стены направо высился альков.

И движеньем быстрым, — делая
мне знаки
Следовать за нею, — женщина во-
шла,
Распустила косы, хохоча во мра-
ке,
На постель припав, любовника
ждала.

*Раненное больно, сердце вдруг упало.
Помню вновь проходы, отблеск на стене...
Я вернулся к людям, к свету, к шуму зала.
Мне всегда казалось; было то во сне.*

Январь 1910

Бессонница

*Луна стоит над призрачной горой;
Неверным светом залита окрестность^
Ряд кипарисов вытянулся в строй;
Их тени побежали в неизвестность.
Она проснулась и смотрит в окно...
Ах, в полночь всё странней и идеальней!
Как давит бедра это полотно,
Как мало воздуха в знакомой спальне!
Она молчит, и всё молчит вокруг,
Портьеры, дверь, раздвинутые ставни.*

И рядом спит ее привычный друг,
Знакомый, преданный, любовник
давний.

Он рядом спит. Чернеет борода
И круг кудрей на наволочке белой.
Он равномерно дышит, как все-
гда;

Под простыней простерто прямо
тело.

Луна стоит. Луна ее зовет
В холодные, в свободные про-
странства.

В окно струится свет, и свет по-
ет

О тайной радости непостоян-
ства...

Встать и бежать... Бежать в лу-
чах луны,

По зелени, росистой, изумрудной,
На выси гор, чтоб сесть в тени
сосны,

И плакать, плакать в тишине
безлюдной!

Под простыней тревожно дышит
грудь,

Мечты влекутся в даль и в неиз-
вестность...

Луна плывет и льет живую

ртуть
На сонную, безмолвную окрест-
ность.

10 января 1910

Радостный миг

*...тот радостный миг,
Как тебя умолил я, несчастный палач!*
А. Фет

Когда, счастливый, я уснул, она,
—
Я знаю, — молча села на постели.
От ласк недавних у нее горели
Лицо, и грудь, и шея. Тишина
Еще таила отзвук наших вскри-
ков,
И терпкий запах двух усталых
тел
Дразнил дыханье. Лунных, легких
бликов
Лежали пятна на полу, и бел
Был дорассветный сумрак узкой
спальной.
И женщина, во тьме лицо клоня,
Усмешкой искаженное страдаль-
ной,
Смотрела долго, долго на меня,

Припоминая наш восторг минут-
ный...

И чуждо было ей мое лицо,
И мысли были спутаны и смут-
ны.

Но вдруг, с руки венчальное коль-
цо

Сорвав, швырнула прочь, упала ря-
дом,

Сжимая зубы, подавляя плач,
Рыдая глухо... Но, с закрытым
взглядом,

Я был простерт во сне, немой па-
лач.

И снилось мне, что мы еще сжи-
маем

В объятиях друг друга, что по-
стель

Нам кажется вновь сотворенным
раем,

Что мы летим, летим, и близко
цель...

И в свете утреннем, когда все
краски

Бесстыдно явственны, ее лица

Не понял я: печати слез иль ласки
Вкруг глаз ее два сумрачных коль-
ца?

1910⁻¹⁹¹¹

Неизъяснимы наслажденья

*Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья.*
А. Пушкин

Демон самоубийства

*И кто, в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений,
Самоубийство и любовь!*
Ф. Тютчев

*Своей улыбкой, странно-длитель-
ной,
Глубокой тенью черных глаз
Он часто, юноша пленительный,
Обворожает, скорбных, нас.*

*В ночном кафе, где электриче-
ский
Свет обличает и томит,
Он речью, дьявольски-логической,
Вскрывает в жизни нашей стыд.*

Он в вечер одинокий — вспомни-
те, —
Когда глухие сны томят,
Как врач искусный в нашей комна-
те,
Нам подает в стакане яд.

Он в темный час, когда, как ово-
ды,
Жужжат мечты про боль и
ложь,
Нам шепчет роковые доводы
И в руку всовывает нож.

Он на мосту, где воды сонные
Бьют утомленно о быки,
Вздувает мысли потаенные
Мехами злобы и тоски.

В лесу, когда мы пьяны шорохом
Листвы и запахом полян,
Шесть тонких гильз с бездым-
ным порохом
Кладет он, молча, в барабан.

Он верный друг, он — принца дат-
ского
Твердит бессмертный монолог,

*С упорностью участия братского,
Спокойно-нежен, тих и строг.*

*В его улыбке, странно-длитель-
ной,
В глубокой тени черных глаз
Есть омут тайны соблазнитель-
ной,
Властительно влекущей нас...*

Ночь 15/16 мая 1910

На пляже

*Я видел их. Они вдвоем на пляже
Бродили. Был он грустен и красив;
И не сходила с уст одна и та же*

*Улыбка. Взгляд ресницами за-
крыв,
Она шла рядом. Лик ее овальный
Прозрачен был и тонок, но не
жив.*

*Качалось солнце, в яркости про-
щальной,
Над далью моря. Волны на песке
Чредой стихали, с жалобой пе-
чальной.*

*Играл оркестр веселый вдалеке,
Нарядов дамских пестрота мель-
кала...*

И не было приюта их тоске!

*Когда ж заката пышность от-
блистала,
Замолк оркестр, и берег стал пу-
стым,
Как широта покинутого зала, —*

*Коснулся их лобзанием святым
Вечерний ветер. С жалобным уко-
ром,
В безлюдьи море подступило к
ним.*

*И красный месяц сзади встал над
бором,
Провел по волнам яркую черту,
На них взглянул неумолимым взо-
ром.*

*И, взявшись за руки, одну мечту
Постигли оба. Странным сча-
стьем полны,
Вошли в сиянье, кинув темноту.*

И долго шли, покорны и безмолвны.

*Вода росла и ширилась вокруг них,
Через плечи их перебежали волны,*

*Вдруг нежный ветер горестно за-
тих,*

*И смолк прибой; лишь лунный
взор на страже*

Один сиял на небесах нагих.

Все было пусто в море и на пляже,

<1910>

Офелия

*Офелия гибла и пела,
И пела, сплетая венки,
С цветами, венками и песнью
На дно опустилась реки.
А. Фет*

*Ты не сплетала венков Офелии,
В руках не держала свежих цве-
тов;
К окну подбежала, в хмельном ве-
селии,
Раскрыла окно, как на радостный
зов!*

Внизу суежилась толпа безумная,
Под стуки копыт и свистки авто,
Толпа деловая, нарядная, шумная,
И тебя из толпы не видел никто.

Кому было дело до лика странно-
го,
Высоко, высоко, в чужом окне!
Чего ж ты искала, давно желан-
ного,
Блуждающим взором, внизу, на
дне?

Никто головы не поднял, — и с хо-
хотом
Ты кинулась вниз, на пустой гра-
нит.
И что-то упало, с тяжелым гро-
хотом,
Под зовы звонков и под стук ко-
пыт.

Метнулась толпа и застыла,
жадная,
Вкруг бедного тела, в крови, в пы-
ли...
Но жизнь шумела, всё та же, на-
рядная,

Соблазнителю

Лишь ты один владеешь ключами
рая, праведный, утонченный,
могущественный!

Г. де Куинси

Ко мне вошел ты. Соблазнитель,
Глаза укромно опустив.
Ты, милосердый победитель,
Со мной был ласков и стыдлив.

Склонив на шею мне несмело
Две нежно-огненных руки,
Ты тихо погрузил всё тело
В истому пламенной реки.

Ты все желанья, всё бывшее
В моей душе дыханьем сжег, —
И стало в мире нас лишь двое:
Твой пленник — я, и ты — мой
бог!

Ты обострил мне странно зреньё,
Ты просветил мне дивно слух,
И над безмерностью мгновенья

Вознес мой окрыленный дух.

*И всем, во мне дремавшим силам,
Ты дал полет, ты дал упор,
Ты пламя мне разлил по жилам,
Ты пламенем зажег мой взор.*

*Когда ж воскликнул я: «Учитель!
Возьми меня навек! я — твой!»
Ты улыбался, Соблазнитель,
Качая молча головой.*

Сентябрь 1909
Париж

Le paradis artificiel[1]

*C'est une beatitude calmae el immobible.
Ch. Baudelaire[2]*

*Истома тайного похмелья
Мое ласкает забытье.
Не упоенье, не веселье,
Не сладость ласк, не острие.*

*Быть недвижимым, быть без-
молвным,
Быть скованным... Поверить
снам,
И предавать палящим волнам*

Себя, как нежащим губам.

Ты мной владеешь, Соблазнитель,
Ведешь меня... Я — твой! с тобой!
В какую странную обитель
Плывем мы голубой водой?

Спустились лавры и оливы
К широким белым ступеням...
Продлись, продлись, мой миг
счастливым,
Дремлю в ладье, у входа в храм...

Чья шея, гибкая, газелья,
Склонилась на плечо мое?
Не упоенье, не веселье,
Не сладость ласк, не острие.

Нет, ничего мечте не надо!
Смотреть в хрустальный небо-
свод,
Дышать одной тобой, услада
Журчащих и манящих вод!

Все позабыть, чем жил я прежде,
Восторг стихов, восторг любви...
Ты, призрак в голубой одежде,
Прекрасный миг останови!

Пусть зыблют бледные оливы
Тень по широким ступеням.
Я — недвижимый, я — счастли-
вый,
Я предан нежащим губам.

Сверкает чье-то ожерелье
Так близко... Милая, твое?
Не упоенье, не веселье,
Не сладость ласк, не острие...

1909⁻¹⁹¹¹

В пустынях

Так вот в какие пустыни
Ты нас заманил, Соблазнитель!
Бесстрастный учитель
Мечты и гордыни,
Скорби целитель,
Освободитель
От всех уныний!

Эта страна — безвестное Гоби,
Где Отчаянье — имя столице!
Здесь тихо, как в гробе.
В эти границы
Не долетают птицы;
Степь камениста, даль суха,
Кустарник с жесткой листвой,

Мох ползучий, седой,
Да кусты лопуха...

Здесь мы бродим, тобой соблаз-
ненная рать,
Взорами, в ужасе, даль обводя,
Избегая смотреть друг на друга.
Одним — смеяться, другим — ры-
дать,
Третьим безмолвствовать, слов:
не найдя,
Всем — в пределах единого круга!

Иные, в упорстве мгновенном,
Ищут дороги назад,
Кружатся по пустыне холодной,
Смущающей очи миражем бес-
сменным,
И круги за кругами чертят,
Бесплодно, —
По своим следам
Возвращаясь к нам.

Другие, покорно, на острых кам-
нях
Лежат и грызут иссохшие руки,
Как на прахе брошенный прах,
И солнечный диск, громаден и ал,

Встает из-за рыжих скал,
Из-за грани прежней отчизны,
Страны Любви и Жизни,
Что стала страной — Вечной
Разлуки.

У нас бывают экстазы,
Когда неожиданно
Мы чувствуем жизнь и силы!
Всё меняется странно:
Камни горят, как алмазы,
Новые всходят на небо светила,
Расцветают безвестные розы, —
Но, быстро осыпаются грезы,
Тупо мы падаем в груды колебле-
мой пыли,
Тупо мы слушаем ветер,
Еле качающий дремлющий вереск,
—
В бессилии...

И тогда появляешься ты,
Прежний, Юный, Прекрасный,
В огненном Маке,
Царь Мечты.
Властно
Нам делаешь знаки,
И, едва наступает тишь —

Прежний, Прекрасный, Юный, —
Голосом нежным, как струны,
Нам говоришь:

«Я обещал вам восторга мгнове-
нья, —
Вы их узнали довольно!
Я обещал вам виденья, —
Вы приняли их богомольно!
Я обещал вам сладости изнемо-
женья, —
Вы их вкусили вполне!
Поклонитесь мне!»

И, пав на колени,
Мы, соблазненная рать,
Готовы кричать
Все гимны хвалений,
Веселясь о своем Господине:
«Слава, Учитель
Мечты и гордыни!
Скорби целитель,
Освободитель
От всех уныний!
Да будем в пустыне
Верны нашей судьбе!
Вне Тебя нам все ненавистно!
Служим тебе —

Под мертвой луною

*На кладбище старом, пустынном, с со-
знанием,
полным отравы,
Под мертвой Луною...
К. Бальмонт*

В моей стране

*В моей стране — покой осенний,
Дни отлетевших журавлей,
И, словно строгий счет мгнове-
ний,
Проходят облака над ней.*

*Безмолвно поле, лес безгласен,
Один ручей, как прежде, скор.
Но странно ясен и прекрасен
Омытый холодом простор.*

*Здесь, где весна, как дева, пела
Над свежей зеленью лугов,
Где после рожь цвела и зрела
В святом предчувствии серпов, —*

Где ночью жгучие зарницы
Порой влюбленных стерегли,
Где в августе склоняли жницы
Свой стан усталый до земли, —

Теперь торжественность пусты-
ни,
Да ветер, бьющий по кустам,
А неба свод, глубоко синий, —
Как купол, увенчавший храм!

Свершила ты свои обеты,
Моя страна! и замкнут круг!
Цветы опали, песни спеты,
И собран хлеб, и скошен луг.

Дыши же радостным покоем
Над миром дорогих могил,
Как прежде ты дышала зноем,
Избытком страсти, буйством
сил!

Насыться миром и свободой,
Как раньше делом и борьбой, —
И зимний сон, как всей природой,
Пусть долго властвует тобой!

С лицом и ясным и суровым

Удары снежных вихрей встретить,
Чтоб иль воскреснуть с майским
зовом,
Иль в неге сладкой умереть!

8 октября 1909

Зерно

Лежу в земле, и сон мой смутен...
В открытом поле надо мной
Гуляет, волен а беспутен,
Январский ветер ледяной,

Когда стихает ярость бури,
Я знаю: звезд лучистый взор
Глядит с темнеющей лазури
На снежный мертвенный про-
стор.

Порой во сне, сквозь толщ зем-
ную,
Как из другого мира зов,
Я глухо слышу, жутко чую
Вой голодающих волков.

И бредом кажется бывшее,
Когда под солнечным лучом
Качалось поле золотое,
И я был каплей в море том.

*Иль день, когда осенней нивой
Шел бодрый сеятель, и мы
Во гроб ложились, терпеливо
Ждать торжествующей зимы.*

*Лежу в могиле, умираю,
Молчанье, мрак со всех сторон...
И всё трудней мне верить маю,
И всё страшней мой черный сон...*

11 ноября 1909
«Цветок засохший, душа моя!..»

*Цветок засохший, душа моя!
Мы снова двое — ты и я.*

*Морская рыба на песке.
Рот открыт в предсмертной
тоске.*

*Возможно биться, нельзя ды-
шать...
Над тихим морем — благодать.*

*Над тихим морем — пустота:
Ни дыма, ни паруса, ни креста.*

*Солнечный свет отражает волна,
Солнечный луч не достигает дна.*

*Солнечный свет беспощаден и
жгуч...*

Не было, нет, и не будет туч.

*Беспощаден и жгуч под солнцем
песок.*

Рыбе томиться недолгий срок.

*Цветок засохший, душа моя!
Мы снова двое — ты и я.*

<1911>

«Тяжела, бесцветна и пуста...»

*Тяжела, бесцветна и пуста
Надмогильная плита.*

*Имя стерто, даже рыжий мох
Искривился и засох.*

*Маргаритки беленький цветок
Доживает краткий срок.*

*Ива наклонила на скамью
Тень дрожащую свою,*

*Шелестом старается сказать
Проходящему; «Присядь!»*

*Вдалеке, за серебром ракии,
Серебро реки блестит.*

*Сзади — старой церкви вышина,
В землю вросшая стена.*

*Над травой немеющих могил
Ветер веял, и застыл.*

*Застывая, прошептал в тени:
«Были бури. Сон настал. Усни!»*

<1911>

«Мечты любимые, заветные мечты...»

*Мечты любимые, заветные меч-
ты,
Виденья радости — и красоты!*

*Вы спите, нежные, в расписанных
гробах,
Нетленные, прекрасные, но прах.*

*От ветра и лучей, в молчаньи пи-
рамид,
Таимы, — вы храните прежний
вид.*

И только я один, по лестнице кру-

той,
Схожу порой в молитвенный по-
кой.

Вы, неподвижные, встречаете ме-
ня
Улыбкой прежде нежившего дня.

Вы мне, безмолвные, спокойстви-
ем своим,
Вновь говорите: «Рай недости-
жим!»

И долго я смотрю на давние чер-
ты,
Мечты заветные, мои мечты!

И, скорбно уходя, я запираю дверь,
Храня мой склеп надежд, мой
склеп потерь.

Едва коснется день прекрасного
лица,
Все станет пепл пред взором при-
шлеца.

Мой потаенный храм, мой мир
былых годов,

*Всё станет — ряд расписанных
гробов.*

*Пусть жизнь зовет, шумит,
пусть новый вьется стяг.
Я вас храню. Вас не увидит враг.*

1910⁻¹⁹¹¹

Родные степи

*Вновь
Я вижу вас, родные степи,
Моя начальная любовь.
Е. Баратынский*

По меже

*Как ясно, как ласково небо!
Как радостно реют стрижи
Вкруг церкви Бориса и Глеба!*

*По горбику тесной межи
Иду, и дышу ароматом
И мяты, и зреющей ржи.*

*За полем усатым, не сжатым
Косами стучат косари.
День медлит пред ярким закатом...*

*Душа, насладись и умри!
Всё это так странно знакомо,
Как сон, что ласкал до зари.*

*Итак, я вернулся, я — дома?
Так здравствуй, июльская тишь,
И ты, полевая истома,*

*Убогость соломенных крыш
И полосы желтого хлеба!
Со свистом проносится стриж*

Вкруг церкви Бориса и Глеба.

1⁹¹⁰

Белкино

«В полях забытые усадьбы...»

*В полях забытые усадьбы
Свой давний дозируют сон.
И церкви сельские, простые
Забыли про былые свадьбы,
Про роскошь барских похорон.*

*Дряхлеют парки вековые
С аллеями душистых лип.
Над прудом, где гниют беседки,
В тиши, в часы вечеровые,
Лишь выги слышен зыбкий всхлип.*

Выходит месяц, нежит ветки
Акаций, нежит робость струй.
Он помнит прошлые затеи,
Шелк, кружева, на косах сетки,
Смех, шепот, быстрый поцелуй.

Теперь всё тихо. По аллее
Лишь жаба, волочась, ползет
Да еж проходит осторожно...
И всё бессильней, всё грустнее
Сгибаются столбы ворот.

Лишь в бурю, осенью, тревожно
Парк стонет громко, как боль-
ной,
Стряхнуть стараясь ужас сон-
ный...
Старик! жить дважды невоз-
можно;
Ты вдруг проснешься, пробужден-
ный
Внезапно взвизгнувшей пилой!

1910⁻¹⁹¹¹ «Большой дорогой, шоссе
ОТКРЫТЫМ...»

Большой дорогой, шоссе откры-
тым,

*Широкой шиной вздымая пыль,
Легко несется автомобиль.*

*Смеемся рощам, дождем омы-
тым,
Смеемся далям, где темен лес,
Смеемся сини живых небес!*

*Поля, пригорки, луга, долинки,
Внезапно — церковь, изб темный
ряд,
Мелькают лица, столбы летят...*

*И на подушках мы в лимузинке,
Куря беспечно, бесплодный взор
Бросаем бегло на весь простор...*

25 *мая 1911*
«На сухой осине серая ворона...»

*На сухой осине серая ворона,
Поле за оврагом, отдаленный лес,
Серый молочайник у крутого
склона,
Мухомор на кочке, вздутый, слов-
но бес.*

*Грустно, нелюдимо, пусто в мире
целом,*

Колеса дороги поросли травой,
Только слабо в небе, синевато-бе-
лом,
Виден дым далекий, верно, над из-
бой.

Взором утомленным вижу в от-
даленьи
Разноцветный веер недожатых
нив,
Где-то есть жилище, где-то есть
селенье,
Кто-то здесь, в просторах, уцелел
и жив...

Или я чужой здесь, в этой дикой
шири,
Одинок, как эта птица на суку,
Говорящий странник в молчали-
вом мире,
В даль полей принесший чуждую
тоску?..

18 июля 1911

Летняя гроза

Синие, чистые дали
Между зеленых ветвей
Бело-молочными стали...

Ветер играет смелей.

*Говор негромкого грома
Глухо рокочет вдали...
Всё еще веет истома
От неостывшей земли.*

*Птицы кричали и смолкли;
С каждым мгновеньем темней.
В небо выходит не полк ли
Сумрачных, страшных теней.*

*Вновь громовые угрозы,
Молнии резкий зигзаг.
Неба тяжелые слезы
Клонят испуганный мак.*

*Ливень, и буря, и где-то
Солнца мелькнувшего луч...
Русское, буйное лето,
Месяцы зноя и туч!*

1⁹¹¹

«И снова давние картины...»

*И снова давние картины
(Иль только смутные мечты):
За перелеском луговины,
За далью светлые кресты.*

*Тропинка сквозь орешник дикий
С крутого берега реки,
Откос, поросший повиликой,
И в черных шапках тростники.*

*В воде виляющие рыбы,
Над ней мелькание стрекоз;
Далеко видные изгибы
Реки, ее крутой откос.*

*А дальше снова косогоры,
Нив, закруживших кругозор,
Пустые, сжатые просторы
И хмурый, синеватый бор.*

*И первый плуг в далеком поле
В сопровожденьи бороны...
Виденья давней, детской воли, —
Иль только радостные сны.*

27 июля 1910

На лесной дороге

*По дороге встречный странник,
В сером, рваном армяке,
Кто ты? может быть, избран-
ник,
Бога ищущий в тоске?*

*Иль безвестный проходящий,
Раздружившийся с трудом,
Божьим именем просящий
Подаянья под окном?*

*Иль, тая свои надежды,
Ты безлунной ночи ждешь,
Под полой простой одежды
Пронося разбойный нож?*

*Как узнать? мы оба скроем
Наши мысли и мечты.
Лишь на миг мелькнут обоим
Те ж дорожные кусты,*

*Лишь на миг увидят двое,
Меж незыблемой листвы,
Те же, дремлющие в зное,
Дали вечной синевы.*

*Разошлись — и ты далече...
Колеи крутой изгиб...
И уж я забыл о встрече,
Заглядысь на красный гриб.*

2-6 августа 1910

Страсти сны

Страсти сны нам только снятся...

«Венок»

*Я жить хочу! хочу печали,
Любви и счастья назло.
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело!
М. Лермонтов*

*И снова я, простерши руки,
Стремглав бросаюсь в глубину,
Чтоб испытать и страх и муки,
Дробя кипящую волну.*

*Влеку меня, поток шумящий,
Бросай и бей о гребни скал,
Хочу тоски животворящей,
Я по отчаянью взалкал!*

*Ах, слишком долго, с маской
строгой,
Бродил я в тесноте земной,
Я разучился жить тревогой,
Я раздружился с широтой!*

*Куда меня поток ни кинет,
Живым иль мертвым, — все рав-
но:*

*Но сердце ужаса не минет,
Но грудь опять узнает дно!*

*Еще мне видны, как картины,
Реки крутые берега,
Стадам любезные долины
И плугу милые луга.*

*Их не хочу! все ближе пена
Порогов каменных, — и вот
Меня, нежнее, чем измена,
Крутит глухой водоворот.*

1⁹¹¹ **«Ты — мой демон, ты — эринния...»**

*Ты — мой демон, ты — эринния,
Неразлучная со мной!
В целом мире — как в пустыне я,
И все миги я с тобой!*

*Одинок я под смоковницей, —
Но с тобой мои мечты;
На постели я с любовницей, —
Но в моих объятьях — ты!*

*Я — в весельи вдохновения, —
Шепчешь ты начало строк;
Я замыслил преступление, —
Поддаешь мне ты клинок!*

*Тайной волей вместе связаны,
Мы напрасно узы рвем,
Наши клятвы не досказаны,
Но вовеки мы вдвоем!*

*Ненавистная! любимая!
Призрак! Дьявол! Божество!
Душу жжет неуголимая
Жажда тела твоего!*

*Как убийца к телу мертвому,
Возвращаюсь я к тебе.
Что дано мне, распростертому?
Лишь покорствовать Судьбе.*

1910. 1911

**«Да, можно любить,
ненавидя...»**

*Odi et amo.
Catullus[3]*

*Да, можно любить, ненавидя,
Любить с омраченной душой,*

*С последним проклятием видя
Последнее счастье — в одной!*

*О, слишком жестокие губы,
О, лживый, приманчивый взор,
Весь облик, и нежный и грубый,
Влекущий, как тьма, разговор!*

*Кто магию сумрачной власти
В ее приближения влил?
Кто ядом мучительной страсти
Объятья ее напоил?*

*Хочу проклинать, но невольно
О ласках привычных молю.
Мне страшно, мне душно, мне
больно.
Но я повторяю: люблю!*

*Читаю в насмешливом взоре
Обман, и притворство, и торг...
Но есть упоенье в позоре
И есть в униженьи восторг!*

*Когда поцелуи во мраке
Вонзают в меня лезвее,
Я, как Одиссей о Итаке,
Мечтаю о днях без нее.*

Но лишь Калипсо я покинул,
Тоскую опять об одной.
О горе мне! жребий я вынул,
Означенный черной чертой!

1⁹¹¹

«Опять безжалостные руки...»

Опять безжалостные руки
Меня во мраке оплели.
Опять на счастье и на муки
Меня мгновенья обрекли.

Бери меня! Я твой по праву!
Пусть снова торжествует ложь!
Свою не радостную славу
Еще одним венком умножь!

Я — пленник (горе побежденным!)
Твоих колен и алчных уст.
Но в стоне сладостно-влюблен-
ном
Расслышь костей дробимых
хруст!

С тобой, лак цепью, спаян вместе,
Полузакрыв истомный взор,
Я не забыл о тайной мести
За твой восторг, за мой позор!

*А! зверь неутомимо-гибкий!
Быть может, я тебя люблю!
Но все движенья, все улыбки
Твои — я жадно уловлю.*

*Дрожая, прислушаюсь к стенанью.
Запечатлею звуки слов,
И с ними, как с богатой данью,
Вернусь к свободе из оков.*

*Потом — моим стихам покор-
ным,
С весельем, передам твой лик,
Чтоб долго призраком упорным
Стоял пред миром твой двойник!*

1⁹¹¹

**«Как птицы очковой змеей
очарованы...»**

*Как птицы очковой змеей очаро-
ваны,
Поднять мы не смеем измучен-
ных рук,
И, двое, железами давними скова-
ны,
Мы сносим покорно медлитель-
ность мук.*

Всегда предо мною улыбка по-
блекшая
Когда-то горевших, как пурпуром,
губ.
Ты никнешь в оковах, сестра изне-
могшая,
И я неподвижен, как брошенный
труп.

Привстать бы, сорвать бы оковы
железные,
И кольца и цепи! и вольными
вновь
Бежать в дали синие, в сумерки
звездные,
Где ставит алтарь свой меж со-
сен Любовь!

Со смехом упасть там на мхи по-
темневшие,
Объятья святые, как детям,
сплести, —
Забуть эти муки, как сны отле-
тевшие,
Как камни на прежнем, пройден-
ном пути!

Я знаю, исчезнет тоска нестерпи-

мая
При веяньи первом прохлады лес-
ной,
И снова ты станешь былая, люби-
мая,
И я на колени склонюсь пред то-
бой!

Но воля бессильна, как птица бес-
крылая,
И залиты руки тяжелым свин-
цом.
Ты никнешь, в слезах, ненавист-
ная, милая,
В оковах железных мы никнем
вдвоем...

1⁹¹¹ «Прощаю все, — и то, что ты лгала
мне...»

Прощаю все, — и то, что ты лга-
ла мне
Губами алыми, дарами долгих
ласк,
Что вместо хлеба мне давала
камни,
Что на руках цепей я слышал
лязг;

*И то, что мной целованное тело
Бросала ты лобзаниям других,
И то, что сделать лживым ты
хотела
Мой праведный, мой богомольный
стих!*

*Прощаю все, — за то, что были
алы
Твои, всечасно лгавшие, уста,
Что жгли меня твоих грудей овалы,
Что есть в твоем лице одна черта;*

*Еще за то, что ласковым названьем
Ты нежила меня в час темноты;
За то, что всем томленьям, всем
страданьям
Меня обречь умела только ты!*

Слова тоскующей любви

Я вспомню речи неги страстной,
Слова тоскующей любви.

А. Пушкин

«Любовь ведет нас к одному...»

Amor condusse noi ad una...[4]

*Любовь ведет нас к одному,
Но разными путями:
Проходишь ты сквозь скорбь и
тьму,
Я ослеплен лучами.*

*Есть путь по гребням грозных
гор,
По гибельному склону;
Привел он с трона на костер
Прекрасную Дидону.*

*Есть темный путь, ведущий в
ночь,
Во глубь, в земные недра.
На нем кто б мог тебе помочь,
Удавленница Федра?*

Есть путь меж молнийных огней,
Меж ужаса и блеска.
Путь кратких, но прекрасных
дней, —
Твой страшный путь, Франческа!

Лазурный, лучезарный путь
Пригрезился Джульетте.
Она могла восторг вдохнуть,
Но нет! не жить на свете!

Любовь приводит к одному, —
Вы, любящие, верьте!—
Сквозь скорбь и радость, свет и
тьму
К блаженно-страшной смерти!

6 декабря 1911

Льдинка

Ветер вешний, ветер нежный
С лаской веет над душой.
Над поляной зимне-снежной
Утро дышит синевой.

Здравствуй, ветер, вестник воль-
ный
Новых дней и вновь весны,
Безглагольный, богомольный

Голос ясной вышины!

*Все, что было, будет снова, —
Зелень луга, щебет птиц,
Всё бывшее будет ново
В белых отсветах зарниц.*

*Будет знойный праздник света,
Дрожь бессумрачных ночей...
Здравствуй, солнце! здравствуй,
лето!
Опьяни и облелей!*

*Веет ветер. Сладко тает
На поляне вешний снег.
Небо тайно обещает
Радость жизни, сладость нег.*

*Где же первая былинка,
Робкий цветик голубой?
В синем небе тает льдинка,
Расплываясь синевой.*

2⁰ ноября 1911

Южный крест

*Я долго шел и, выбрав для ночлега
Холм ледяной, поставил гибкий
шест.*

*В полярной тьме не Сириус, не Ве-
га,
Как знак Любви, сверкает Южный
Крест.*

*Вот дунул ветер, поднял вихри
снега;
Запел унылый гимн безлюдных
мест...
Но для мечты есть в скорбной
песне нега,
И тени белые — как сонм невест.*

*Да, я — один, во льдах пустых за-
терян,
Мой путь в снегах обманчив и
неверен,
Мне призраки пророчат гибель
вновь.*

*Но Южный Крест, мерцающий в
тумане,
Залог, что я — не завершил ски-
таний,
Что впереди — последняя любовь!*

Ноябрь 1911

Предчувствие

*В лицо осенний ветер веет. Колос,
Забывший в поле, клонится, дро-
жа.*

*Меня ведет заросшая межа
Средь озимей. За речкой веер по-
лос.*

*В воспоминаньях тонкий черный
волос,
Упавший на лицо. Глаза смежа,
Я помню, как мои мечты кружа,
Звенел в тиши негромкий, неж-
ный голос.*

*Ужели осень? Даль полей пуста.
Последний мотылек над нивой
сжатой
Напрасно грезит опьяниться мя-
той.*

*Но почему вдыхает май мечта?
И почему все громче, откровенней
О счастья шепчет вздох глухой,
осенний?*

Декабрь 1911

На заре

Бледнеет ночь. Свой труд окон-

чив,
С улыбкой думаю о ней,
О той, чей детский взор уклончив,
Чей голос — дрожь весенних дней.

Все это видел я когда-то,
И этот взор, и эту дрожь...
Но всё земное вечно свято,
И в жизни каждый миг хорош!

Я снова, с радостным мученьем,
Готов, как в годы первых встреч,
Следить покорно за движеньем
Ее стыдливо-робких плеч.

И все, что мне казалось мерт-
вым,
В моей душе живет опять,
И краскам выцветшим и стер-
тым
Дано гореть, дано блистать!

Как неизменны, как всеильны,
Вы, звуки нежные: люблю!
Пускай умру, как стебель пыль-
ный, —
В час смерти жизнь благословлю!

Склоняясь к окну, о ней мечтаю —
Мечтами тысячи веков,
И, как врата к земному раю,
Горят завесы облаков.

<1911>

Покорность

Не надо спора. Буду мудрым.
Склонюсь покорно головой
Пред тем ребенком златокуд-
рым,
Что люди назвали Судьбой.

Пусть он моей играет долей,
Как пестрым, маленьким мячом.
Взлетая, буду видеть поле,
Упав, к земле прильну лицом.

Есть радость в блещущем про-
сторе
И в нежной свежести росы,
Люблю восторг, и славлю горе,
Что все виденья, все часы.

Хочу всего: стихам певучим
Томленья чувства передать;
Над пропастью, по горным кру-
чам,

Закрыв глаза, идти опять;

*Хочу: в твоём спокойном взоре
Увидеть искры новых слез;
Хочу, чтоб ввысь, где сладко горе,
Двоих — один порыв вознес!*

*Но буду мудр. Не надо спора.
Бесцелен ропот, тщетен плач.
Пусть вверх и вниз, легко и скоро,
Мелькает жизнь, как пестрый
мяч!*

Ночь 10/11 ноября 1911

МИЛЫЙ СОН

Продлись, продлись, очарованье!
Ф. Тютчев

*Друг моих былых мечтаний, милый сон,
Ты чредой чьих заклинаний воскресен?*

*Кто отвеял безнадежность от мечты?
Та же нега, та же нежность,
прежний — ты!*

На тебе венок весенний васильков,
Над твоей улыбкой тени сладких
слов.

Ты стоишь в кругу священном ти-
шины;
Ты творишь волшебно-пленным
луч луны,

Развеиваешь все тревоги, словно
дым;
Возвращаешь, нежно-строгий,
мир — двоим.

Давний призрак, друг бывшего, ми-
лый сон,
Ты шепнул ли, что я снова воскре-
шен?

Что из мглы встают вершины,
даль зовет,
Что до цели лишь единый пере-
ход?

Что сияют вновь надежды луч-
ших лет?..
Иль опять откроет вежды мерт-
вый свет?

Давний друг, мой сон, помедли!
Я — готов.
Чу! унылый звон. Не медь ли злых
часов?

1⁹¹²

Жизни мгновения

*Так, в жизни есть мгновения,
Их трудно передать.*

Ф. Тютчев

Вечеровая песня

*Я тебе посвятил умиленные пес-
ни,
Вечерний час!
Эта тихая радость воскресни,
воскресни
Еще хоть раз!*

*Разливается сумрак, — голубова-
тый, —
Меж стен домов.
Дали синие неба миром объаты,
Без звезд, без слов...*

*Электричество вспыхнуло, — пол-
ны и пены*

Луны дрожат.
Трамваев огни, там зеленый,
здесь красный,
Потянулись в ряд.

Предвесеннюю свежестью дышит-
ся вольно,
Стерлись года,
И кажется сердцу, невольно, без-
больно:
Всё — как тогда!

Я снова в толпе, молодой, одино-
кий...
И, как во сне,
Идет меж прохожих мой призрак
далекий
Навстречу мне...

<1911>

Ночное одиночество

Возвысила ночь свою черную голо-
ву,
Созвездьями смотрит на море и
сушу,
И, в волны пролитому, яркому
олову
Вверяю ночную, бездомную душу.

Мечта моя! челн в беспредельно-
сти кинутый!
Качают тебя огне-синие дали,
Заброшены весла, уключины выну-
ты,
Со скрипом ненужные реи упали.

Не надо руля и косматого паруса!
Прочь, прежние гавани, берег зна-
комый!
А волны вздымают за ярусом яру-
сы,
И водные шире и шире объемы.

Мечта моя! челн в роковой бес-
предельности!
Ты дышишь соленым дыханием
влаги,
Ты счастлив бродячим востор-
гом бесцельности,
В часы, когда дремлют у приста-
ней флаги.

Душа моя вверена зыбкому олову,
—
До утра той связи святой не нару-
шу!
А ночь подняла свою черную голо-

ву,
Созвездьями смотрит на море и
сушу.

1⁹¹¹

На берегу

Закрыв измученные веки,
Миг отошедший берегу.
О если б так стоять вовеки
На этом тихом берегу!

Мгновенья двигались и стали,
Лишь ты царишь, свой свет
струя.
Меж тем в реке — из сизой стали
Влачится за струёй струя.

Проходишь ты аллеей парка
И помнишь краткий поцелуй...
Рви нить мою, седая Парка!
Смерть, прямо в губы поцелуй!

Глаза открою. Снова дали
Разверзнут огненную пасть.
О если б Судьбы тут же дали
Мне мертвым и счастливым
пасть!

Случайная стрела

*Стоял я в этот час, незрящий
Пред будущей судьбой Эдип,
И видел лишь ее дрожащей
Руки пленительный изгиб.*

*Но знал, что спорить бесполезно
С порывом, вдруг увлекшим нас,
И чувствовал: тесьмой железной
Объединил нас поздний час.*

*Она беспомощно клонилась
К подушке алой, в глубь и в тень...
И мне казалось, что вонзилась
Стрела случайная в мишень.*

*И, жестом медленным, безвин-
ный
Убийца, я припал к устам...
И миг продлился, длинный, длин-
ный,
Врата к мучительным часам.*

Утром

Стонет старая шарманка

Вальс знакомый под окном.
Ты глядишь, как иностранка
Где-то в городе чужом.

Не пойму твоих улыбок,
Страха мне не превозмочь.
Иль что было — ряд ошибок,
Это счастье, эта ночь?

Ты смеешься, отошла ты,
У окна стоишь в тени...
Иль, скажи, не нами смяты
На постели простыни?

Изменив своей привычке,
Ты, как римлянка рабу,
Пятачок бросаешь птичке,
Предвещающей судьбу.

Знаю, что за предсказанье
Птичка вытащит тебе:
«Исполнение желанья,
Изменение в судьбе».

Нет! бывшее не ошибка!
Ты смеешься не над ним!
Счастлив тот, чье сердце зыбко,
Кто способен стать иным!

Счастлив тот, кто утром вста-
нет,
Позабыв про ночь и тень.
Счастлив цвет, что быстро вя-
нет,
Что цветет единый день.

Будь же в мире — иностранка,
Каждый день в краю другом!
Стонет старая шарманка
Вальс знакомый под окном.

<1910>

В наемной комнате

В наемной комнате все ранит
сердце:
И рама зеркала, и стульев стиль,
Зачем-то со стены глядящий Гер-
цен,
И не сметенная с комода пыль.

Нежней прильни ко мне; глаза за-
кроем;
И будем слушать шаг печальных
дум,
Как будто мы сошли на дно мор-
ское,
Где бледен солнца свет и смутен

шум.

Твое дыхание мне рядом слышно,
Замедленный твой пульс слежу
рукой...

Подводные цветы надменно пыш-
ны,
И разноцветных рыб мелькает
рой.

Ах, только об одном могу жа-
леть я,

Что в той же комнате — оч-
нуться мне!

Акула проплыла, другая, третья...
Закатный рдяный луч скользит
на дне.

Как эти миги дум со счастьем
схожи,

Как к этой нежности близка лю-
бовь!

Но я открыл глаза, и Герцен тот
же

Пытливый взор в меня вперяет
вновь.

В наемной комнате все сердце ра-

нит.

В ней миг мечты — обман, в ней
счастье — ложь,
Нет, не клонись ко мне! Боюсь же-
ланий!
Не надо губ твоих: они язвят, как
нож.

<1912>

В ресторане

Вспоминаю под жалобы скрипки,
В полусне ресторанных огней,
Ускользящий трепет улыбки —
Полудетской, желанной, твоей.

С тихим вальсом, знакомо пе-
чальным,
В темный парк ускользают меч-
ты.
Липы дремлют в наряде венчаль-
ном,
И во мгле улыбаешься — ты.

Этот вальс, этот зов, эти звуки
—
Возвращает и годы и дни.
Я целую дрожащие руки,
Мы — во сне, мы — в тени, мы —

одни.

*Вижу вызовы дерзкого взгляда,
Вижу алые губы, как кровь...
Ах, не надо, не надо, не надо,
Душу снова качает любовь.*

*Неподвижны у стойки лакеи,
Искры брызжет вино и хру-
сталь...
Мы идем по вечерней аллее
В непостижно-прозрачную даль.*

*Все безжалостней жалобы скрип-
ки,
Все безумней взлетают смычки...
Ивы темные нежны и гибки
Над лукой потемневшей реки.*

1⁹¹¹

После ночи...

*После ночи свиданья любовного,
Тихой улицей, тающей тьмой,
В упоеньи восторга греховного,
Возвращаться неспешно домой.*

*Проходя тротуарами темными,
Помнить, в ясном сиянии грез,*

Как ласкал ты руками нескром-
ными
Горностаи ее нежных волос.

Чуя в теле истому палящую,
Слыша шаг свой в глухой тишине,
Представлять ее, дремную, спя-
щую,
Говорящую «милый» во сне.

И, встречая ночную прелестницу,
Улыбаясь в лучах фонаря,
Наблюдать, как небесную лест-
ницу
В алый шелк убирает заря...

По торжищам

*По торжищам влача тяжелый крест
поэта.*

Я. Полонский

Романс

*Ты приходил ко мне, холодный,
С жемчужным инеем в усах.
В вечерний час, со смертью сход-
ный,
Твой лоб, твои глаза и щеки*

*Я грела в маленьких руках.
О, как мы были одиноки,
Вдвоем, и в мире и в мечтах!
Ты приходил ко мне, весенний,*

*Обвеян запахом листвы.
И в час, когда прозрачны тени,
Я целовала абрис милый
Твоей склоненной головы,*

*А древняя луна скользила
По кругу древней синевы.
Ты приходил ко мне, усталый
От зноя, в пыльный летний день.*

Твой рот, страдальческий и алый,
Я целовала, берегла я
Твою тоскующую лень.
Пока, все думы погашая,

Не проникала в окна тень.
Настала осень; дождь протяж-
ный
Шумит в ленивой тишине,
А ты, весь радостный, весь влаж-
ный,

Осенних астр цветную связку
Несешь кому-то, но не мне...
И вечер грустно шепчет сказку
О невозвратном, о весне...

<1910>

Портрет

Ей лет четырнадцать; ее глаза
Как на сережке пара спелых ви-
шен;
Она тонка, легка, как стрекоза;
И в голосе ее трав шелест слы-
шен.

Она всегда беспечна, и на всех
Глядит прищурясь, скупно, как в

просонках.

*Но как, порой, ее коварен смех!..
Иль то — Цирцея, спящая в пленках?*

*Она одета просто, и едва
Терпимы ей простые украшения.
Но ей бы шли шелка, и кружева,
И золото, и пышные каменья!*

*Она еще ни разу алых губ
В любовном поцелуе не сближала,*

*—
Но взгляд ее, порой, так странно-
груб...*

Иль поцелуя было бы ей мало?

*Мне жаль того, кто, ей вручив
кольцо,
В обмен получит право первой но-
чи.*

*Свой смех она ему швырнет в ли-
цо,
Иль что-то совершит еще же-
сточе!*

На горячем песке, пред ленивым
прибоем,
Ты легла; ты одна; ты обласкана
знанием.
Над тобой небеса от лучей по-
бледнели.
Тихо миги проходят без цели, без
цели.
За тобой на откосе спокойные
сосны.
Были осени, зимы, и вёсны, и вёс-
ны...
Море мирно подходит с ленивым
прибоем.
Этим морем, мгновеньем, поко-
ем и знанием
Хорошо упиваться без дум, без за-
гадок.
Час дремотный на взморье так
сладок, так сладок.
Быть как волны, как солнце, как
миги, как вёсны...
Полдень жжет, море вкрадчиво,
пламенные сосны,
Небеса в высоте от лучей поблед-
нели...
Жизнь неслышно проходит, без це-
ли, без цели...

Декабрь 1909 — январь 1910

Дождь в городе

Дождь окрасил цветом бурным
Камни старой мостовой.
Город хмур под небом хмурым,
Даль — за серой пеленой.

Как в стекле, в асфальте влажном
Стены, облака и я.
Чу! бежит, с журчаньем важным,
Пенно-желтая струя.

Глухо пусты тротуары,
Каждый дом и нем и глух...
Дождь над миром деет чары,
Дождь заклятья шепчет вслух.

Как черны верхи пролетов,
Лакированных дождем!
— Промелькнули двух кокоток
Шляпы под одним зонтом.

<1912>

Прощание

(На пристани пустынной бледный
мальчик

Глядит, как гаснет огненный за-
кат...)

— Плыви, наш пароход! свой тон-
кий пальчик
Я положила на канат.

(Тень меж теней, по гладким глы-
бам мола

Бродить он будет, молча, до за-
ри.)

— Моя душа! печальная виола!
Плачь и о прошлом говори!

(Он вспомнит, вспомнит, как над
морем буйным

Сидели двое, ночью, на скале!)

— Я прикоснусь обрядом поцелуй-
ным,
Как он, к своей руке во мгле.

(Проглянет утро. Пламенный ру-
мянец

Небес — коснется чьих-то блед-
ных щек...)

— Пляшите, волны, свой безум-
ный танец!

Наш путь невесел и далек.

<1911?>

У колонны

Среди детей, на мраморной ступени,
Она сидела, голову склоня.
Ложились на седые косы тени,
Дрожал на пальцах алый отблеск дня.
Он тихо подошел, стал у колонны,
И робким голосом промолвил:
«Мать!»
Не покачнулся лик ее склоненный,
Лишь губы что-то начали шептать.
Он, наклонясь, сказал ей: «Неужели
Ты сына не узнала? это — он!»
Ее как будто щеки побледнели,
И шепот расслышал я: «Тот же сон,
Желанный сон. Мой милый, мой далекий!
Будь, будь со мной, хотя бы лишь во сне!»
И дальше в ночь пошел он, одинокий,
А гор вершины были все в огне.

6 ноября 1909

Улица

Окна зеркальные,
Крики нахальные
Ярких плакатов.
Улица движется,
Пестрое низится
Лиц ожерелье...
Скорбь и веселье
В праздничной смене...
Много закатов,
Пышно и ало,
В стеклах сияло,
Разные тени
Спали покорно
В нишах строений.
Сколько столетий
Старцы и дети
Здесь же, все здесь же
Будут томиться,
Плакать, молиться...
Люди упорно
Ищут хоть малой
Искорки блага...
Пышно и ало
Стекла зардели;
Звездочка брезжит;
Сумерки бродят...

Где-то запели:
С шумом проходит
Пьяная ватага.

<1912>

В игорном доме

Как Цезарь жителям Алезии
К полям все выходы закрыл,
Так Дух Забот от стран поэзии
Всех, в век железный, отградил.

Нет, не найти им в буйстве чув-
ственном,
В вине и страсти, где врата.
И только здесь, в огне искусствен-
ном,
Жива бессмертная Мечта!

Опять сердца изнеможенные
Восторг волненья узнают,
Когда в свои объятья сонные
Вбирает их Великий Спрут.

Незримыми, святыми цитрами
Заворужая души их,
Обводит он главами хитрыми
Десятки пленников своих.

*И те, мгновеньем зачарованы,
Лелеемы заветным сном,
Не знают, что давно окованы
Своим недремлющим врагом.*

*Белеют шторы. Призрак утрен-
ний
Глядится жалобно в окно.
Но все объаты негой внутренней
Мечты, утраченной давно!*

<1912>

В церкви

*Оплетены колонки
Лозою виноградной,
И ладана дым тонкий
Висит, дрожит усладно.
Поют: «Мы херувимов
Изображаем тайно...»
Сквозь сеть прозрачных дымов
Все так необычайно.
Апостольские лики
Взирают с царских врат,
И, как языческие Нике,
Златые ангелы парят.*

*Священник вышел снова,
Одет в парчу и злато.*

*Всё прелестью земного
Насыщено, объято.
Горят и тают свечи,
Сверкает позолота,
Гласят с амвона речи
Нам благостное что-то.
С вином святая чаша
Высоко поднята, —
И сладко близит радость наша
С дарами Вакха — дар Христа.*

1⁹¹¹

Милое воспоминание

*О, милое воспоминание!
В. Жуковский*

Близ моря

*Засыпать под ропот моря,
Просыпаться с шумом сосен,
Жить, храня веселье горя,
Помня радость прошлых вёсен;*

*В созерцаньи одиноком
Наблюдать лесные тени,
Вечно с мыслью о далеком,
Вечно в мареве видений.*

Было счастье, счастье было,
Горе было, есть и будет...
Море с вечно новой силой
В берег биться не забудет,

Не забудут сосны шумом
Отвечать на ветер с моря,
И мечты валам угрюмым
Откликаться, бору вторя.

Хорошо о прошлом мыслить,
Сладко плакать в настоящем...
Темной хвои не исчислить
В тихом сумраке шумящем.

Хорошо над серым морем,
Хорошо в бору суровом,
С прежним счастьем, с вечным
горем,
С тихим горем, вечно новым!

Июль 1911
Majorenhof

Фирвальштеттское озеро

Фирвальштеттское озеро — Роза Ветров...

К. Бальмонт

Отели, с пышными порталами,
Надменно выстроились в ряд
И, споря с вековыми скалами,
В лазурь бесстрастную глядят.

По набережной, под каштанами,
Базар всесветной суеты, —
Блеск под искусными румянами
В перл возведенной красоты.

Пересекая гладь бесцветную,
Дымят суда и здесь и там,
И, посягнув на высь запретную,
Краснеют флаги по горам.

И в час, когда с ночными бездна-
ми
Вершины смешаны в тени,
Оттуда — спор с лучами звездны-
ми
Ведут отельные огни.

1⁹⁰⁹
Luzern

Мюльбах

Меж облаков, обвивших скалы,
Грозе прошедшей буйно рад,
Ты вниз стремишься, одичалый,

Сребристо-белый водопад.

*И снизу, из окон отелей,
Мы смотрим в высоту, к тебе, —
Где ты, меж неподвижных елей,
Своей покорствуешь судьбе.*

*Напитан вечными снегами
На вознесенных высотах,
Ты в пропасть падаешь, струями,
Взметающими влажный прах,*

*Чтоб, о гранитные громады
Разбив бушующую грудь, —
Как все земные водопады,
В заливе мирном потонуть.*

26 августа 1909
Brienz

На леднике

*И вы, святыни снега, обещены,
Следами палок осквернен ледник,
И чрез зияющие трещины
Ведет туристов проводник.*

*Но лишь свернешь с дороги пред-
назначенной,
Туда, где нет дорожек и скамей,*

—
Повеет мир, давно утраченный,
Среди оснеженных камней!

Быть может, мы — уже послед-
ние,
Кто дышит в Альпах прежней ти-
шиной.
Вершины царственно-соседние
Одеты влажной синевой.

Парит орел над скалами точены-
ми;
Настороживши слух, стоят сур-
ки;
Объяты рамами зелеными,
Синея в блеске, ледники.

Еще здесь живы замыслы Созда-
теля,
Искавшего торжественных услад,

—
Непогрешимого ваятеля
Непостигаемых громад!

Он, протянув просторы ярко-си-
ние, —
Из черни, зелени и белизны

Творил единственные линии,
Свои осуществляя сны.

1⁹⁰⁹

Montenvers

В итальянском храме

Vulnerant omnes, ultima necat^{1[5]}

Надпись на часах

Да, ранят все, последний убивает.
Вам — мой привет, бесстрастные
часы,
Моя душа вас набожно считает!

Тот — острым жалом вдумчивой
осы
Язвит мечты; тот — как кинжа-
лом режет;
Тот грезы косит с быстротой ко-
сы.

Что вопли, стоны, что зубовный
скрежет
Пред тихим вздохом, данником
часов!
Боль жизни ровно, повседневно
нежит.

*Все — оскорбленье; дружбы лжи-
вой зов,
Объятыя беглые любви обманной
И сочетанья надоевших слов...*

*Ах, многое прекрасно и желанно!
По-прежнему стремлю я руки в
даль
И жду, как прежде, с верой
неустанной.*

*Но с каждым днем томительней
печаль,
Но с каждым годом вздох тоски
победней...
И долгой жизни мне давно не
жаль.*

*Клинок конца вонзай же, час по-
следний!*

1⁹¹²

**На могиле Ивана Коневского
(8 июля 1901 г.)**

*Я посетил твой прах, забытый и
далекий,
На сельском кладбище, среди про-
стых крестов,*

Где ты, безвестный, спишь, как в
жизни, одинокий,
Любовник тишины и несказанных
снов.

Ты позабыт давно друзьями и вра-
гами,
И близкие тебе давно все отошли,
Но связь давнишняя не порвалась
меж нами,
Двух клявшихся навек — жить ра-
достью земли!

И здесь, в стране чужой, где зам-
ки над обрывом
Ревниво берегут сны отошедших
дней,
Где бурная река крутит своим
разливом
Ряды поверженных, воде вручен-
ных пней;

Где старые дубы и сумрачные вя-
зы,
Как в годы рыцарей, стоят глухой
стеной;
Где ночью, в синеве, всемирные ал-
мазы

Спокойно бодрствуют над юной
вновь страной;

Ты мой слышал зов, такой же,
как и прежде!

Я радостно воззвал, и ты шепнул:
«Живи!

Дыши огнем небес, верь песне и на-
дежде,

И тело сильное опять отдай люб-
ви!»

Ты мне сказал: «Я здесь, один, в ле-
су зеленом,

Но помню, и сквозь сон, мощь бу-
ри, солнца, рек,

И ветер, надо мной играя тихим
кленом,

Поет мне, что земля — жива,
жива вовек!»

13 июля 1911
Segewold

Святое ремесло

*Моя напасть, мое богатство,
Мое святое ремесло!*

К. Павлова

Поэт — музе

*Я изменял и многому и многим,
Я покидал в час битвы знамена,
Но день за днем твоим веленьям
строгим
Душа была верна.*

*Заслышав зов, ласкательный и
властный,
Я труд бросал, вставал с одра,
больной,
Я отрывал уста от ласки
страстной,
Чтоб снова быть с тобой.*

*В тиши полей, под нежный шепот
нивы,
Овеян тенью тучек золотых,
Я каждый трепет, каждый вздох
счастливым
Вместить стремился в стих.*

Во тьме желаний, в муке сладострастья,
Вверяя жизнь безумью и судьбе,
Я помнил, помнил, что вдыхаю счастье,
Чтоб рассказать тебе!

Когда стояла смерть, в одежде черной,
У ложа той, с кем слиты все мечты,
Сквозь скорбь и ужас я ловил упорно
Все миги, все черты.

Измучен долгим искусом страданий,
Лаская пальцами тугой курок,
Я счастлив был, что из своих признаний
Тебе сплету венок.

Не знаю, жить мне много или мало,
Иду я к свету иль во мрак ночной,
—
Душа тебе быть верной не устала,

Тебе, тебе одной!

27 ноября 1911

Родной язык

Мой верный друг! мой враг коварный!

*Мой царь! мой раб! родной язык!
Мои стихи — как дым алтарный!
Как вызов яростный — мой крик!*

*Ты дал мечте безумной крылья,
Мечту ты путами обвил,
Меня спасал в часы бессилья
И сокрушал избытком сил.*

*Как часто в тайне звуков стран-
ных
И в потаенном смысле слов
Я обретал напев — нежданных,
Овладевавших мной стихов!*

*Но часто, радостью измучен
Иль тихой упоен тоской,
Я тщетно ждал, чтоб был созву-
чен
С душой дрожащей — отзвук
твой!*

Ты ждешь, подобен великану.
Я пред тобой склонен лицом.
И всё ж бороться не устану
Я, как Израиль с божеством!

Нет грани моему упорству.
Ты — в вечности, я — в кратких
днях,
Но всё ж, как магу, мне покор-
ствуй,
Иль обрати безумца в прах!

Твои богатства, по наследству,
Я, дерзкий, требую себе.
Призыв бросаю, — ты ответ-
ствуй,
Иду, — ты будь готов к борьбе!

Но, побежден иль победитель,
Равно паду я пред тобой:
Ты — Мститель мой, ты — мой
Спаситель,
Твой мир — навек моя обитель,
Твой голос — небо надо мной!

31 декабря 1911

Ответ

Растут дома; гудят автомоби-

ли;
Фабричный дым висит на всех ку-
стах;
Аэропланы крылья расстелили
В облаках.

Но прежней страстью, давней и
знакомой,
Дрожат людские бедные сердца,
—
Любовной, сожигающей истомой
Без конца...

Как прежде, страшен свет днев-
ной Дидоне,
И с уст ее все та же рвется речь;
Все так же должен, в скорбный
час, Антоний
Пасть на меч.

Так не кляните нас, что мы упря-
мо
Лелеем песни всех былых времен,
Что нами стон Катулла: «Odi et
amo»[6] —
Повторен!

Под томным взором балерин Де-

*газа,
При свете электрической дуги
Все так же сходятся четыре гла-
за,
Как враги.*

*И в час, когда лобзанья ядовиты
И два объятья — словно круг судь-
бы, —
Все той же беспощадной Афроди-
ты
Мы — рабы!*

30^{-31 декабря 1911}

Предчувствие

*Во мгле, под шумный гул метели,
Найду ль в горах свой путь, — иль
вдруг,
Скользнув, паду на дно ущелий?*

*Со мной венок из иммортелей,
Со мной мой посох, верный друг,
Во мгле, под шумный гул метели.*

*Ужель неправду норны пели?
Ужель, пройдя и дол и луг,
Скользнув, паду на дно ущелий?*

Чу! на скале, у старой ели,
Хохочет грозно горный дух,
Во мгле, под шумный гул метели!

Ужель в тот час, как на свирели
В долине запоеет пастух,
Скользнув, паду на дно ущелий?

Взор меркнет... руки онемели...
Я выроню венок, — и вдруг,
Во мгле, под шумный гул метели,

Скользнув, паду на дно ущелий.

1⁹¹¹

Властительные тени

Зову властительные тени.
А. Фет

Египетский раб

Я жалкий раб царя. С восхода до
заката,
Среди других рабов, свершаю тяж-
кий труд,
И хлеба кус гнилой — единствен-
ная плата
За слезы и за пот, за тысячи ми-

нут.

Когда порой душа отчаяньем объ-
ята,
Над сгорбленной спиной свистит
жестокий кнут,
И каждый новый день товарища
иль брата
В могилу общую крюками воло-
кут.

Я жалкий раб царя, и жребий мой
безвестен;
Как утренняя тень, исчезну без
следа,
Меня с лица земли века сотрут,
как плесень;

Но не исчезнет след упорного тру-
да,
И вечность простоят, близ озера
Мерида,
Гробница царская, святая пира-
мида.

7-20 октября 1911

Моисей

Пророк, чей грозный нимб вая-

тель

Рогами поднял над челом,
Вождь, полубог, законодатель, —
Всё страшно в облике твоём!

Твоя судьба — чудес сплетенье,
Душа — противоречий клуб.
Ты щедро расточал веленья,
Ты был в признаньях тайных скуп.

Жрецами вражьими воспитан,
Последней тайны приобщен,
И мудростью веков напитан, —
Ты смел смотреть во глубь вре-
мен.

Беглец гонимый, сын рабыни,
Чужих, безвестных стад пастух,
Ты с богом говорил в пустыне,
Как сын с отцом, как с духом дух.

Ты замысл, гордо-необычный,
Как новый мир, таил в себе,
И ты, пришлец, косноязычный,
Царю пророчил о судьбе.

Пастух, — ты требовал народа,
Раб, — совершал ты чудеса.

*Тебе содействуя, природа
Тьмой облекала небеса.*

*Вчера преступник, нынче принят
Как вождь, ты был гордыни полн:
Ты знал, что жезл взнесешь, и сги-
нет
Погоня меж взметенных волн.*

*Но что ж, несытый, ты замыс-
лил?
Тысячелетий длинный строй
Ты взмерил, взвесил и исчислил,
Как свой удел, как жребий свой.*

*Народ пастуший и бездомный,
Толпу, бродящую в песках,
На подвиг страшный и огромный
Ты дерзостно обрек в веках.*

*Сказал: «Ты сломишь все препоны!
Весь этот мир, он — мой, он —
наш!
Я дам тебе мои законы, —
Ты их вселенной передашь!*

*Что может мира жалкий жи-
тель?*

И что могу — я, человек?
Ты будь моей мечты хранитель.
Теперь, потом, в веках, вовек!»

Назначив цель, ты, год за годом,
Водил в пустыне племена,
Боролся со своим народом,
Крепил умы и рамена;

Великий, строгий, непонятный,
Учил мятущихся детей,
Готовил их на подвиг ратный,
Воспитывал ловцов людей.

И день настал. В дали туманной,
Ты, с Нево, взорами обвел
Далекий край обетованный,
Поник челом и отошел.

Твой лик, спокойно-помертвелый,
Взирал на ближний Галаад,
Но знал ты, что во все пределы
Твои глаголы долетят.

Какие б племена ни встали,
Какие б ни пришли века,
Им всем вручит твои скрижали
Твоих наместников рука!

*Как древле, грозный и безмерный,
Над буйным миром ты стоишь,
И свой народ, поныне верный,
Ведешь державно и хранишь.*

Декабрь 1911

Клитемнестра

*Сестра — царит в надменной
Трое,
Сестре — немолчный гимн вре-
мен,
И славный будет славен вдвое,
Когда он за сестру сражен.*

*Певцы, на царском шумном пире,
Лишь о Елене станут петь,
И в их стихах, и в громкой лире
Ей суждено вовек блеснуть.*

*Не обе ли мы дочери Леды?
И Зевс не также ль мой отец?
Мне — униженья, ей — победы?
Мне — в тернах, в розах — ей ве-
нец?*

*Не вся ль Эллада за Елену
Стоит? Ахейские суда
Крутят вдали морскую пену,*

И наши пусты города!

*Мое Атрид покинул ложе,
Привесил бранный меч к бедру,
Забыл покой, — и за кого же?
Не за меня, а за сестру!*

*И всё ли? Он не дочь ли нашу,
Как жертву, на алтарь принес?
И нет ее, и чем я скрашу
Обитель старости и слез?*

*Всё — в дар забывшей честь и пра-
во,
Двумужнице! в стенах врагов
Смеющейся борьбе кровавой
И родине кующей ков!*

*А я — отверженна, забвенна,
Мне — прялка, вдовья участь —
мне,
За то, что буду неизменно
Ждать мужа в яви и во сне!*

*Нет! если людям на презренье
Я без вины осуждена, —
Да совершатся преступленья!
Да будет подлинно вина!*

Да будет жребий мой заслужен,
Неправый суд да будет прав!
Душе — венец позора нужен,
Взамен венца похвал и слав!

О, эвмениды! мне не страшен
Бичей, взнесенных вами, свист!
Спеши ко мне и скрой меж бра-
шен
Клинок убийства, мой Эгист!

1⁹¹¹

Смерть Александра

Пламя факелов крутится, длит-
ся пляска саламандр,
Распростерт на ложе царском, —
скиптр на сердце, — Александр.

То, что было невозможно, он за-
мыслил, он свершил,
Блеск фаланги македонской видел
Ганг и видел Нил.

Будет вечно жить в потомстве
память славных, страшных дел,
Жить в стихах певцов и в книгах,
сын Филиппа, твой удел!

Между тем на пышном ложе ты
простерт, — бессильный прах,
Ты, врагов дрожавших — ужас,
ты, друзей смущенных — страх!

Тайну замыслов великих смерть
ревниво погребла,
В прошлом — яркость, в про-
шлом — слава, впереди — туман
и мгла.

Дымно факелы крутятся, длится
пляска саламандр.
Плача близких, стоны войска не
расслышит Александр.

Вот Стикс, хранимый вечным
мраком,
В ладье Харона переплыт,
Пред Радамантом и Эаком
Герой почивший предстоит,

«Ты кто?» — «Я был царем. Элла-
дой
Был вскормлен. Стих Гомера
читил.
Лишь Славу почитал наградой,
И образцом мне был Ахилл.

Раздвинув родины пределы,
Пройдя победно целый свет,
Я отомстил у Гавгамелы
За Саламин и за Милет!»

И, встав, безликий Некто строго
Гласит: «Он муж был многих
жен.

Он нарекался сыном бога.
Им друг на пире умерщвлен.

Круша Афины, руша Фивы,
В рабов он греков обратил;
Верша свой подвиг горделивый,
Эллады силы сокрушил!»

Встает Другой, — черты сокры-
ты, —

Вещает: «Так назначил Рок,
Чтоб воедино были слиты
Твой мир, Эллада, твой, — Во-
сток!

Не так же ль свяжет в жгут еди-
ный,

На Западе, народы — Рим,
Чтоб обе мира половины
Потом сплелись узлом одним?»

Поник Минос челом венчанным.
Нем Радамант, молчит Эак,
И Александр, со взором стран-
ным,
Глядит на залетейский мрак.

Пламя факелов крутится, длит-
ся пляска саламандр.
Распростерт на ложе царском, —
скиптр на сердце, — Александр.

И уже, пред царским ложем, как
предвестье скорых сеч,
Полководцы Александра друг на
друга взносят меч.

Мелеагр, Селевк, Пердикка, пьяны
памятью побед,
Царским именем, надменно,
шлют веленья, шлют запрет.

Увенчать себя мечтает диаде-
мой Антигон.
Антипатр царить в Элладе мыс-
лит, властью упоен.

И во граде Александра, где столи-
ца двух морей,

*Замышляет трон воздвигнуть
хитроумный Птоломей.*

*Дымно факелы крутятся, длится
пляска саламандр.
Споров буйных диадохов не рас-
слышит Александр.*

1900, 1911

Сулла

*Утонченник седьмого века,
Принявший Греции последний
вдох,
Ты презирать учился человека
У самой низменной из всех зем-
ных эпох!*

*И справедливо мрамор саркофага
Гласил испуганным векам:
«Никто друзьям не сделал столь-
ко блага
И столько зла — врагам!»*

*Ты был велик и в мести и в развра-
те,
Ты счастлив был в любви и на вой-
не,
Ты перешел все грани вероятности,*

*Вином земных блаженств упился
ты вполне.*

*И выразил себя, когда, царя над
Римом,
Не зная, где предел твоих безмер-
ных сил, —
С презрением невыразимым
Народу ты свободу возвратил!*

<1913>

Крестная смерть

*Настала ночь. Мы ждали чуда.
Чернел пред нами черный крест.
Каменьев сумрачная гряда
Блистала под мерцаньем звезд.*

*Печальных женщин вздыханья,
Мужчин угрюмые слова, —
Нарушить не могли молчанье,
Стихали, прозвучав едва.*

*И вдруг он вздрогнул. Мы метну-
лись,
И показалось нам на миг,
Что глуби неба распахнулись,
Что сонм архангелов возник.*

Распятый в небо взгляд направил
И, словно вдруг лишенный сил,
«Отец! почто меня оставил!»
Ужасным гласом возопил.

И римский воин уксус жгучий
На губке протянул шестом.
Отведав, взор он кинул с кручи,
«Свершилось!» — произнес потом.

Все было тихо. Небо черно.
В молчаньи холм. В молчаньи
дол.
Он голову склонил покорно,
Поник челом и отошел.

1⁹¹¹

Фауст

Гретхен, Гретхен, в темной нише
Храма ты преклонена.
Гул органа слышен свьше, —
Голос: «Здесь ты не одна!»
Гретхен, Гретхен! светлый гений!
Тайну страшную храня,
В час томлений, в час молений
Позабудь, в слезах, меня...

Что я могу, — напрасно рвущий

Оковы грозных, прошлых лет,
Вторичной жизнью живущий
И давший Дьяволу обет?

Что я могу, — узнавший тайны
Души, и смерти, и всего,
Отвергший этот мир случайный,
Проклявший бога своего?

Одним своим прикосновеньем
Я опалил твой детский лик;
Я ядовитым дуновеньем
К цветку твоей души приник.

Я простираю руки с лаской, —
Но в ласке затаен позор;
Свое лицо скрываю маской, —
Горит под ней надменный взор.

Я к свету за тобой дерзаю, —
Рука, как камень, тяжела,
И мы с тобой летим не к раю,
Но в бездну, где тоска и мгла.

Хочу бежать, — но неизбежно
Влекусь к тебе, к магниту сталь;
Хочу молить с тревогой нежной,
Но смертный зов моя печаль.

Я — ужас, я — позор, я — гибель,
Твоих святынь заветных тать!
Но, в миг паденья, снежной глыбе
ль
Свое стремленье задержать!

Гретхен, Гретхен! в темной нише
Храма ты преклонена.
Слышишь божий голос свыше:
«Ты навек осуждена!»

Гретхен, Гретхен! светлый гений!
Встала ты в лучах из тьмы!
Но за мной клубились тени, —
И во мраке оба мы!

26 ноября 1911

Грядущему привет

*Грядущему привет надежды и любви.
Кн. П. Вяземский*

Александрийский столп

*На Невском, как прибой нестрой-
ный,
Растет вечерняя толпа.
Но неподвижен сон спокойный
Александрийского столпа.*

*Гранит суровый, величавый,
Обломок довременных скал!
Как знак побед, как вестник сла-
вы,
Ты перед царским домом стал.*

*Ты выше, чем колонна Рима,
Поставил знаменье креста.
Несокрушима, недвижима
Твоя тяжелая пята,*

*И через кровли низких зданий,
Всё озирая пред собой,
Ты видишь в сумрачном тумане
Двух древних сфинксов над Невой.*

*Глаза в глаза вперив, безмолвны,
Исполнены святой тоски,
Они как будто слышат волны
Иной, торжественной реки,*

*Для них, детей тысячелетий,
Лишь сон — виденья этих мест,
И эта твердь, и стены эти,
И твой, взнесенный к небу, крест.*

*И, видя, что багряным диском
На запад солнце склонено,
Они мечтают, как, — давно, —
В песках, над падшим обелиском,
Горело золотом оно.*

9 апреля 1909

К финскому народу

*Упорный, упрямый, угрюмый,
Под соснами взросший народ!
Их шум подсказал тебе думы,
Их шум в твоих песнях живет.*

*Спокойный, суровый, могучий,
Как древний родимый гранит!
Твой дух, словно зимние тучи,
Не громы, но вьюги таит.*

Меж камней, то мшистых, то го-
лых,
Влюбил ты прозрачность озер:
Ты вскормлен в работах тяже-
лых,
Но кроток и ясен твой взор.

Весь цельный, как камень огром-
ный,
Единою грудью дыша, —
Дорогой жестокой и темной
Ты шел, сквозь века, не спеша;

Но песни свои, как святыни,
Хранил — и певучий язык,
И миру являешь ты ныне
Все тот же, все прежний свой
лик.

В нужде и в труде терпеливый, —
Моряк, земледел, дровосек, —
На камнях взлелеял ты нивы,
Вражду одолел своих рек;

С природой борясь, крепкогрудый,
Все трудности встретить готов,
—
Воздвиг на гранитах причуды

Суровых своих городов.

*И рифмы, и кисти, и струны
Теперь покорились тебе.
Ты, смелый, ты, мощный, ты,
юный,
Бросаешь свой вызов судьбе.*

*Стой твердо, народ непреклон-
ный!
Недаром меж скал ты возрос:
Ты мало ли грудью стесненной
Метелей неистовых снес!*

*Стой твердо! Кто с гневом приро-
ды
Веками бороться умел, —
Тот выживет трудные годы,
Тот выйдет из всякой невзгоды,
Как прежде, и силен и цел!*

Август 1910

К моей стране

*Моя страна! Ты доказала
И мне и всем, что дух твой жив,
Когда, почуяв в теле жало,
Ты заметалась, застонала,
Вся — исступленье, вся — порыв!*

О, страшен был твой недви-
жимый,
На смерть похожий, черный сон!
Но вдруг пронесся гул Цусимы,
Ты задрожала вся, и мнимый
Мертвец был громом пробужден.

Нет, не позор бесправной доли,
Не зов непризванных вождей,
Но жгучий стыд, но ярость боли
Тебя метнули к новой воле
И дали мощь руке твоей!

И как недужному, сквозь бреды,
Порой мелькают имена, —
Ты вспомнила восторг победы,
И то, о чем сказали деды:
Что ты великой быть — должна!

Пусть ветры вновь оледенили
Разбег апрельский бурных рек:
Их жизнь — во временной могиле,
Мы смеем верить скрытой силе,
Ждать мая, мая в этот век!

Для всех

*Альбом ходит на кладбище,
Для всех открытое жилище.*

Е. Баратынский

Памяти В.Ф. Комиссаржевской

*Как Мелиганда, и ты уронила ко-
рону в глубокий родник,
Плакала долго, напрасно клонила
над влагой прозрачной свой лик.*

*Встретил в лесу тебя рыцарь су-
ровый, пути потерявший ловец.
Страницей грустной нежданно
пленился, другой тебе подал ве-
нец.*

*В замок угрюмый, старинный,
старинный он ввел, как царицу,
тебя,
Чтил он твой взор и твой голос
певучий, тебе поклонялся, любя.*

*Но ты бежала от всех поклоне-
ний, с тоской о чудесном, ином...
Кто же сразил тебя ночью, же-*

стокий, тяжелым и острым мечом!

Рыцарь суровый, над телом погибшей и руки ломай, и рыдай!
Верим мы все, что открыт Мелизанде желанный и радостный рай.

1⁹¹⁰

К.Д. Бальмонту

Как прежде, мы вдвоем, в ночном кафе. За входом
Кружит огни Париж, своим весельем пьян.
Смотрю на облик твой; стараюсь год за годом
Все разгадать, найти рубцы от свежих ран.

И ты мне кажешься суровым мореходом,
Тех лучших дней, когда звал к дальям Магеллан,
Предавшим гордый дух неизвестностям и водам,
Узнавшим, что таит для верных океан.

*Я разгадать хочу, в лучах какой
лазури,
Вдали от наших стран, искал ты
берегов
Погибших Атлантид и призрач-
ных Лемурий,*

*Какие тайны спят во тьме твоих
зрачков...
Но чтобы выразить, что в этом
лике ново,
Ни ты, ни я, никто еще не знает
слова!*

1⁹⁰⁹ *Париж*

Признание

*Моя дорога — дорога бури,
Моя дорога — дорога тьмы.
Ты любишь кроткий блеск лазури,
Ты любишь ясность, — и вместе
мы!*

*Ах, как прекрасно, под сенью яс-
ной,
Следить мельканье всех облаков!
Но что-то манит к тьме опас-
ной, —*

Над бездной сладок соблазнов зов.

*Смежая веки, иду над бездной,
И дьявол шепчет: «Эй, поскольз-
нись!»*

*А над тобою славой звездной
Сияет вечность, сверкает высь,*

*Я, как лунатик, люблю качаться
Над темным краем, на высоте...
Но есть блаженство — возвра-
щаться,
Как к лучшей цели, к бывшей
мечте.*

*О если б снова, без слез, без слова,
Меня ждала ты, тиха, ясна!
И нас простора голубого
Вновь грела ясность и глубина!*

*Я — твой, как прежде, я — твой
веки
Домой вернувшись из чуждых
стран...
Но, покоряясь Року, реки
Должны стремиться в свой оке-
ан.*

7 января 1912

Посвящение

Н. Львовой

Мой факел старый, просмолен-
ный,
Окрепший с ветрами в борьбе,
Когда-то молнией зажженный,
Любовно подаю тебе.

Своей слабеющей светильней
Ожесточенный пламень тронь:
Пусть вспыхнет ярче и обильней
В руках трепещущих огонь!

Вели нас разные дороги,
На миг мы встретились во мгле.
В час утомленья, в час тревоги
Я был твой спутник на земле.

Не жду улыбки, как награды,
Ни нежно прозвучавших слов,
Но долго буду у ограды
Следить пути твоих шагов.

Я подожду, пока ты минешь
Над пропастью опасный срыв
И высоко лампаду вскинешь,

Даль золотую озарив.

*Как знак последнего привета,
Я тоже факел подыму,
И бурю пламени и света
Покорно понесу во тьму.*

1⁹¹¹

В ответ на одно признание

Нине Петровской

*Ты обо мне мечтала в годы те,
Когда по жизни шел я одиноко,
И гордо предан огненной мечте
О женщине безвестной и далекой.*

*Когда любви я отдал бы себя
Вполне, без меры, яростно и сле-
по,
Когда, священную любовь любя,
Я верен был ей в сумраке вертепа.*

*О если б ты тогда пришла ко мне
С своей душой, свободной и мя-
тежной,
Так жаждущей гореть в живом
огне,
Неукротимой, исступленной,*

нежной!

*Какую сказку сотворили б мы
Из нашей страсти! новый сон Эд-
гара!*

*Она зажглась бы, — как над ми-
ром тьмы*

Торжественное зарево пожара!

*Какие б я слова нашел тогда,
В каких стихах пропел бы гимны
счастья!*

*Но розно мы томились те года,
И расточали праздно, навсегда,
Двух душ родных святое сладо-
страстье!*

9 *апреля 1910*

В альбом девушке

*В не новом мире грез и прозы
Люби огни звезды вечерней,
Со смехом смешанные слезы,
Дыханье роз, уколы терний,
Спокойным взглядом строгих
глаз*

Встречай восторг и скорбный час.

Предстанут призраки неждан-

ные,
Смущая ум, мечте грозя:
Иди чрез пропасти туманные,
Куда влечет твоя стезя!
И в миг паденья будь уверена:
Душа жива, жизнь не потеряна!

Тебя прельстит ли пламень сла-
вы,
Яд поцелуев, тайна кельи, —
Пей, без боязни, все отравы,
Будь гордой в грусти и весельи!
За склоном жизни, как теперь,
В мечту, в любовь и в счастье —
верь!

1⁹¹¹

В альбом Н

Она мила, как маленькая змейка,
И, может быть, опасна, как и та;
Во влаге жизни манит, как меч-
та,
Но поверху мелькает, как уклеи-
ка.

В ней нет весны, когда лазурь чи-
ста,
И дышат листья так свежо, так

клейко.

Скорей в ней лета блеск и пестрота:

Она — в саду манящая аллеика.

Как хорошо! ни мыслить, ни мечтать

Не надо; меж листвы не видно дали;

На время спит реки заглохшей гладь...

В порывах гнева, мести и печали,
Как день грозы, была бы хороша
Ее душа... Но есть ли в ней душа?

1⁹¹¹

Сандрильоне

М.И. Балтрушайтис

Был день хрустальный, даль опаловая,

Осенний воздух полон ласки.

К моей груди цветок прикальывая,
Ты улыбалась, словно в сказке.

Сменила сказку проза длительная,

*В туман слилось очарованье.
Одно, как туфелька пленитель-
ная,
Осталось мне — воспоминанье.*

*Когда, играя, жизнь нас связыва-
ет
В беседе тусклой и случайной,
Твой взгляд спокойный не выска-
зывает,
Кем ты была в день свадьбы тай-
ной.*

*Но мне мила мечта заманчивая,
—
Что, нарушая все законы,
Тебе я вновь, свой долг заканчи-
вая,
Надену туфлю Сандрильоны.*

1⁹¹²

В альбом

*Что наша жизнь? Несчастный
случай!
Напиток страсти, остро-жгучий,
Восторг пленительных созвучий,
Да ужас смерти, черной тучей
Висящий над рекой бегучей.*

Что наша жизнь? Тропа по круче,
Над бездной, где поток ревучий
Грозит, где вьется змей ползучий;
Кругом — бурьян, сухой, колючий,
Да, вдоль расщелин, тмин пахучий.

Что наша жизнь? Корабль скрипучий
В объятьях тьмы. Бессильной кутая
Мы сбились, смотрим в мрак дремучий,
Где — то блеснет мираж летучий,
То вспыхнет метеор падучий.

О наша жизнь! Томи и мучай!
Вноси надменно меч могучий,
Грози минутой неминучей, —
Я буду петь свой гимн певучий,
Я буду славить темный случай!

Девятая камена (1915–1917)

Пора! перо покоя просит!

.....

*На берег радостно выносит
Мою ладью девятый вал.
Хвала вам, девяти Каменам!
Пушкин*

Наедине с собой

Ожиданья

*Нет! ожиданья еще не иссякли!
Еще не вполне
Сердце измучено. Это не знак ли
—
Поверить весне?*

*Нет! ожиданья еще не иссякли!
Но только на дне
Скорбной души, как в святом та-
бернакле,
Молчат в тишине.*

*Нет! ожиданья еще не иссякли!
В какой же стране,
В поле, в чертоге иль в сумрачной*

сакле
Им вспыхнуть в огне?

Нет! ожиданья еще не иссякли!
И, друг старине,
Будущей жизни черчу я пентакли
При вещи луне.

Нет! ожиданья еще не иссякли!
Я, словно вовне,
Вижу трагедии, вижу миракли,
Сужденные мне.

Нет! ожиданья еще не иссякли!
Прильну, как во сне,
К милым устам, на веселом це-
накле
Забудусь в вине.

Да! ожиданья еще не иссякли!
Я верю! — зане
Иначе бросить желанней (не так
ли?)
И жизнь Сатане!

2 сентября 1916

Десятая часть

Безбрежность восторга! бездон-

ность печали!
Твои неизмерные пропасти,
страсть!
Из них открывается в жизни —
едва ли
Десятая часть!

А если нас горе и счастье венчали,
Все в прошлое пало, как в алчную
пасть,
И в памяти скудно хранится —
едва ли
Десятая часть!

Мы жили, любили, искали, встре-
чали,
Чтоб верить и плакать, чтоб
славить и клясть;
Но радостных встреч нам доста-
лась — едва ли
Десятая часть!

Нас миги любви, как качели, кача-
ли;
Взлетали мы к небу, чтоб жалко
упасть...
Но, в перечне длинном, взлета-
ний — едва ли

Десятая часть!

*Что ж пряжу мгновений, теперь,
как вначале*

*Еще мы упорно стараемся
прясть?*

*Совьется желаемой нити — едва
ли*

Десятая часть!

*И пусть мы, певцы, о себе не мол-
чали!*

*Что может и песен певучая
власть?*

*Всех мук уцелеет в напеве — едва
ли*

Десятая часть!

15 октября 1916

Лишь безмятежного мира...

*Лишь безмятежного мира жаждет
душа, наконец,*

*Взором холодным окину блеск и
богатства Офира,*

*С гордым лицом отодвину, мо-
жет быть, царский венец.*

*Жаждет душа без желаний лишь
безмятежного мира.*

Надо? — из груди я выну прежнее
сердце сердце.

Что мне напев ликований, шум
беспечального пира,

Что оболъщенья лобзаний жен-
ских под звоны колец!

Прочь и певучая лира! Больше не
ведать кумира,

Быть обращенным во льдину,
быть обращенным в свинец!

В благостном холоде стыну, пью
из святого потира

Тайну последних молчаний, сшед-
ший с арены борец.

Прошлое прошлому кину! Лишь
безмятежного мира,

Лишь раствориться в тумане
жаждет душа, наконец!

29 августа 1916

Ожерелья дней

Пора бы жизнь осмыслить, поды-
тожить;

Уже в былом — сороковой порог,
И, если дни на счет годов помно-

жить,

Пятнадцать тысяч превзойдет
итог.

Но эти тысячи, порой несчаст-
ных,
Порой счастливых, пережитых
дней, —
Как ожерелья белых, синих, крас-
ных,
Зеленых, желтых, всех цветов ог-
ней!

И эти бусы жгут и давят шею,
По телу разливают острый яд.
Я погасить их пламя не умею,
И в ночь и днем они меня язвят...

Какие камни сбросить мне? Не
вас ли,
Рубины алые, где тлеет страсть?
Беру их в руку... Но давно погасли,
Как жемчуга, они. За что ж их
клясть!

Так вас, быть может, яркие ал-
мазы,
Вас, тайные, преступные мечты?
Нет! в ясном свете, вы — слепые
стразы,
Обманнный блеск поддельной кра-
соты!

Так, значит, вас, глубокие опалы,
Воспоминанья скорби и могил?
Нет, нет! и вы — цветок уже за-
вялый,
И ваш огонь стал мертвым и
остыл!

А вы, исканья бога, аметисты?
И вы, сапфиры вдумчивых стихов?
Сверкал из вас, в былом, огонь лу-
чистый,
Но вы теперь — лишь груз холод-
ных слов!

Так что ж палит? Вы, скромные
агаты?
Ты, нежная, святая бирюза?
Ты, гиацинт? — случайные утра-
ты,
Мелькнувшие в вечерней мгле гла-
за,

Сны недовиденные встреч мгно-
венных,
Губ недоласканных прощальный
суд?
Что жжет еще меж зерен драго-
ценных?

Смарагд? топаз? лал? оникс? изумруд?

Всмотрюсь, — и блекнет блеск великолепий:

На белых нитях — только тусклый груз...

Но эти нити сжали жизнь, как цепи,

Палят, как угли, звенья длинных бус!

И жаль порвать уборы ожерелий:

Палим, люблюсь ими я в тиши...

Пусть каждый камень мертв: они горели,

Горят и ныне — в тайниках души!

М^{ай 1916}

О себе самом

Хвала вам, девяти Каменам!

Пушкин

Когда мечты любви томили

На утре жизни, — нежа их,

Я в детской книге «Ювенилий»

Влил ранний опыт в робкий стих.

Мечту потом пленили дали:
Японский штрих, французский
севр,
Все то, об чем века мечтали, —
Чтоб ожил мир былой — в «Chefs
d'Oeuvre».

И, трепет неземных предчув-
ствий
Средь книг и беглых встреч тая,
Я крылий снам искал в искусстве
И назвал книгу: «Это — я!»

Но час настал для «Третьей
Стражи».
Я, в шуме улиц, понял власть
Встающих в городе миражей,
Твоих звенящих зовов, страсть!

Изведав мглы блаженств и скор-
би,
Победы пьяность, смертный
страх,
Я мог надменно «Urbī et Orbī»
Петь гимн в уверенных стихах.

Когда ж в великих катастрофах
Наш край дрожал, и кликал Рок,

—
Венчая жизнь в певучих строфах,
Я на себя взложил «Венок».

В те дни и юноши и девы
Приветом встретили певца,
А я слагал им «Все напевы»,
Пленяя, тайной слов, сердца,

Но, не устав искать, спокойно
Я озирал сцепленья дней,
Чтоб пред людьми, в оправе
стройной,
Поставить «Зеркало Теней».

Я ждал себе одной награды, —
Предаться вновь влеченью снов,
И славить мира все улады,
И «Радуги» все «семь цветов»!

Но гром взгремел. Молчать — из-
мена,
До дна взволнован мой народ...
Ужель «Девятая Камена»
Победных песен не споет?

А вслед? Конец ли долгим сме-
нам?

*Предел блужданийм стольких
лет?*

*«Хвала вам, девяти Каменам!»
Но путь укажет Мусамет!*

Март 1917

В дни красных знамен

Молитесь

*Молитесь о праздничных розах,
О лилиях чистых молитесь,
О реющих летом стрекозах,
О призраках, виденных в грезах,
О всем бесполезном — молитесь!*

*Да высшая милость не минет
Прекрасных видений природы!
Любовь к Красоте да не стынет!
Да будет приветливо принят
Мечтатель под стягом свободы!*

*Есть тайная ценность в ненуж-
ных
Мечтах, и цветах, и святынях,
И души, без тучек жемчужных,
Без песни потоков содружных,
Завянут, как пальмы в пустынях!*

*Нет! мало свободы и братства,
И таинства счастья — так зыб-
ки!*

*Во храме творит святотатство,
Кто губит земное богатство —
Мечту, Красоту и Улыбки!*

*Чу! Вихрь в налетающих грозах,
Что день, нам гудит: «Береги-
тесь!»*

*Погибнут стрекозы на лозах...
Молитесь о пламенных розах,
О лилиях белых — молитесь!*

Апрель 1917

К Петрограду

*...над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы...
Пушкин*

*Город Змеи и Медного Всадника,
Пушкина город и Достоевского,
Ныне, вчера,
Вечно — единый,
От небоскребов до палисадника,
От островов до шумного Невско-
го, —*

Мощью Петра,
Тайной — змеиной!

В прошлом виденья прожиты, от-
житы
Драм бредовых, кошмарных неле-
постей;
Душная мгла
Крыла злодейства...
Что ж! В веке новом — тот же
ты, тот же ты!
Те же твердыни призрачной кре-
пости,
Та же игла
Адмиралтейства!

Мозг всей России! с трепетом
пламенным,
Полон ты дивным, царственным
помыслом:
Звоны, в веках,
Славы — слышнее...
Как же вгнездились в черепе ка-
менном,
В ужасе дней, ниспосланных Про-
мыслом,
Прячась во прах,
Лютые змеи?

Вспомни свой символ; Всадника
Медного!
Тщетно Нева зажата гранитами,
Тщетно углы
Прямы и строги:
Мчись к полосе луча заповедного,
Злого дракона сбросив копытами
В пропасти мглы
С вольной дороги!

1⁹¹⁶

Освобожденная Россия

Освобожденная Россия, —
Какие дивные слова!
В них пробужденная стихия
Народной гордости — жива!
Как много раз, в былые годы,
Мы различали властный зов;
Зов обновленья и свободы,
Стон-вызов будущих веков!

Они, пред нами стоя, грозно
Нас вопрошали: «Долго ль ждать?»
Пройдут года, и будет поздно!
На сроках есть своя печать.
Пусть вам тяжелый жребий вы-
пал:
Вы ль отречетесь от него?

*По всем столетьям Рок рассыпал
Задачи, труд и торжество!»*

*Кто, кто был глух на эти зовы?
Кто, кто был слеп среди долгой
тьмы?*

С восторгом первый гул суровый,
—

*Обвала гул признали мы.
То, десять лет назад, надлома
Ужасный грохот пробежал...
И вот теперь, под голос грома,
Сорвался и летит обвал!*

*И тем, кто в том работал, —
слава!*

*Не даром жертвы без числа
Россия, в дни борьбы кровавой
И в дни былого, принесла!
Не даром сгибли сотни жизней
На плахе, в тюрьмах и в снегах!
Их смертный стон был гимн от-
чизне,
Их подвиг оживет в веках!*

*Как те, и наше поколение
Свой долг исполнило вполне.
Блажен, въявь видевший мгнове-*

нья,
Что прежде грезились во сне!
Воплощены сны вековые
Всех лучших, всех живых сердец:
Преображенная Россия
Свободной стала, — наконец!

1 марта 1917

**На улицах
(Февраль 1917 г.)**

На улицах красные флаги,
И красные банты в петлице,
И праздник ликующих толп;
И кажется: властные маги
Простерли над сонной столицей
Туман из таинственных колб.

Но нет! То не лживые чары,
Не призрак, мелькающий мимо,
Готовый рассеяться вмиг!
То мир, осужденный и старый,
Исчез, словно облако дыма,
И новый в сияньи возник!

Всё новое — странно-привычно;
И слитые с нами солдаты,
И всюду алеющий цвет,
И в толпах, над бурей столичной,

*Кричащие эти плакаты, —
Народной победе привет!*

*Те поняли, те угадали...
Не трудно учиться науке,
Что значит быть вольной стра-
ной!
Недавнее кануло в дали,
И все, после долгой разлуки,
Как будто вернулись домой.*

*Народ, испытавший однажды
Дыханье священной свободы,
Пойти не захочет назад:
Он полон божественной жажды,
Ее лишь глубокие воды
Вершительных прав утолят.*

*Колышутся красные флаги...
Чу! колокол мерно удары
К служенью свободному льет...
Нет! То не коварные маги
Развеяли тайные чары:
То ожил державный народ!*

2 марта 1917

В мартовские дни

Мне жалко, что сегодня мне не

пятнадцать лет,
Что я не мальчик дерзкий, меч-
тательный поэт,
Что мне не светит в слове его на-
чальный свет!

Ах, как я ликовал бы, по-детски
опьянен,
Встречая этот праздник, ступе-
нь иных времен,
Под плеском красных флагов, —
увенчанных знамен!

Пусть радостью разумной мечта
моя полна,
Но в чувстве углубленном нет
пьяности вина,
Оно — не шторм весенний, в нем
глубина — ясна.

Да, многое погибло за сменой
дней-веков:
Померк огонь алмазный в сверка-
нья многих слов,
И потускнели краски не раз изжи-
тых снов.

Душа иного алчет. На медленном

огне
Раскалены, сверкают желания на
дне.
Горит вулкан подводный в без-
молвной глубине.

Прошедших и грядущих столетий
вижу ряд;
В них наши дни впадают, как в
море водопад,
И память рада слышать, как вол-
ны волн шумят!

Приветствую Свободу... Чего ж
еще хотеть!
Но в золотое слово влита, я знаю,
медь:
Оно, звуча, не может, как прежде,
мне звенеть!

Приветствую Победу... Свершился
приговор...
Но, знаю, не окончен веков упор-
ный спор,
И где-то близко рыщет, прикрыв
зрачки, Раздор.

Нет, не могу безвольно сливаться

с этим днем!
И смутно, как былые чертоги под холмом,
Сверкают сны, что снились в кипеньи молодом!

И втайне жаль, что нынче мне не пятнадцать лет,
Чтоб славить безраздумно, как юноша-поэт,
Мельканье красных флагов и красный, красный цвет!

З марта 1917

Столп огненный

Не часто радует поэта
Судьба, являя перед ним
Внезапно — столп живого света,
Над краем вспыхнувший родным!

Такой же столп, во время оно,
Евреев по пустыне вел:
Был светоч он и оборона,
Был стяг в сраженьях и глагол!

При блеске дня — как облак некий,
Как факел огненный — в ночи,
Он направлял, чрез степь и реки,

В обетованный край — мечи.

*Когда ж враги военным станом
Раскинулись в песках нагих,
Пред ними столп навис туманом:
Для этих — мрак, свет — для дру-
гих!*

*И, с ужасом в преступном взоре,
Металась грозная толпа:
И конь и всадник сгибли в море,
При свете пламенном столпа.*

*Се — тот же столп пред нами
светит,
В страну желанную ведет;
Спроси, где путь, — и он отве-
тит,
Иди, — он пред тобой пойдет!*

*Наш яркий светоч, — тьмой и ды-
мом
Он ослепил глаза врагов,
Они метались пред незримым,
Тонули в мгле морских валов.*

*Но путь далек! К обетованной
Еще мы не пришли земле,*

Смотри же днем на столп туманный,
На огненный смотри во мгле!

Чтоб совершились ожидания,
Мы соблюсти должны Завет:
Да не постигнут нас блужданья
Еще на сорок долгих лет!

О, страшно с высоты Хорива
Узреть блестящего тельца...
Пусть властью одного порыва,
Как ныне, бьются все сердца!

4 марта 1917

Свобода и война

Свобода! Свобода! Восторженным
кликом
Встревожены дали холодной
страны:
Он властно звучит на раздольи
великом
Созвучно с ручьями встающей весны.

Россия свободна! Лазурь голубее,
Живительней воздух, бурливей река...

*И в новую жизнь бесконечной ал-
леей
Пред нами, приветно, раскрылись
века.*

*Но разве сознание не мучит, не да-
вит,
Что, в радости марта, на празд-
нике верб,
Весны и свободы не видит, не сла-
вит
Поляк, армянин, и бельгиец, и
серб?*

*В угрюмых ущельях, за зеркалом
Вана,
Чу! лязганье цепи, удар топора!
Там тысячи гибнут по слову сул-
тана,
Там пытки — забава, убийство —
игра.*

*А дальше, из глуби Ускюба, с Мо-
равы,
Не те же ли звоны, не тот же ли
стон?
Там с ветром весенним лепечут
дубравы*

*Не песенки страсти, — напев по-
хорон.*

*В развалинах — башни Лувена и
Гента,
Над родиной вольной — неисто-
вый гнет...
Германских окопов железная лен-
та
От мира отрезала целый народ,*

*А ближе! в родной нам, истерзан-
ной Польше!
Нет воли всмотреться, немеет
язык...
О, как же гордиться и праздни-
вать дольше,
Катить по просторам востор-
женный клик?*

*Довольно! Не кончено дело свобо-
ды,
Не праздник пред нами, а подвиг и
труд,
Покуда, в оковах, другие народы,
С надеждой на нас, избавления
ждут!*

22 марта 1917

Из дневника
1. Полно

*Полно! Не впервые
Испытанья Рок
Подает России:
Беды все — на срок.*

*Мы татарской воле
Приносили дань:
Куликово поле
Положило грань.*

*Нас гнели поляки,
Властвуя Москвой;
Но зажег во мраке
Минин факел свой.*

*Орды Бонапарта
Нам ковали ков;
Но со снегом марта
Стаял след врагов.*

*Для великих далей
Вырастает Русь;
Что мы исчерпали
Их, — я не боюсь!*

*Знаю: ждет нас много
Новых светлых дней:
Чем трудней дорога,
Тем привал милей!*

Июнь 1917

2. Потоп

*Людское море всколыхнулось,
Взволновано до дна;
До высей горных круч коснулась
Взметенная волна,*

*Сломила яростным ударом
Твердыни старых плит, —
И ныне их теченьем ярим
Под шумы бури мчит.*

*Растет потоп... Но с небосвода,
Приосеня прах,
Как арка радуги, свобода
Гласит о светлых днях.*

Июнь 1917

Пред зрелищем войны

Орел двуглавый

*Бывало, клетотом тревожа целый мир
И ясно озарен неугасимой славой,
С полуночной скалы взлетал в седой эфир
Орел двуглавый.*

*Перун Юпитера в своих когтях он нес
И сеял вокруг себя губительные громы,
Бросая на врагов, в час беспощадных гроз,
Огней изломы.*

*Но с диким кобчиком, за лакомый кусок
Поспорив у моря, вступил он в бой без чести,
И, клюнутый в крыло, угрюм, уныл и строг,
Сел на насесте.*

Пусть рана зажила, — все помня

о былом,
Он со скалы своей взлетать не
смеет в долы,
Лишь подозрительно бросает
взор кругом,
Страшась крамолы.

Пусть снова бой идет за реки, за
моря,
На ловлю пусть летят опять ца-
ри пернатых;
Предпочитает он, чем в бой всту-
пать, — царя,
Сидеть в палатах.

Но, чтоб не растерять остаток
прежних сил,
Порой подьѐмлет он перун свой,
как бывало...
И грозной молнией уж сколько по-
разил
Он птицы малой!

И сколько вокруг себя он разогнал
друзей,
Посмевших перед ним свободно
молвить слово:
Теперь его завет один: «Дави и бей»

Всё то, что ново!»

*Бывало, пестунов он выбирать
умел,
Когда он замышлял опять полет
гигантский,
Потемкин был при нем, Держа-
вин славу пел,
Служил Сперанский.*

*Но пустота теперь на северной
скале;
Крыло орла висит, и взор орлиный
смутен,
А служит птичником при стих-
нувшем орле
Теперь Распутин.*

10 июля 1914

Противоречия 1. Песни

*Нет таких дней, когда песни — не
нужны:
Тают печали в лучах красоты.
И на иконах есть венчик жемчуж-
ный,
И на могилах сажают цветы.
— Но почему же сегодня не друж-*

ны
С песней раздумья и с рифмой
мечты?

Пусть по полям окровавленным
гневно
Рыщут зубастые звери Войны!
Буйствует Жизнь и без них каж-
додневно,
Губит жестоко и в дни тишины.
— Но почему же не реют напевно
Грустные думы и черные сны?

Молнии минут, и гром отгрохо-
чет,
Новое солнце над миром взойдет,
Вечен лишь тот, кто поет и про-
рочит
Вечную тайну нездешних высот!
— Но почему же мой голос не хо-
чет
Вечное петь в этот сумрачный
год?

9 декабря 1915

2. Любимые мелочи

Опять к любимым мелочам,
Я думал, жизнь меня принудит:

*К привычным песням и речам...
Но сны мрачны, и по ночам
Меня невольный трепет будит.*

*Хочу забыть, — забыть нельзя.
Во мраке лики роковые
Стоят, насмешливо грозя,
И кровью залита стезя,
Твоя, — скорбящая Россия!*

*Мысль говорит: «Твоих стихов
Что голос, еле слышный, может?
Вернись к напевам прежних
строк!»
Но, словно гул колоколов,
Призыв таинственный трево-
жит.*

9 декабря 1915

Падшие цари

*Властью некий обаянны,
До восшествия зари,
Дремлют, грозны и туманны,
Словно падшие цари.
Ф. Тютчев «Альпы»*

*Французский летчик, утром сбросив
бомбы в Германии, и полудню достиг*

Милана.
(Сообщение штаба. Ноябрь 1916 г.)

Я смотрел, в озареньи заката,
Из Милана на профили Альп,
Как смотрели, на них же, ко-
гда-то
Полководцы в дни Пиев и Гальб;

Как назад, не предвидя позоров,
Горделиво смотрел Ганнибал;
И, тот путь повторивший, Суво-
ров, —
Победители кручей и скал;

Как смотрели владыки вселенной,
Короли и вожди, — иль, скорей,
Как наш Тютчев смотрел вдохно-
венный,
Прозревавший здесь «падших ца-
рей».

Альпы! гордые Альпы! Вы были
Непреложным пределом земли,
И пред вами покорно клонили
Свой увенчанный гнев короли...

Но взнеслись небывалые птицы,

*Зачирикал пропеллер с высот,
Презирая земные границы,
Полетел через Альпы пилот.*

*На заре он в Германии сеял
Разрушительный град сквозь туман,
А к полудню в Италии реял,
Восхищая союзный Милан.*

*Долго вы, день за днем, век от века,
Воскресали в пылани зари,
Но пришло торжество человека...
Преклоняйтесь, бывшие цари!*

1⁹¹⁶

Рыбье празднество

*Пусть царит уныние где-то на
земле!
Беспечально празднество рыб в
Па-де-Кале!*

*В залах малахитовых водного
дворца
Собрались, по выводкам, толпы
без конца:*

*Здесь акулы грузные, окуни, трески,
Рыбешки летучие, пестрые бычки.*

*Малые, огромные, все плывут, спешат...
Светит электричеством, в коридорах, скат;*

*Сверху светит водоросль, пышный канделябр:
Сколько блесков, отблесков, и че-шуи, и жабр!*

*Будут пляски разные, и потехи ждут:
Там, на груди раковин, позабавит спрут;*

*В хижине коралловой хор морских коньков
Пантомимой пламенной увлечет без слов;*

*Рядом, для поклонников олимпийских муз,
Разыграет Демеля трупна из ме-*

дуз.

*А под утро самое, предварив разъезд,
Выведен с процессией пятипалых звезд,*

*Скажет с красной кафедры, жестами всех лап,
Речь громоподобную многоумный краб;*

*Объяснит, что праведно был прославлен днесь
Тот, кто кормит тщательно мир подводный весь,*

*Что сему кормителю так давно пора
Хоть клешней качанием прокричать: «Ура!»*

*Что все бури, отмели и огонь твой, Эльм!
Славься между рыбами царь торпед — Вильгельм!*

11 апреля 1916

Разговор

«Не хвались еще заране!» —
Молвил старый Шат.
М. Лермонтов «Спор»

У подножья башни древней
Море Черное шумит;
Все любовней, все безгневней
Другу старому твердит:

«Как тебе не надоело
Столько медленных веков
В полусне глядеть без дела
На игру моих валов?»

Я ведь помню все бывшее,
Дед далеких времена.
Сколько раз сходились в бое
В этом месте племена!

Ты еще здесь не стояла,
Здесь другой был, древний град;
Но я здесь не раз внимало,
Как мечи о щит стучат.

А когда на скат угрюмый
Стала твердой ты стопой, —
Помнишь снова: крики, шумы,
Гулы схватки боевой?

Иль другие вспомни были,
Как со; всех концов земли
К этим камням подходили,
В пестрых флагах, корабли!

Как твой град был славен в мире,
И смотрел мой хмурый вал —
В императорской порфире
Твой владыка выезжал!

Или всё, как сон вчерашний,
Ты не хочешь вспоминать?
Иль тебе не скучно, башне,
В тихой лениости дремать?»

Волны шепчут, вея гривой,
О преданьях давних лет...
Морю Черному лениво
Башня древняя — в ответ:

«Не забыла я былого,
Помню битвы и пиры!
Но не видеть людям снова
Славной, сказочной поры!

Битвы в мире отшумели,
Нет былых, великих дел.
Иль народы одряхлели,

Или край наш постарел.

*Не придут с заката солнца,
В сталь и меч облечены,
Дерзким сонмом македонцы,
Принося разгул войны.*

*На утесы и в долины
Не поскачут на конях
В белых ризах бедуины
С криком радостным: „Аллах!“*

*И давно с высот Ирана
К нам сойти не хочет рать,
Чтобы с ратями султана
Переведаться опять.*

*Дремлют турки, и армяне
Свыклись с игом вековым...
Правда, видела в тумане
Я вчера огонь и дым,*

*Да еще ко мне недавно
Подходил безвестный флот,
Погрозил мне своенравно,
Но исчез в просторах вод.*

Верно, это все — пустое:

Люди стихли, присмирив.
Дай же мне дремать в покое,
Слушать волн твоих напев!»

Но у камней башни древней
Море Черное шумит,
Все любовней, все напевней
Другу старому твердит:

«Что корит людей Востока,
И Царьград, и Тегеран!
Разливаюсь я широко,
Вижу много разных стран.

Ах, немало проспала ты!
Будь не так дружна со сном,
Слышать ты могла б раскаты
Новых битв и новый гром!

Не ленись хоть оглянуться!
Много див увидишь ты.
Скоро страшно содрогнутся
Эти доли и хребты.

Север новой, грозной бурей
В нашу сторону дохнул.
Видишь: отблеск на лазури?
Слышишь: отдаленный гул?

Возвращаются былые,
Роковые времена,
И под громы боевые
Ты проснешься ото сна!»

Все настойчивей, напевней
Море Черное гудит
У подножья башни древней...
Та проснулась, та глядит.

И уже весь край в смятеньи:
Пламя, залпы, крики, шум...
Видит: в смутном отдаленьи
Вновь свободен Эрзерум.

Видит: войско с горных кручей,
Сквозь туман и через снега,
Сходит к морю черной тучей,
Гонит радостно врага.

И, крепя собой отряды,
Что идут вдоль берегов,
Броненосные громады
Режут синий строй валов.

В рое вымпелов с крестами
Потемнел Эвксинский понт...
Миг — и русскими войсками

Занят древний Требизонт.

7 апреля 1916

Тридцатый месяц

Тридцатый месяц в нашем мире
Война взмывает алый прах,
И кони черные валькирий
Бессменно мчатся в облаках!

Тридцатый месяц, Смерть и Го-
лод,
Бродя, стучат у всех дверей:
Клеймят, кто стар, клеймят,
кто молод,
Детей в объятьях матерей!

Тридцатый месяц, бог Европы,
Свободный Труд — порабощен;
Он роет для Войны окопы,
Для Смерти льет снаряды он!

Призывы светлые забыты
Первоначальных дней борьбы,
В лесах грызутся троглодиты
Под барабан и зов трубы!

Достались в жертву суесловью
Мечты порабощенных стран:

Тот опьянел бездонной кровью,
Тот золотом безмерным пьян...

Борьба за право стала бойней;
Унижен, Идеал поник...
И все нелепей, все нестройней
Крик о победе, дикий крик!

А Некто темный, Некто власт-
ный,
Событий нити ухватив,
С улыбкой дьявольски-бесстраст-
ной
Длит обескрыленный порыв.

О горе! Будет! будет! будет!
Мы хаос развязали. Кто ж
Решеньем роковым рассудит
Весь этот ужас, эту ложь?

Пора отвергнуть призрак мни-
мый,
Понять, что подменили цель...
О, счастье — под напев любимый
Родную зыблить колыбель!

Январь 1917

В Армении

К армянам

*Да! Вы поставлены на грани
Двух разных спорящих миров,
И в глубине родных преданий
Вам слышны отзвуки веков.*

*Все бури, все волненья мира,
Летя, касались вас крылом, —
И гром глухой походов Кира,
И Александра бранный гром.*

*Вы низили, в смятеньи стана,
При Каррах римские значки;
Вы за мечом Юстиниана
Вели на бой свои полки;*

*Нередко вас клонили бури,
Как вихри — нежный цвет весны,
—*

*При Чингис-хане, Ленгтимуре,
При мрачном торжестве Луны.*

*Но, — воин стойкий, — под уда-
ром
Ваш дух не уступал Судьбе, —*

Два мира вокруг него недаром
Кипели, смешаны в борьбе.

Гранился он, как твердь алмаза,
В себе все отсветы храня:
И краски нежных роз Ширази,
И блеск Гомерова огня.

И уцелел ваш край Наирский
В крушеньях царств, меж мук
земли:
Вы за оградой монастырской
Свои святыни сберегли.

Там, откровенья скрыв глубоко,
Таила скорбная мечта
Мысль Запада и мысль Востока,
Агурамазды и Христа, —

И, ключ божественной улады,
Нетленный в переменах лет,
На светлом пламени Эллады
Зажженный — ваших песен свет!

И ныне, в этом мире новом,
В толпе мятущихся племен,
Вы встали обликом суровым
Для нас таинственных времен.

Но то, что было, вечно живо,
В былом — награда и урок,
Носить вы вправе горделиво
Свой многовековой венок.

А мы, великому наследью
Дивясь, обеты слышим в нем...
Так! Прошлого тяжелой медью
Гудит над каждым новым днем.

И верится, народ Тиграна,
Что, бурю вновь преодолев,
Звездой ты выйдешь из тумана,
Для новых подвигов созрев,

Что вновь твоя живая лира,
Над камнями истлевших плит,
Два чуждых, два враждебных ми-
ра
В напеве высшем съединит!

23 января 1916
Тифлис

К Армении

В тот год, когда господь сурово
Над нами дланьотяготил,
Я, в жажде сумрачного крова,
Скрываясь от лица дневного,

Бежал к бесстрастию могил.

*Я думал: божескую гневность
Избуду я в святой тиши:
Смирит тоску седая древность,
Тысячелетних строф напевность
Излечит недуги души.*

*Но там, где я искал гробницы,
Я целый мир живой обрел.
Запели, в сретенье денницы,
Давно истлевшие цевницы,
И смерти луг — в цветах расцвел.*

*Не мертвым голосом былины,
Живым приветствием любви
Окрестно дрогнули долины,
И древний мир, как зов единый,
Мне грянул грозное: Живи!*

*Сквозь разделяющие годы
Услышал я ту песнь веков,
Во славу благостной природы,
Любви, познания и свободы,
Песнь, цепь ломающих, рабов.*

*Армения! Твой древний голос—
Как свежий ветер в летний зной!*

Как бодро он взвивает волос,
И, как дождем омытый колос,
Я выпрямляюсь под грозой!

9 декабря 1915

Баку

Холодно Каспию, старый ворчит;
Длится зима утомительно-долго.

Норд, налетев, его волны рябит;
Льдом его колет любовница-Волга!

Бок свой погреет усталый старик
Там, у горячих персидских предгорий...

Тщетно! вновь с севера ветер возник,
Веет с России метелями... Горе!

Злобно подымет старик-исполин
Дряхлые воды, — ударит с размаху,

Кинет суда по простору пучин...
То-то матросы натерпят
страху!

Помнит старик, как в былые века

Он широко разлегался на ложе...
Волга-Ахтуба была не река,
Моря Азовского не было тоже;

Все эти речки: Аму, Сыр-Дарья,
Все, чем сегодня мы карты узо-
рим,
Были — его побережий семья;
С Черным, как с братом, сливался
он морем!

И, обойдя сонм Кавказских гро-
мад,
Узким далеко простершись проли-
вом,
Он омывал вековой Арарат,
Спал у него под челом гордели-
вым.

Ныне увидишь ли старых друзей?
Где ты, Масис, охранитель ковче-
га?
Так же ли дремлешь в гордыне
своей?
— Хмурится Каспий, бьет в берег
с разбега.

Всё здесь и чуждо и ново ему:

Речки, холмы, города и народы!
Вновь бы вернуться к былому, к
тому,
Что он знавал на рассвете приро-
ды!

Видеть бы лес из безмерных ство-
лов,
А не из этих лимонов да лавров!
Ждать мастодонтов и в глуби ва-
лов
Прятать заботливо ихтиозав-
ров!

Ах, эти люди! Покинув свой прах,
Бродят они средь зыбей и в туман-
нах,
Режут валы на стальных скорлу-
пах,
Прыгают ввысь на своих гидро-
планах!

Всё ненавистно теперь старику:
Всё б затопить, истребить, обес-
славить, —
Нивы, селенья и это Баку,
Что его прежние глуби буравит!

25 января 1917
Баку

В Тифлисе

Увидеть с улицы грохочущей
Вершины снежных гор, —
Неизъяснимое пророчащий
Зазубренный узор;

Отметить монастырь, постав-
ленный
На сгорбленный уступ.
И вдоль реки, снегами сдавленной,
Ряд кипарисных куп;

Вступив в толпу многоодежную,
В шум разных языков,
Следить чадру, как дали, снеж-
ную,
Иль строгий ход волов;

Смотреть на поступи верблюжие
Под зеркалом-окном,
Где эталажи неуклюжие
Сверкают серебром;

Пройдя базары многолюдные,
С их криком без конца,
Разглядывать остатки скудные

Грузинского двorca;

В мечтах восставить над обломками

Пленителен: молвы:

*Тамары век, с делами громкими,
И век Саят-Новы;*

Припоминать преданья пестрые,

Веков цветной узор, —

*И заглядеться вновь на острые
Вершины снежных гор.*

1⁹¹⁶ Тифлис

Путевые заметки

1

*Море, прибоем взмятеженным,
К рельсам стальным, оприбре-
женным,*

Мечет лазурную гладь;

*Дали оттенком изнеженным
Манят к путям неисслежен-
ным...*

*Но — время ль с морем мечтать!
Мчимся к вершинам оснеженным
Воздухом свеже-разреженным
В жизни опять подышать!*

Январь 1916
Петровск-порт

2

Искры потоками сея,
В сумрак летит паровоз.
Сказочный край Прометея
Кажется призраком грез.
Дремлют вершины, белея...
Там поникал на утес
Демон, над Тереком рея...
Ах!.. Не дыхания роз
Жду! — Различаю во тьме я
Море безбрежное слез.

Январь 1916
Долина Куры

3

Разноодежная, разноплеменная,
Двигается мерно толпа у вокза-
ла:
Словно воскресла былая вселен-
ная,
Древняя Азия встала!
Грязные куртки и взоры воителей,
Поступь царя и башлык полурва-
ный.
Реют воочию души властителей:

1916

Елисаветполь

К Арарату

Благодарю, священный Хронос!
Ты двинул дней бесцветных ряд —
И предо мной свой белый конус
Ты высишь, старый Арарат!

В огромной шапке Мономаха,
Как властелин окрестных гор,
Ты взнесся от земного праха
В свободный, голубой простор.

Овеян ласковым закатом
И сизым облаком повит,
Твой снег сияньем розоватым
На кручах каменных горит.

Внизу, на поле в белых росах,
Пастух с тесьмой у дряхлых
чресл,
И, в тихом свете, длинный посох
Похож на Авраамов жезл.

Вдали — убогие деревни,
Уступы, скалы, камни, снег...

Весь мир кругом — суровый, древ-
ний,
Как тот, где опочил ковчег.

А против Арарата, слева,
В снегах, аляя, Алагяз,
Короной венчанная дева
Со старика не сводит глаз.

1⁹¹⁶
Эчмиадзин

Арарат из Эривани

Весь ослепительный, весь белый,
В рубцах задумчивых морщин,
Ты взнес над плоскостью равнин
Свой облик древле-онемелый,
Накинув на плечи покров
Таких же белых облаков.

Внизу кипят и рукоплещут
Потоки шумные Зангу;
Дивясь тебе, на берегу
Раины стройные трепещут,
Как белых девственниц ряды,
Прикрыв застывшие сады.

С утеса, стены Саардара,
Забыв о славе прошлой, ждут,

Когда пройдет внизу верблюд,
Когда домчится гул с базара,
Когда с мурлыканьем купец
Протянет блеющих овец.

Но ты, седой Масис, не слышишь
Ни шумных хвал, ни нужд земных,
Ты их отверг, ты выше их,
Ты небом и веками дышишь,
Тебе шептать — лишь младший
брат
Дерзает — Малый Арарат.

И пусть, взглянув угрюмо к Югу,
Как древле, ты увидишь вновь —
Дым, сталь, огни, тела и кровь,
Миры, грозящие друг другу:
Ты хмурый вновь отводишь лоб,
Как в дни, когда шумел потоп.

Творенья современник, ведал
Ты человечества конец,
И тайну новых дней — Творец
Твоим сединам заповедал:
Встав над кровавостью равнин,
Что будет, — знаешь ты один.

Январь 1916
Эривань

В Баку

Стыдливо стучатся о пристань
валы
Каспийского моря,
Подкрашенной пеной — и выступ
скалы,
И плиты узора,

На рейде ряды разноцветных су-
дов
Качаются кротко,
И мирно дрожит на волненьи ва-
лов
Подводная лодка.

Сплетается ветер с январским
теплом,
Живительно-свежий,
И ищет мечта, в далеке голубом,
Персидских прибрежий.

Там розы Шираза, там сад Шах-
наме,
Газели Гафиза...
И грезы о прошлом блистают в
уме,
Как пестрая риза.

*Привет тебе, дальний и дивный
Иран,
Ты, праотец мира,
Где некогда шли спараметы ар-
мян
За знаменем Кира...*

*Но мирно на рейде трепещут суда
С шелками, с изюмом;
Стыдливо о пристань стучится
вода
С приветливым шумом;*

*На улице быстрая смена толпы,
Покорной минуте,
И гордо стоят нефтяные столпы
На Биби-Эйбуте.*

24 января 1916
Баку

Тигран Великий
95-56 гг. до р. X

*В торжественном, лучистом све-
те,
Что блещет сквозь густой ту-
ман
Отшедших вдаль тысячелетий,*
—

Подобен огненной комете,
Над миром ты горишь, Тигран!

Ты понял помыслом крылатым
Свой век, ты взвесил мощь пле-
мен,
И знамя брани над Евфратом
Вознес, в союзе с Митридатом,
Но не в безумии, как он.

Ты ставил боевого стана
Шатры на всех концах земных:
В горах Кавказа и Ливана,
У струй Куры, у Иордана,
В виду столиц, в степях нагих.

И грозен был твой зов военный,
Как гром спадавший на врагов:
Дрожал, заслыша, парф надмен-
ный,
И гневно, властелин вселенной,
Рим отвечал с семи холмов.

Но, воин, ты умел Эллады
Гармонию и чару чтить;
В стихах Гомера знал услады,
И образ Мудрости-Паллады
С Нанэ хотел отождествить!

Ты видел в нем не мертвый идол;
Свою заветную мечту,
Вводя Олимп в свой храм, ты вы-
дал:
Навек — к армянской мощи при-
дал
Ты эллинскую красоту!

И, взором вдаль смотря орлиным,
Ты видел свой народ, в веках,
Стоящим гордо исполином:
Ты к светлым вел его годинам
Через войны, через тоску и страх...

Когда ж военная невзгода
Смела намеченный узор, —
Ты помнил благо лишь народа,
Не честь свою, не гордость рода,
—
Как кубок яда, пил позор.

Тигран! мы чтим твой вознесен-
ный
И лаврами венчанный лик!
Но ты, изменой угнетенный,
Ты, пред Помпеем преклоненный
Во имя родины, — велик!

11 декабря 1916

**Победа при Каррах
53 г. до р. X**

*Забывать ли час, когда у сцены,
Минуя весь амфитеатр,
Явился посланный Сурены,
С другой, не праздничной арены, —
И дрогнул радостью театр!*

*Актер, играя роль Агавы,
Из рук усталого гонца
Поспешно принял символ славы,
Трофей жестокий и кровавый
С чертами римского лица.*

*Не куклу с обликом Пенфея,
Но вражий череп взнес Ясон!
Не лживой страстью лицедея,
Но правым гневом пламенея,
Предстал пред зрителями он.*

*Подобен воинскому кличу
Был Еврипида стих живой:
«Мы, дедовский храня обычай,
Несем из гор домой добычу,
Оленя, сбитого стрелой!»*

Катясь, упала на подмости,

Надменный Красе, твоя глава.
В ответ на стук, глухой и жест-
кий,
По всем рядам, как отголоски,
Прошла мгновенная молва.

Все понял каждый. Как в тумане,
Вдали предстало поле Карр,
И стяг армянский в римском
стане...
И грянул гул рукоплесканий,
Как с неба громовой удар.

В пыланьи алого заката,
Под небом ясно-голубым,
Тем плеском, гордостью объята,
Благодарила Арташата
Царя, унизившего Рим!

Меж прошлым и будущим

*Меж прошлым и будущим нить
Я тку неустанной проворной рукою.
К. Бальмонт*

Золотой олень

*Золотой олень на эбеновой подставке,
китайская статуэтка XIV в, до р. X
из собрания И. С. Остроухова*

*Кем этот призрак заколдован?
Кто задержал навеки тень?
Стоит и смотрит, очарован,
В зубах сжав веточку, олень.*

*С какой изысканностью согнут
Его уверенный хребет!
И ноги тонкие не дрогнут,
Незримый оставляя след.*

*Летят века в безумной смене...
Но, вдохновительной мечтой,
На черно-блещущем эбене
Зверь неподвижен золотой.*

Золотошерстный, златорогий,

*Во рту с побегом золотым,
Он гордо говорит: «Не трогай
Того, что сделалось святым!*

*Здесь — истина тысячелетий,
Народов избранных восторг.
Лишь вы могли, земные дети,
Святыню выставить на торг.*

*Я жду: вращеньем не случайным
Мой, давний, возвратится день, —
И вам дорогу к вечным тайнам
Укажет золотой олень!»*

Февраль 1917

Мы — скифы

*Мы — те, об ком шептали в ста-
рину,
С невольной дрожью, эллинские
мифы:
Народ, взлюбивший буйство и вой-
ну,
Сыны Геракла и Ехидны, — скифы.*

*Вкруг моря Черного, в пустых
степях,
Как демоны, мы облетали быст-
ро,*

Являясь вдруг, чтоб сеять всюду
страх:
К верховьям Тигра иль к низовьям
Истра.

Мы ужасали дикой волей мир,
Горя зловеще, там и здесь, зарни-
цей:
Пред нами Дарий отступил, и Кир
Был скифской на. пути смирен ца-
рицей.

Что были мы? — Щит, нож, кол-
чан, копье,
Лук, стрелы, панцирь да коня уди-
ла!
Блеск, звон, крик, смех, налет, —
всё бытие
В разгуле бранном, в пире пьяном
было!

Лелеяли нас вьюги да мороз;
Нас холод влек в метельный
вихрь событий;
Ножом вино рубили мы, волос
Замерзших звякали льдяные ни-
ти!

Наш верный друг, учитель муд-
рый наш,
Вино ячменное живило силы:
Мы мчались в бой под звоны мед-
ных чаш,
На поясе, и с ними шли в могилы.

Дни битв, охот и буйственных пи-
ров,
Сменяясь, облик создавали жиз-
ни...
Как было весело колоть рабов,
Пред тем, как зажигать костер,
на тризне!

В курганах грузных, сидя на коне,
Среди богатств, как завещали де-
ды,
Спят наши грозные цари; во сне
Им грезятся пиры, бои, победы.

Но, в стороне от очага присев,
Порой, когда хмелели сладко го-
сти,
Наш юноша выделявал для дев
Коней и львов из серебра и кости.

Иль, окружив сурового жреца,

*Держа в руке высоко факел дым-
ный,
Мы, в пляске ярой, пели без конца
Неистово-восторженные гимны!*

1¹⁹¹⁶

Изречения

1. Афинский поденщик говорит:

*Что моя жизнь? лишь тоска да
забота!
С утра до вечера — та же работа!
Голод и холод меня стерегут.
Даже во сне — тот же тягост-
ный труд,
Горстка оливок да хлебная корка!
Что ж мне страшиться грозяще-
го Орка?
Верно, на бреге Кокита опять
Буду работать и буду страдать
И, засыпая в обители Ада,
Думать, что встать до рассвета
мне надо!*

15 октября 1916

2. Эпитафия римским воинам

*Нас — миллионы. Всюду в мире,
Разбросан, сев костей лежит:
В степях Нумидий и Ассирии,*

*В лесах Германии и Колхид.
На дне морей, в ущельях диких,
В родной Кампании мы спим,
Чтоб ты, великим из великих,
Как Древо Смерти, взнесся, Рим!*

1⁹¹⁵

Тайна деда

— Юноша! грустную правду тебе
расскажу я:
Высится вечно в тумане Олимп
многохолмный.
Мне старики говорили, что там,
на вершине,
Есть золотые чертоги, обитель
бессмертных.
Верили мы и молились гремяще-
му Зевсу,
Герге, хранящей обеты, Афине пре-
мудрой,
В поясе дивном таящей соблазн —
Афродите...
Но, год назад, пастухи, что к уте-
сам привыкли,
Посохи взяв и с водой засушенные
тыквы,
Смело на высь поднялись, на вер-
шину Олимпа,

И не нашли там чертогов —
лишь камни нагие:
Не было места, чтоб жить олим-
пийцам блаженным!
Юноша! горькую тайну тебе от-
крываю:
Ведай, что нет на Олимпе бо-
гов — и не будет!
— Если меня испугать этой прав-
дой ты думал,
Дед, то напрасно! Богов не нашли
на Олимпе
Люди? Так что же! Чтоб видеть
бессмертных, потребны
Зоркие очи и слух, не по-здешнему,
чуткий!
Зевса, Афину и Феба узреть пасту-
хам ли!
Я ж, на Олимпе не быв, в молодом
перелеске
Слышал напевы вчера неумолчно-
го Пана,
Видел недавно в ручье беспечаль-
ную Нимфу,
Под вечер с тихой Дриадой беседо-
вал мирно,
И, вот сейчас, как с тобой говорю
я, — я знаю,

Сзади с улыбкой стоит благо-
склонная Муза!

1⁹¹⁶

Драма в горах Надпись к гравюру

Гравюра изображает снежную метель в пустынной горной местности; полузасыпанный снегом, лежит труп человека в медвежьей шубе, а поблизости умирающий орел со стрелой в груди.

*Пропел протяжный стон стрелы;
Метнулись в яркий день орлы,
Владыки круч, жильцы скалы,
Далеко слышен гул полета;
Как эхо гор, в ответ из мглы
Жестоким смехом вторит кто-то.*

*Стрелок, одет в медвежий мех,
Выходит, стал у черных вех.
Смолк шум орлов; смолк злобный смех;
Белеет снег; в тиши ни звука...
Стрелок, продлить спеша успех,
Вновь быстро гнет упругость лука.*

Но чу! вновь стоп стрелы второй.
Враг, стоя за крутой горой,
Нацелил в грудь стрелка, — и
строй
Орлов опять метнулся дико.
Стрелок упал; он, как герой,
Встречает смерть без слов, без
крика.

Багряный ток смочил снега,
Простерты рядом два врага...
Тишь гор угрюма и строга...
Вдали, чуть слышно, взвыла вью-
га...
Вей, ветер, заметай луга,
Пусть рядом спят, навек, два дру-
га!

1⁹¹⁶

**Евангельские звери
Итальянский аполог XII века
(неизвестного автора)**

*У светлой райской двери,
Стремясь в Эдем войти,
Евангельские звери
Столпились по пути.*

Помногу и по паре

Сошлись, от всех границ,
Земли и моря твари,
Сонм гадов, мошек, птиц,

И Петр, ключей хранитель,
Спросил их у ворот:
«Чем в райскую обитель
Вы заслужили вход?»

Ослят неустрашимо:
«Закреты мне ль врата?
В врата Иерусалима
Не я ль ввезла Христа?»

«В врата не впускают нас ли?»
Вол мыкнул за волом:
«Не наши ль были ясли
Младенцу — первый дом?»

Да стукнув лбом в ворота:
«И речь про нас была:
„Не поит кто в субботу
Осла или вола?“»

«И нас — с ушком игольным
Пусть также помянут!» —
Так, гласом богомольным,
Ввернул словцо верблюду.

А слон, стоявший сбоку
С конем, сказал меж тем:
«На нас волхвы с Востока
Явились в Вифлеем».

Рот открывая, рыбы:
«А чем, коль нас отнять,
Апостолы могли бы
Семь тысяч напитать?»

И, гласом человека,
Добавила одна:
«Тобой же в рыбе некой
Монета найдена!»

А, из морского лона
Туда приплывший, кит:
«Я в знаменьи Ионы, —
Промолвил, — не забыт!»

Взнеслись: «Мы званы тоже!» —
Все птичьи племена, —
«Не мы ль у придорожий
Склевали семена?»

Но горлинки младые
Поправили: «Во храм
Нас принесла Мария,

Как жертву небесам!»

И голубь, не дерзая
Напомнить Иордан,
Проворковал, порхая:
«И я был в жертву дан!»

«От нас он (вспомнить надо ль?)
Для притчи знак обрел:
„Орлы везде, где падаль!“» —
Заклекотал орел.

И птицы пели снова,
Предвосхищая суд:
«Еще об нас есть слово:
„Не сеют и не жнут!“

Пролаял пес: „Не глуп я:
Напомню те часы,
Как Лазаревы струпья
Лизать бежали псы!“

Но, не вступая в споры,
Лиса, без дальних слов:
„Имеют лисы норы“, —
Об нас был глас Христов!»

Шакалы и гиены

Кричали, что есть сил:
«Мы те лизали стены,
Где бесноватый жил!»

А свиньи возопили:
«К нам обращался он!
Не мы ли потопили
Бесовский легион?»

Все гады (им не стыдно)
Твердили грозный глас:
«Вы — змии, вы — ехидны!» —
Шипя; «Он назвал нас!»

А скорпион, что носит
Свой яд в хвосте, зубаст,
Ввернул: «Яйцо коль просят,
Кто скорпиона даст?»

«Вы нас не затирайте!» —
Рой мошек пел, жужжжа, —
«Сказал он: „Не собирайте
Богатств, где моль и ржа!“»

Звучало пчел в гуденьи:
«Мы званы в наш черед:
Ведь он, по воскресеньи,
Вкушал пчелиный мед!»

*И козы: «Нам дорогу!
Внимать был наш удел,
Как „Слава в вышних богу!“
Хор ангелов воспел!»*

*И нагло крикнул петел:
«Мне ль двери заперты?
Не я ль, о Петр, отметил,
Как отрекался ты?»*

*Лишь агнец непорочный
Молчал, потупя взор...
Все созерцали — прочный
Эдемских врат запор.*

*Но Петр, скользнувши взглядом
По странной полосе,
Где змий был с агнцем рядом,
Решил: «Входите все!*

*Вы все, в земной юдоли, —
Лишь знак доброт и зол.
Но горе, кто по воле
Был змий иль злой орел!»*

11 апреля, 1916

В стране мечты

Последние поэты

*Высокая барка, — мечта-изваянье
В сверканьи закатных оранжевых
светов, —
Плыла, увозя из отчизны в изгна-
нье
Последних поэтов.*

*Сограждане их увенчали венками,
Но жить им в стране навсегда за-
претили...
Родные холмы с золотыми огня-
ми
Из глаз уходили.*

*Дома рисовались, как белые пят-
на,
Как призрак туманный — грома-
да собора...
И веяло в душу тоской необъят-
ной
Морского простора.*

*Смотрели, толпясь, исподлобья
матросы,*

Суров и бесстрастен был взор ка-
питана.

И барка качнулась, минуя утесы,
В зыбях океана.

Гудели валы, как; в торжествен-
ном марше,
А ветер свистел, словно гимн по-
гребальный,
И встал во весь рост меж изгнан-
ников старший,
Спокойно-печальный.

Он кудри седые откинул, он руку
Невольно простер в повелитель-
ном жесте.

«Должны освятить, — он про-
молвил, — разлуку
Мы песней все вместе!

Я первый начну! пусть другие под-
хватят.

Так сложены будут священные
строфы...

За наше служенье сограждане
платят

Нам ночью Голгофы!

В нас били ключи, — нам же пода-
ли оцет,
Заклатъ нас ведя, нас украсили в
ирис...
Был прав тот, кто „esse deum“,
молвил, „посет“[7],
Наш образ — Озирис!»

Была эта песня подхвачена млад-
шим:
«Я вас прославляю, неправые бра-
тья!
Vae victis![8] проклятие слабым и
падшим!
Нам, сырым, проклятье!

А вам, победители, честь! Сокру-
шайте
Стоцветные цепи мечты, и — сво-
бодны,
Над гробом осмеянных сказок,
справляйте
Свой праздник народный!»

Напевно продолжил, не двигаясь,
третий:
«Хвалы и проклятий, о братья, не
надо!

Те — заняты делом, мы — малые
дети:
Нам песня отрада!

Мы пели! но петь и в изгнаныи мы
будем!
Божественной волей наш подвиг
нам задан!
Из сердца напевы струятся не к
людям,
А к богу, как ладан!»

Четвертый воскликнул: «Мы эти
мгновенья
Навек околдуем: да светятся, свя-
ты,
Они над вселенной в лучах вдохно-
венья...»
Прервал его пятый:

«Мы живы — любовью! Нет!
только для милой
Последние розы напева святого...»
«Молчанье — сестра одиноче-
ства!» — было
Признание шестого.

Но выступил тихо седьмой и по-

следний.

«Не лучше ли, — молвил, — без
горьких признаний
И злобных укоров, покорней, бес-
следной
Исчезнуть в тумане?»

Оставшихся жаль мне: без неж-
ных созвучий,
Без вымыслов ярких и символов
тайных,
Потянется жизнь их, под мрач-
ною тучей,
Пустыней бескрайной.

Изгнанников жаль мне: вдали от
любимых,
С мечтой, как компас, устрем-
ленной к далеким,
Потянется жизнь их, в пустынях
палимых,
Под солнцем жестоким.

Но кто же виновен? Зачем мы не
пели,
Чтоб мертвых встревожить,
чтоб камни растрогать!
Зачем не гудели, как буря, свире-

ли,
Не рвали, как коготь?

Мы грусть воспевали иль пальчи-
ки Долли,
А нам возвышаться б, в пальбе и
пожарах,
И гимном покрыть голоса в мю-
зик-холле,
На митингах ярых!

Что в бой мы не шли вдохновен-
ным Тиртеем!
Что не были Пиндаром в буре
гражданской!..»
Тут зовы прорезал, извилистым
змеем,
Свисток капитанский.

«К порядку! — воззвал он, — мол-
чите, поэты!
Потом напоетесь, отдельно и хо-
ром!»
Уже погасали последние светы
Над темным простором.

Изгнанники смолкли, послушно,
угрюмо,

Следя, как смеются матросы от-
ветно, —
И та же над каждым прореяла
дума:
«Все было бы тщетно!»

Согбенные тени, недвижны, без-
молвны,
Смещались в одну под навесом
тумана...
Стучали о барку огромные волны
Зыбей океана.

1⁹¹⁷

Счастье уединения

На побережьи речки быстрой
Свой дом в уединеньи выстрой,
В долу, что защищен отвесом
Зеленых гор и красных скал,
Поросших, по вершинам, лесом
Тяжелых многошумных буков,
Где в глубине не слышно звуков,
Где день, проникнув, задремал.

Как некий чин богослужебный,
Свершать, в рассветный час, мо-
лебны
Ты будешь — мерностью напева

Хвалебных гимнов, строгих
строф;
Потом, без ропота и гнева,
До зноя, выполнять работу,
Чтоб дневную избыть заботу, —
Носить воды, искать плодов.

Чем утро будет многотрудней,
Тем слаще будет о полудне
Вкушать, по трапезе недлинной,
Покой святой, за мигом миг,
Иль, мыслью вольно-самочинной,
Под сенью царственного кедра,
Вскрывать обманчивые недра
Припомнившихся мудрых книг.

Но, только жар недолгий свалит,
И предзакатный луч ужалит
Зубцы знакомого утеса,
А по траве прорееет тень,
Пойдешь ты на уклон откоса,
Куда, на голос человечесий,
Привычной ожидая встречи,
Из рощи выбежит олень.

Вечерняя прокличет птица;
Мелькнет поблизости орлица,
С зайчонком в вытянутых лапах,

*Летя в гнездо, на скальный скат;
И разольется пряный запах
Обрызганных росой растений,
Да явственней вдали, сквозь тени,
ЗароЩет горный водопад.*

*В тот час наград и час возмездий,
Встречая чистый блеск созвездий,
Вдвоем с ширококорогим другом
Три чаши благ ты будешь пить:
В безлюдьи властвовать досугом,
Петь вдохновенней и чудесней
Никем не слышимые песни
И с женщиной снов не делить!*

1⁹¹⁶

Город сестер любви Видение

*Сестры! нежные сестры! я в детстве
вам клялся навеки.
«Все напевы»*

*Неспешным ровным шагом,
По кочкам, по оврагам,
Зигзаги за зигзагом,
Иду, в мечтах пою.
Внимая скрытым сагам,
Березы, пышным стягом,*

Спешат пред вещим магом
Склонить главу свою.

Играет ветер свежий
Вдоль зыбких побережий,
Где брошенные мрежи
И верши — часа ждут;
Но в грезах — страны те же,
Где бродит дух все реже;
Чертоги, вышки, вежи, —
Сестер Любви приют.

Кто видел этот пестрый
Кремль, — арки, своды, ростры, —
Где вязь «Amicae postrae»[9]
В дверь тайника влечет?
Нострадамы, Калиостры,
Да те, чей разум острый,
Ласкать любили Сестры,
Кому являли вход!

Жду вожделенной встречи...
Чу! с башни слышны речи,
Во храмах блещут свечи...
Но миг — фантом исчез.
И вновь тропой овечьей,
Зигзагами поречий,
Иду вдоль синей гречи

Под пустотой небес!

1⁹¹⁶

В действительности

Футуристический вечер

*Монетой, плохо отчеканенной,
Луна над трубами повешена,
Где в высоте, чуть нарумяненной,
С помадой алой сажа смешана.*

*Стоят рядами вертикальными
Домов неровные зазубрины,
По стенам — бляхами сусальны-
ми,
По окнам — золотом разубраны.*

*Вдоль улиц червяки трамвайные
Ползут, как узкими ущельями,
И фонари, на нити тайные
Надеты, виснут ожерельями.*

*Кругом, как в комнатах безвыход-
ных,
Опризрачены, люди мечутся,
В сознании царственном, что их
одних
Ночные сны увековечатся.*

*И крик, и звон, и многократные
Раскаты, в грохоте и топоте,
И тонут, празднично-закатные,
Лучи в неразстворимой копотии...*

22 апреля 1917

Уголки улицы

1

*Темная улица; пятнами свет фо-
нарей;
Угол и вывеска с изображеньем
зверей.*

*Стройная девушка; вырез причуд-
ливый глаз;
Перья помятые; платья потер-
тый атлас.*

*Шла и замедлила; чуть оберну-
лась назад;
Взгляд вызывающий; плечи за-
метно дрожат.*

*Мальчик застенчивый; бледность
внезапная щек;
Губы изогнуты: зов иль несмелый
намек?*

Стал, и с поспешностью, тайно
рукой шевеля,
Ищет в бумажнике, есть ли при
нем три рубля.

1⁹¹⁶

2. Она ждет

Фонарь дуговой принахмурился,
И стадо на миг темно;
Небоскреб угрюмо зажмурился,
Под которым жду я давно.

Белея, веют снежинки, —
Чем мошки весной, веселей.
На кресте застывают слезинки
Ледяных хрусталей.

Он сказал мне: «Приду...»
Как давно
Я жду...
Руки совсем иззябли...
Кивают в окно
Апельсины и яблоки.

1⁹¹⁶

Дама трэф

Я знаю, что вы — старомодны,
Давно и не девочка вы.

*Вы разбросили кудри свободно
Вдоль лица и вокруг головы.*

*Нашел бы придирчивый критик,
Что напрасно вы — в епанче,
Что смешон округленный щитик
У вас на правом плече,*

*Что, быть может, слишком румяны
Краски у вас на губах и щеке
И что сорван просто с поляны
Цветок в вашей правой руке.*

*Со скиптром и странной державой,
Ваш муж слишком стар и сед,
А смотрит слишком лукаво
На вас с алебардой валет.*

*Но зато вы — царица ночи,
Ваша масть — чернее, чем тьма,
И ваши подведенные очи
Любовь рисовала сама.*

*Вы вздыхать умеете сладко,
Приникая к подушке вдвоем,
И готовы являться украдкой,*

Едва попрошу я о том.

*Чего нам еще ждать от дамы?
Не довольно ль быть милой на
миг?*

*Ах, часто суровы, упорны, упрямы
Дамы черв, бубен и пик!*

*Не вздыхать же долгие годы
У ног неприступных дев!
И я из целой колоды
Люблю только даму трэф.*

1⁹¹⁵

Провинциальная картинка

*По бульвару ходят девки,
Сто шагов вперед, назад.
Парни сзади, в знак издевки,
На гармониках пищат.*

*Вышел лавочник дородный,
Пузо поясом стянул;
Оглядел разгул народный,
Рот себе крестя, зевнул.*

*Ковыляя, две старушки,
В страхе сторонясь, прошли...
Липы, с корня до верхушки,*

Перекрашены в пыли.

*За бульваром — два забора,
Дом, как охромевший конь.
Слева — речка, дали бора,
Феба радостный огонь.*

*Свечерело... Дымен, валок,
Сумрак на ветвях осел.
Скрылись стаи черных галок,
Крест собора побелел.*

*На скамейке, под ракитой,
Парень девку больно жмет, —
То она ворчит сердито,
То хохочет, то замрет.*

*Но уже давно на пыльной
Улице — молчанье царь,
И один, сетко-калийный,
Гордо светится фонарь.*

1⁹¹¹

Праздник в деревне

*Ударил звон последний
Оконченной обедни;
На паперти — народ,
Кумач и ситец пестрый;*

Луч солнца ярко-острый
Слепит глаза и жжет.

Как волки на овчарне,
Снуют меж девок парни;
Степенней мужики
Их подбивают к пляске.
Уже сидят в коляске
Помещицы сынки.

Вот с удочкою длинной,
Семинарист, в холстинной
Рубахе, в картузе,
А с ним учитель хмурый...
И бабы, словно дуры,
Вослед хохочут все.

Расходятся; походки
Неспешны; все о водке
Болтают меж собой,
В сторонке, где охапки
Соломы, ставя бабки,
Ведут мальчишки бой.

Луг изумрудный ярк...
Вдали — зеленых арок
Ряды и круг лесов...
Присел прохожий нищий...

*А рядом, на кладбище,
Семья простых крестов.*

1⁹¹⁶

В цыганском таборе

*У речной изложины —
Пестрые шатры.
Лошади стреножены,
Зажжены костры.
Странно под деревьями
Встретить вольный стан —
С древними кочевьями
Сжившихся цыган!*

*Образы священные
Пушкинских стихов!
Тени незабвенные
Вяземского строф!
Всё, что с детства впитано,
Как мечта мечты, —
Предо мной стоит оно
В ризе темноты!*

*Песнями и гулами
Не во сне ль живу?
Правда ль, — с Мариулами
Встречусь наяву?
Словно сам — в хламиде я,*

Словно — прошлый век.
Сказку про Овидия
Жду в толпе Алек.

Пусть кусками рваными
Виснут шали с плеч;
Пусть и ресторанами
Дышит чья-то речь;
Пусть и электрический
Над вокзалом свет!
В этот миг лирический
Скудной правды — нет!

1⁹¹⁵

Виденья города

Предутреннего города виденья,
Встающие, как призраки, с угла.
В пустынном сквере мерные дви-
женья
Солдат; огромные рога вола,
Влекущего на рынок иждивенья
Для завтрашнего барского стола;
Двух пьяниц, распростертых оту-
пенье;
Свет фонарей; свет неба; полу-
мгла;
Во храме огоньки богослуженья,
Которым вторят вдруг колоко-

ла...

И вот, у низкой двери, с возвыше-
нья
Ступеньки, подозрительно ала,
Ребенок-девушка, как приглаше-
нье
Войти, кивает головой, — мила,
Как ангел в луже... Чувство сожа-
ленья
Толкает прочь. И вслед летит ху-
ла,
Брань гнусная; а окна заведенья
Горят за шторами, как два жер-
ла.
Там — смех, там — музыка,
там — взвизги пенья...
И вторят в высоте колокола.

29 июля 1916

На Ладогe
1. Буря и затишье

Плывем пустынной Ладогой,
Под яркой аркой — радугой;
Дождь минул; полоса
Прозрачных тучек стелется;
Закат огнистый целится
Лучами нам в глаза.

Давно ль волной трехъярусной
Кидало челн беспарусный
И с шаткой кручи нас
Влекло во глубь отверстую?
— Вновь Эос розоперстую
Я вижу в тихий час.

Но меркнет семицветие...
Умрет закат... Раздетее
Очам предстанет синь...
Потом налягут сумраки...
— Заслышав дальний шум реки,
К Неве свой парус двинь!

1⁹¹⁷

2. Парус и чайка

То поспешно парус складывая,
То бессильно в бездну падая,
Напряженно режа волны,
Утомленный реет челн.

Но, свободно гребни срезывая,
Рядом вьется чайка резвая,
К тем зыбям летя смелее,
Где смятенье волн белей.

Вижу, не без тайной горечи,
Кто властительней, кто зорче.

Знаю: взор вонзивши рысий,
Птица мчит добычу ввысь.

1⁹¹⁷

В родных полях

Снежная Россия

За полем снежным — поле снеж-
ное,
Безмерно-белые луга;
Везде — молчанье неизбежное,
Снега, снега, снега, снега!

Деревни кое-где расставлены,
Как пятна в безднах белизны:
Дома сугробами задавлены,
Плетни под снегом не видны.

Леса вдали чернеют, голые, —
Ветвей запутанная сеть.
Лишь ветер песни невеселые
В них, иней вея, смеет петь.

Змеится путь, в снегах затеря-
нный:
По белизне — две борозды...
Лошадка, рысью неуверенной,
Новит чуть зримые следы.

Но скрылись санки — словно, белая,
Их поглотила пустота;
И вновь равнина опустелая
Нема, беззвучна и чиста.

И лишь вороны, стаяй бдительной,
Порой над пустотой кружат,
Да вечером, в тиши томительной,
Горит оранжевый закат.

Огни лимонно-апельсинные
На небе бледно-голубом
Дрожат... Но быстро тени длинные
Закутывают все кругом.

1⁹¹⁷

Утренняя тишь

В светлом жемчуге росинок
Чаши бледные кувшинок
Тихо светят меж тростинок,
И несчетный строй былинок,
В тех же крупных жемчугах,
Чуть трепещут вдоль тропинок
Желтым золотом песчинок,

Ярко блещущих в полях.

*Зелень, блесстки, воздух ранний,
Травы, мирр благоуханней,
Дали, радуг осиянней, —
Что прекрасней, что желанней
Долго жаждавшей мечте?
Сердце — словно многогранней;
Исчезает жизнь в осанне
Этой вечной красоте!*

*Пусть наш мир зеленый минет,
Человек просторы кинет,
Дали стенами задвинет
И надменно в небо хлынет
Высота стеклянных крыш:
Но, покуда кровь не стынет,
Сердце счастья не отринет —
Ведать утреннюю тишь!*

1⁹¹⁶

Родные цветы

1. Ландыш

*Ландыш милый, ландыш нежный,
Белый ландыш, ландыш снежный,
Наш цветок!
Встал ты меж зеленых створок,
Чтоб тебя, кто только зорек,*

Видеть мог.

*Колокольчики качая,
В воздухе веселом мая,
Бел и чист,
Ты, как звезды, в травах светишь,
Ты узором тонким метишь
Полный лист.*

*Восковой и весь нездешний,
Ты блаженней, ты безгрешней
Всех цветов.
Белый, белый, белый, белый,
Беспорочный, онемелый,
Тайный зов!*

*Как причастница одетый,
Ты влечешь в святые светы
Каждый взгляд,
Чтобы осенью ненастной,
Шарик странный, шарик красный,
Сеять яд.*

1⁹¹⁶

2. Иван-да-марья

*Иван-да-марья,
Цветок двойной,
Тебя, как встарь, я*

Топчу ногой.
Мне неприятен
Твой вид в траве:
Ряд алых пятен
На синеве.

Но ты покорен,
Неприхотлив:
Рой черных зерен
К земле сронив,
Свой стебель темный
Ты низко гнешь,
И снова, скромный,
Потом встаешь.

Твой цвет не вянет,
Ты словно нем,
В лесу не занят
Ничем, ничем;
Ты, андрогинный,
Сам для себя
Цветок невинный
Пылишь, любя.

Нет, не случайно
Ты здесь таков:
Ты — символ тайный
Иных миров,

Нам недоступной
Игры страстей,
Еще преступной
Для нас, людей!

1⁹¹⁶

3. Венок из васильков

Любо василечки
Видеть вдоль межи, —
Синенькие точки
В поле желтой ржи.
За цветком цветочек
Низко мы сорвем,
Синенький веночек
Для себя сплетем.

После, вдоль полоски,
К роще побежим.
Шепчутся березки
С небом голубым.
Сядем там на кочке...
Зной и тишина...
В голубом веночке
Высь отражена.

Песенку не спеть ли,
Притаясь в траве?
Облачка — как петли

*В ясной синеве!
Локоны в веночке
Вроде облачков...
Ломки стебелечки
Синих васильков!*

*Там, внизу, под склоном, —
Нежный шум реки.
Здесь, в шатре зеленом,
Реют мотыльки.
Мы, как мотылечки,
Здесь укрылись в тень,
В синеньком веночке,
В жаркий летний день!*

1⁹¹⁷

Мраморная арка

*В уголку далеком парка,
Солнцем залитая ярко,
Дремлет мраморная арка, —
Память пышной старины;
Вдоль по речке — ни волны;
Клены — в сон погружены;
Спит под ивами байдарка;
Спит заброшенная барка;
Полдень парит; всюду жарко;
Все о прошлом видит сны.*

*Заросли травой аллеи;
Глушь с годами — все темнее;
На газон всползают змеи;
Смолк иссохший водопад...
А когда-то, век назад,
Как был шумен летом сад!
Здесь вели свои затеи
Девы, с обликом камеи,
Меж красавцев, а лакеи
Ждали, выстроены в ряд;*

*Здесь, что день, звучало эхо
Детски радостного смеха;
За потехами потеха
Здесь меняла пестрый вид...
Век прошел, и все молчит;
Словно целый мир забыт,
Мир веселий, мир успеха!
Лишь, как сумрачная вежа,
Возле грецкого ореха
Арка мраморная спит.*

1⁹¹⁶

Лесные тропинки

*Лесные тропинки! лесные тропинки!
ки! не раз и не два
Вы душу манили под тихие своды
дубов и берез.*

Сверкали росинки, качались кув-
шинки, дрожала трава,
И в запахе гнили плелись хорово-
ды блестящих стрекоз...

И было так сладко — на землю
поникнуть, лежать одному,
И слушать, как нежно чирикают
птицы напевы свои,
И взглядом украдкой глубоко про-
никнуть, сквозь травы,
во тьму,
Где, с грузом, прилежно ведут ве-
реницы домой муравьи.

А дятел далекий застукает чет-
ко о высохший ствол,
И солнце в просветы сияние бро-
сит, как утром в окно...
Лежишь, одинокий, и думаешь
кратко, что дух — все
обрел,
И сердце привета не хочет, не про-
сит, и все — все равно!

Май 1916

В гамаке

В небе, слабо синеватом,

С легкой дымкой белизны,
Любо ласточкам крылатым
Сеять крики с вышины.

Веток скругленные сети,
Уловив сверканье дня,
Сами блещут в странном свете
Изумрудного огня.

Дышат ирисы чуть внятно,
Дышит, скошена, трава...
Зелень, блеск, цветные пятна,
Белизна и синева!

Что все думы! все вопросы!
Сладко зыблюсь в гамаке.
Мертвый пепел папирасы
Чуть сереет на песке.

Я до дна души приемлю
Этот вечер, этот миг,
Словно вдруг я понял землю,
Тайну вечности постиг.

Были бури, будут бури,
Но теперь — лишь тихий сад,
Словно сам, в бело-лазури,
Я, как ласточка, крылат!

По грибы

*Ищу грибы, вскрывая палочкой
Зелено-бархатные мхи;
Любуюсь простенькой фиалочкой;
Слагаю скромные стихи.*

*В лесу лежат богатства грудам!
У корней тоненьких осин
Трава сверкает изумрудами
И под осинник, как рубин.*

*А боровик, в тени березовой,
Чуть из земли возникнув, рад
К высокой, липке бледно-розовой,
Прижаться, как большой агат.*

*И белый гриб (что клад достигну-
тый!)
Среди дубков пленяет глаз, —
На толстой ножке, пышно-выгну-
тый,
Блестя, как дымчатый топаз.*

*И, как камнями-невеличками
Осыпан в перстне бриллиант,
В корзине желтыми лисичками*

Я выстилаю узкий кант.

*Лягушки прыгают расчетливо,
Жужжат жуки, как в две трубы.
И собираю я заботливо
В лесу — и рифмы и грибы.*

1 июня 1916

Святогор

*Сплошное кваканье лягушек
С давно заросшего пруда, —
Когда из-за лесных верхушек
Блестит вечерняя звезда;*

*В густеющем слегка тумане
Спокойный, ровный бег минут,
И сладкий бред воспоминаний:
Такой же час, такой же пруд...*

*Все то же. В тех же переливах
Края застылых облаков...
И только нет былых счастливых,
Дрожа произнесенных слов.*

*Так что ж! Признай свою мгно-
венность,
Поющий песни человек,
И роковую неизменность*

Полей, лугов, холмов и рек!

*Не так же ль квакали лягушки
И был забурен дальний бор,
Когда надменно чрез верхушки
Шагал тяжелый Святогор?*

*И вторит голосом лягушек,
Опять, вечерняя пора —
Раскатам громогласных пушек
На дальних берегах Днестра.*

1⁹¹⁶

Черные вороны

*Каркайте, черные вороны,
Мытые белыми вьюгами:
По полю старые бороны
Ходят за острыми плугами.*

*Каркайте, черные вороны!
Истину скрыть вы посмеете ль?
Мечет, крестясь, во все стороны
Зерна по бороздам сеятель.*

*Каркайте, черные вороны!
Выкрики издавна слажены;
Нивы страданием ораны,
Потом кровавым увлажнены.*

Каркайте, черные вороны,
Ваше пророчество! В воздухе
Грянет в упор, как укор, оно:
«Пахарь! не мысли о роздыхе!»

Каркайте, черные вороны!
Долго ль останусь на свете я?
Вам же садиться на бороны
Вновь, за столетьем столетия!

27 мая 1917

Вдоль моря

Мы едем вдоль моря, вдоль моря,
вдоль моря...
По берегу — снег, и песок, и кусты;
Меж морем и небом, просторы
узоря,
Идет полукруг синеватой черты.

Мы едем, мы едем, мы едем...
Предгорий
Взбегает, напротив, за склонами
склон;
Зубчатый хребет, озираясь на мо-
ре,
За ними белеет, в снегах погребен.

Всё дальше, всё дальше, всё даль-

ше... Мы вторим
Колесами поезда гулу валов;
И с криками чайки взлетают над
морем,
И движутся рядом гряды обла-
ков.

Мелькают, мелькают, мелька-
ют, в узоре,
Мечети, деревни, деревья, кусты...
Вот кладбище смотрится в са-
мое море,
К воде наклоняясь, чернеют кре-
сты.

Все пенные, пенные, пенные, в мо-
ре
Валы затевают свой вольный раз-
бег,
Ликуют и буйствуют в друже-
ском споре,
Взлетают, сметая с побережия
снег...

Мы едем... Не числю, не мыслю, не
спорю:
Меня покорили снега и вода...
Сбегают и нивы и пастбища к мо-

рю,
У моря по снегу блуждают стада.

Цвет черный, цвет белый, цвет
синий... Вдоль моря
Мы едем; налево — белеют хреб-
ты,
Направо синеют, просторы узоря,
Валы, и над ними чернеют кре-
сты.

Мы едем, мы едем, мы едем! Во
взоре
Все краски, вся радуга блеклых
цветов,
И в сердце — томленье застыв-
ших предгорий
Пред буйными играми вольных ва-
лов!

1⁹¹⁷

Тусклая картинка

Под небом тускло-синеватым,
Ограждена зеленым скатом
С узором белых повилик,
Река колеблет еле внятно
По синеве стальные пятна
И зыби цвета «электрик».

Обрывки серых туч осели
К вершинам изумрудных елей
И загнутым плащам листвы;
А, ближе, ветер — обессилен
И слабо реет вдоль извилин
Болотно-матовой травы.

Черты дороги — чуть заметны,
Но к ним, как веер многоцветный,
Примкнули кругозоры нив:
Желтеет рожь, красна гречиха,
Как сталь — овес, и льется тихо
Льна синеватого разлив.

Июль 1917

Ночью

Ночь

Пришла и мир отгородила
Завесой черной от меня,
Зажгла небесные кадила,
Вновь начала богослуженье,
И мирно разрешился в пенье
Гул обессиленного дня.

Стою во храмине безмерной,
Под звездным куполом, один, —
И все, что было достоверно,

*Развеяно во мгле простора,
Под звуки неземного хора,
Под светом неземных глубин.*

*Пусть Ночь поет; пусть мировые
Вершатся тайны предо мной;
Пусть благодатной евхаристии
Торжественные миги минут;
Пусть царские врата задвинут
Все той же черной пеленой.*

*Причастник, прежней жизни кос-
ной
Я буду ждать, преображен...
А, сдвинув полог переносный,
Ночь — бездну жизни обнаружит,
И вот уже обедню служит
Во мраке для других племен.*

1⁹¹⁶

Ночью у реки

*Воды — свинца неподвижней; ивы
Безмолвно поникли;
Объят ночным обаяньем выгну-
тый берег реки;
Слиты в черту расстояньем, где-
то дрожат огоньки.*

Мир в темноте непостижней; су-
мраки к тайнам привыкли...
Сердце! зачем с ожиданьем битъ-
ся в порыве тоски?
Мирно смешайся с преданьем, ча-
рами сон облеку!

Чу! у излучины нижней — всхлип
непонятный... Не крик ли?
К омуту, с тихим рыданьем,
быстро взнеслись две руки...
Миг, — над безвестным страда-
ньем тени опять глубоки.

Слышал? То гибнет твой ближ-
ний! Словно в магическом цикле
Замкнуты вы заклинаньем! слов-
но вы странно близки!
Словно ты проклят стенаньем —
там, у далекой луки!

Воды — еще неподвижней; ветви
покорней поникли;
Лишь на мгновенье журчаньем
дрогнули струи реки...
Что ж таким жутким молча-
ньем мучат теперь ивняки?

Восход луны

*Белых звезд прозрачное дыханье;
Сине-бархатного неба тишь;
Ожиданье и обереганье
Лунного очарованья, лишь
Первое струящего мерцанье
Там, где блещет серебром ка-
мыш.*

*Эта ночь — взлелеянное чудо:
Ночь из тех узорчатых часов,
Зыблемых над спящими, откуда
Рассыпается причуда снов,
Падающих в душу, как на блюдо
Золотое — гряда жемчугов.*

*Этот отблеск — рост непобеди-
мой
Мелопеи, ропоты разлук;
Этот свет — предел невыразимой
Тишины, стук перлов, мимо рук
Разлетающихся — мимо, мимо,
Луциолами горящих вокруг.*

*Дышат звезды белые — прерывно;
Синий бархат неба — побледнел;
Рог в оркестре прогудел призывно;*

*Передлунный облак — дивно-бел...
В белизне алея переливно,
Шествует Лунина в наш предел.*

1⁹¹⁷

Закатный ветер

*Веет древний ветер
В ветках вешних верб,
Сучья гнутся, ломаются.
Ветр, будь милосерд!
Ветви взвиты вверх,
Стоном их кто тронется?*

*Час на краски щедр:
В небе — алый герб,
Весь закат — в веселии.
Ветр, будь милосерд!
Я, как брат Лаэрт,
Плачу об Офелии.*

*Бледен лунный серп.
Там — тоска, ущерб;
Здесь — все светом залито.
Ветр, будь милосерд!
Кто во прах поверг,
Близ могилы, Гамлета?*

Вздрогнет каждый нерв...

И из тайных недр
Память кажет облики...
Ветр, будь милосерд!
Верба, словно кедр,
Шлет на стоны отклики.

1⁹¹⁶

НОЧНОЙ ГНОМ

Жутко в затворенной спальне.
Сердце стучит все страдальней;
Вторят часы все печальней;
Кажется: в комнате дальней
По золотой наковальне
Бьет серебром
Безжалостный гном.

Стелются гостеприимней
Сумраки полночи зимней;
В лад с молотком, все интимней
Тени поют; в тихом гимне
Ночь умоляет: «Прости мне!»
Нежная мгла
Кругом облегла.

Жутко в безжизненном доме...
Сердце изныло в истоме...
Ночь напевает... Но, кроме
Гимнов, чуть слышимых в дреме,

Бьет, утомительно — гномий
Молот в тиши,
По тайнам души...

1⁹¹⁶

Ночные страхи

*И бездна нам обнажена,
С своими страхами и мглами...
Вот отчего нам ночь страшна.
Ф. Тютчев*

*Как золото на черни,
Блестит, во мгле вечерней,
Диск маятника; стук
Минут в тиши размерной.
Невольно — суеверней
Глядишь во мрак, вокруг.*

*Ночь открывает тайны.
Иной, необычайный
Встал мир со всех сторон.
Безмерный и бескрайный...
И страхи не случайны,
Тревожащие сон.*

*Те страхи — груз наследий
Веков, когда медведи
Царили на земле;*

*Когда, копьем из меди
Наметив, о победе
Мы спорили во мгле;*

*Когда, во тьме пещеры,
Шагов ночной пантеры
Страшился человек...
И древние химеры,
В преданьях смутной веры,
Хранит донныне век.*

1⁹¹⁶

На закатном поле

*Красным закатом забрызгано по-
ле;
Дождь из оранжевых точек в гла-
зах;
Призрак, огнистый и пестрый до
боли,
Пляшет и машет мечами в ру-
ках.*

*Тише! закрой утомленные веки!
Чу! зажурчали певуче струи...
Катятся к морю огромные реки;
В темных ложбинах не молкнут
ручьи.*

*В пьяной прохладе вечернего сада
Девушка никнет на мрамор плечом...*

Плачет? мечтает? — не знаю! не надо

Ведать: о ком! догадаться: о чем!

Было, иль будет, — мечта просияла,

В строфы виденье навек вплетено...

Словно, до дна, из кристалла фиала

Выпито сердцем густое вино.

Взоры открою: закатное поле,

Призрак огнистый с мечами в руках,

Солнце — багряно... Но ясен до боли

Девичий образ в усталых глазах!

Ночь 4/5 марта 1916

Близ милых уст

Это — надгробные нении...

*Это — надгробные нении в память угасших любовей,
Мигов, прошедших в томлении у роковых изголовий.*

*В дни, когда манят видения, в дни, когда радости внове,
Кто одолел искушения страстью вскипающей крови?*

*Благо вам, ложь и мучения, трепет смертельный в алькове,
Руки в святом онемении, болью сведенные брови!*

Благо! Вы мчали, в течении, жизни поток до низовий...

Но океан в отдалении слышен в торжественном зове.

Сердце окрепло в борении, дух мой смелей и суровей;

Ныне склоняю колени я, крест мой беру без условий...

Так колебался все менее ангелом призванный Товий.

Это — надгробные нении, память отшедших любовей.

Привет через звезды

*Канули краски заката,
Даль синевами объята:
Словно зубцы из агата,
Сосны встают из-за ската;
Выступит скоро Геката...
Но, непорочно и свято,
Сквозь океан аромата,
Взорами нежного брата
В эту юдоль темноты
Звезды глядят с высоты.
Ищешь ли в небе и ты
Отблеск Плеяд, — как когда-то?*

*Знаю, что мили и мили
Нас, в этот час, разделили.
Нет за плечом моим крылий,
Чтоб полететь без усилий
В край кипарисов и лилий...
Грозные дни опалили
Сердце мое, как в горниле...
Только сверкающей пыли
Солнц и безвестных планет
Я отдаю свой привет!
Вновь мы вдвоем? или свет
Горько ответит мне: «Были!»*

Trionfo della morte[10]

*Вспомни вскрики в огненной купе-
ли ласк, —*

*Зов смычка, поющего в метели
пляск, —*

*И клинка, сверкнувшего у щели,
лязг!*

*Вспомни:гнулось тело, как жи-
вая жердь;*

*За окном горела заревая твердь,
Но из мглы смотрела, вам ки-*

вая, — Смерть!

*Словно все открылись тайны в
сладкий миг,*

*Словно разрешились все загадки
книг:*

*Молнией сверкнув, смежились в
краткий крик!*

*Ты вступил в неизмеримость, — в
звездный сон;*

*Свет светил терялся, как над без-
дной звон...*

*Для чего ж раздался бесполезный
стон?*

Ты стоял в просторе несказанных
зал,
Меж зеркал таинственно-туман-
ных — мал.
И вонзались в душу сотни ждан-
ных жал.

1⁹¹⁶

Последнее счастье

В гробу, под парчой серебристой,
созерцал я последнее счастье,
Блаженство, последнее в жизни,
озаренной лучами заката;
И сердце стучало так ровно, без
надежд, без любви, без пристра-
стья,
И факелы грустно горели, так
спокойно, так ясно, так свято.

Я думал, безропотно верил, что
навек для меня отзвучали
Все яркие песни восторга, воскли-
цанья живых наслаждений;
В мечтах я покорно поставил ал-
тари Неизменной Печали,
И душу замкнул от лукавых, как
святилище, воспоминаний.

Но в Книге Судьбы назначали
письмена золотые иное:
От века в ней было сказанье о ма-
гически-избранной встрече,
И я узнаю богомольно, что нас в
мире, по-прежнему, двое,
И я, как пророчество, слышу по-
вторенные милые речи.

О, радость последнего чуда и люб-
ви безнадежно-последней!
Как яд, ты вливаешь в желанья
опьянительно-жуткую неж-
ность.
Стираешь все прежние грезы бес-
пощадней, чем смерть, и бесслед-
ной,
Даешь угадать с содроганьем,
что таит для людей неизбеж-
ность!

Все то же, что нежило утром,
этим вечером жизненным
нежит,
Но знаю, что нового чуда на зем-
ле ожидать не могу я,
И наши сплетенные руки только
божия воля развяжет,

*И только с лобзанием смерти я
лишусь твоего поцелуя!*

8 октября 1914

**Опять мгновения
1. Снежный призрак**

*Томно-мятежный
Сдержанный трепет
Руки нам свяжет;
Радостной дрожью
Губы нам сцепит;
Заповедь божью
Вкрадчиво-нежный
Внутренний лепет
Тайно доскажет;
В дали безбрежной
Слитую с ложью
Правду покажет;
Образы — снежной
Статуей — слепит, —
И, безнадежный,
Дух наш к подножью
Призрака ляжет!*

22 апреля 1917

2. Качели

*Вот опять мы уносимся, взбро-
шенные*

Беспощадным размахом качелей,
Над лугами, где блещут некоше-
ные
Снеговые цветы асфоделей.

То — запретные сферы, означен-
ные
В нашем мире пылающей гра-
нью...
И сердца, содроганьем охвачен-
ные,
Отвечают безвольно качанью.

Лики ангелов, хор воспевающие,
Вопиющие истину божью,
Созерцают виденья сверкающие
С той же самой мистической дро-
жью.

И, свидетель их светлой востор-
женности,
Робко взор уклоняя незрячий,
Содрогается, в муке отторжен-
ности,
Падший дух в глубине — не иначе!

Ветер вьет одеяние жреческое,
Слабнут плечи, и руки, и ноги,

Исчезает из душ человеческое...
«Будете вы, как боги!»

1⁹¹⁷

3. В ладье

Дрожит ладья, скользя медли-
тельно,
На тихих волнах дрожит ладья.
И ты и я, мы смотрим длитель-
но,
В одном объятии — и ты и я.

Встал водопад в дали серебряной,
В дыму и брызгах встал водопад...
Как будто яд, нам в тело внедрен-
ный,
Палит, сжигает... Как будто яд!

За мигом миг быстрее течение,
Все ближе бездна за мигом миг...
Кто нас настиг? Понять все ме-
нее
Способно сердце, кто нас настиг.

В водоворот, волной захваченный,
Челнок несется — в водоворот...
Ты — близко, вот! О, смысл утра-
ченный

*Всей темной жизни, ты близко,
вот!*

1915⁻¹⁹¹⁶

Над вечной тайной

Марфа и Мария

*Печемся о многом, —
Одно на потребу:
Стоять перед богом
Со взорами к небу.*

*Но божье — вселико,
Небесное — разно:
Бог — в буре великой,
Бог — в грани алмазной.*

*И в розах, и в книгах,
И в думах, и в бое,
И в сладостных мигах,
Когда нас — лишь двое.*

*И в каждом есть божье,
И каждый угоден,
Покинув подножье,
Войти в свет господен.*

Не бойся, что много

Ты любишь, ты ценишь,
Исканиям бога
Доколь не изменишь!

1⁹¹⁶

Выходы

*Ante omnia cavl, ne quie voa teneret
invitos: patet exitue.
Seneca[11]*

Прекрасна жизнь! — Но ты, измученный,
Быть может, собственным бессильем,
Не говори, к стыду приученный,
Что тщетно мы взываем к крыльям.

Есть много роковых возможностей
Освободить мечту от власти
Житейских тягостных тревожностей,
Сомнений, унижений, страсти.

Душа, озлобленно усталая,
Томимая судьбой, как пленом!
Не даст ли отдых — стклянка

малая

С латинской надписью:
«venepit»? [12]

Желания, что жизнь бесплодная
В неодолимый круг замкнула,
Не отрешит ли — сталь холод-
ная
Красиво отлитого дула?

Иль просто — мост над закру-
тившимся
В весенней буйности потоком,
Сулящий думам возмутившимся
Покой в безмолвии глубоком?

Что не воззвать: «Клинок отто-
ченный,
Из ножен вырываясь, взвизгни,
И дай значенье — укороченной,
Но вольно-завершенной жизни!»

А древле-признанные способы?
Забиться в тепловатой ванне,
Чтоб все померкло, и вопроса бы:
«Сон скоро ль?» — не было желан-
ней!

Иль, жуткими прельстясь дурма-
нами
И выбрав путь прямой, бескров-
ней, —
Упитесь угольями рдяными
С изящной, низенькой жаровни!

А прочный шнур, надежно взмы-
ленный,
Сжимающий любовно шею,
Чтоб голос, негой обессиленный,
В последний раз воскликнул:
«Смею!»

А окна, что восьмиэтажные
Пред взором разверзают бездны?
А поездов свистки протяжные
И рельсы, — этот «путь желез-
ный»!

О! Если, с нежностью магической,
Тебе мечта твердит: «исполни!»
Подумай: в искре электрической
Затаены удары молний!

Иди, и, с мужеством сознатель-
ным,
Хоть раз один упорствуй в вере,

Не кроясь доводом предатель-
ным,
Что заперты пред нами двери!

Живите вы, чьи сны развеяны
Над роскошью пути земного!
Усталы, брошены, осмеяны,
Вы крикните: «Еще и снова!»

Но вы, на полпути поникшие,
Вы, чуждые блаженства в муке,
—
Припомните уста, привыкшие
Учить бестрепетной науке!

Для вас, изведавших ничтоже-
ство
Своих надежд, сказал Сенека:
«Открытых выходов есть множе-
ство
Из тесной жизни человека!»

15 февраля 1916

Уйди уверенно

Кого из жизни бури выбили,
Кто сух, как запыленный куст,
Не выдавай желанья гибели
И дум, что мир уныл и пуст, —

В словах ли сдержанных, в изгибе
ли
Отвыкших улыбаться уст.

Таи, что мутными и жуткими
Часы влачатся для тебя,
Что жизнь, как жерновами, сут-
ками
Твое сознание мнет, дробя,
Что счастлив ты лишь проме-
жутками
Меж явью, сумрак возлюбя.

Что и во снах, порой, без жалости
Все тот же ужас бытия
Тебя гнетет в твоей усталости,
Иль тайно колет, как змея...
Прикинься, что земные малости
Отринула душа твоя.

Умей притворными улыбками
Встречать обманчивых друзей,
Грустить прилично, лишь со
скрипками,
Поющими в кругу гостей;
Как кормщик, над валами зыбки-
ми
Скользить насмешливо умей.

*И, высмотрев спокойно с палубы,
Что твой последний луч погас,
Что, как поверхность ни блиста-
ла бы,
Дна не достанет водолаз, —
Ты вдруг, без выкриков, без жало-
бы,
Уйди уверенно от нас!*

1⁹¹⁶

Перешедшие — оставшимся

*Мы — здесь! мы — близко! Ты не
веришь?
О, бедный! о, незрячий брат!
Ты мир неверной мерой меряешь!
Пойми, — чему ты верить рад:
Что бесконечна жизнь; потери ж
Обманывают только взгляд!*

*Твой взор не видит. Всё ж мы
близко,
Вот здесь, вот там и близ тебя!
Пусть Смерть глазами василиска
Глядит, мгновенное губя:
Сияньем неземного диска
Любовь горит, всегда любя.*

Усни для этой жизни косной:

*В твоей руке твой карандаш
Шепнет, что есть иные весны,
И ты узнаешь голос наш.
Дух торжествует светоносный,
Твоя и наша жизнь — всё та ж!*

*Сейчас, вот в этот миг, не в высь
ли
Твои возносятся мечты?
То мы подсказываем мысли
Тебе — из тайны темноты;
То наши помыслы нависли
Над сном твоим: им внемлешь
ты!*

*Жить лишь до смерти — слишком мало!
Того не допустил творец.
Пути безграничны идеала,
Далеки цели и венец.
Смерть! смерть земли! твое где жало?
Жизнь! жизнь земли! твой где конец?*

1⁹¹⁶

Сонет к смерти

Смерть! обморок невырази-

мо-сладкий!
Во тьму твою мой дух передаю,
Так! вскоре я, всем существом, во-
пью, —
Что ныне мучит роковой загад-
кой.

Но знаю: убаюкан негой краткой,
Не в адской бездне, не в святом
раю
Очнусь, но вновь — в родном, зем-
ном краю,
С томленьем прежним, с преж-
ней верой шаткой.

Там будут свет и звук изменены,
Туманно — зримое, мечты — яс-
ны,
Но встретят те ж сомнения, как
прежде;

И пусть, не изменив живой на-
дежде,
Я волю пронесу сквозь темноту:
Желать, искать, стремиться в
высоту!

В альбомах

Мы

*Мы — гребень встающей волны.
«Tertia Vigilia»*

*Мы были гребень волны взнесенной...
Но белой пеной окроплены,
Мы разостлались утомленно,
Как мертвый плат живой волны.*

*Мы исчезаем... Нас поглощает
Волна другая, чтоб миг блеснуть,
И солнце зыби позлащает
Волн, приходящих умереть.*

*Я — капля в море! Назад отринут,
Кружусь в просторе, — но не исчез.
И буду бурей снова вскинут
Под вечным куполом небес!*

Люблю альбомы: отпечаток
На них любезной старины;
Они, как дней иных остаток,
Легендой заворожены.

Беря «разрозненные томы
Из библиотеки чертей»,
Я вспоминаю стих знакомый
Когда-то модных рифмачей.

Он кажется живым и милым
Лишь потому, что посвящен
Виденьям серебристокрылым
Давно развеянных времен.

И, вписывая строки эти
В почти безгрешную тетрадь,
Я верю, что еще на свете
Осталось, для кого писать!

6 марта 1916

П.И. Постникову

Что в протоплазме зыблил океан,
Что древле чувствовал летучий
ящер,
В чем жизнь была первичных обе-
зьян, —
Всё ты впитал в себя, мой давний

пращур!

*И плоть живую передал ты мне,
Где каждый мускул, все суставы,
кости
Гласят, как знав, о грозной стари-
не,
О тех, что спят на мировом пого-
сте.*

*Наследие бесчисленных веков,
Мое так мудро слепленное тело!
Ты — книга, где записано без слов
То прошлое, что было и истлело.*

*Ты говоришь про жизнь в морских
волнах,
Про ползанье, летанье, о трехгла-
зом
Чудовище, о гнездах на ветвях...
Блажен, кто слух склонил к тво-
им рассказам!*

*Блажен, кто понял, вещее, тебя
И, видя человеческую брэнность,
Умеет в ней разгадывать, любя,
Природы беспредельной неизмен-
ность!*

*Завидую тому, кто, острый взор
Склонив на эти связки, эти вены,
За ними видит мировой простор
И вечной жизни радостные сме-
ны!*

16 августа, 1916

К.А. Коровину

*Душа твоя, быть может, ослепи-
тельней,
Чем яркость буйная твоих кар-
тин.
И в нашем мире что-то удиви-
тельней
Всех пышных красок видишь ты
один,*

*Всех райских сил вожди много-
крылатые
Выводят пред тобой свои полки,
А где-то в безднах демоны-вожа-
таи,
Раскинув крылья, плачут от тос-
ки.*

*И Дантово виденье, Rosa Mystica,
Стоит всегда, блистая, пред то-
бой,*

*Во всех лучах, в дрожаньи каж-
дом листика,
В любом лице и в девушке любой.*

*Твои полотна — отзвук еле слы-
шимый
Гармонии, подслушанной в раю;
В них воздухом Эдема смутно ды-
шим мы,
В них прозреваем мы мечту
твою.*

*Как Моисей познал косноязычие,
Ты знаешь невозможность — вое
сказать...
Гордись: в твоём бессилии — вели-
чие,
В твоей безвольной кисти — бла-
годать!*

1⁹¹⁶

Клавдии Николаевне ***

*Вы только промелькнули, — акку-
ратной,
Заботливой и ласковой всегда.
В чем ваша жизнь? Еще мне непо-
нятно...
Да и понятным будет ли когда?*

Вы для меня останетесь виде-
нием
Вне времени; вы в жизнь мою во-
шли,
Чтоб в ней блеснуть по несколь-
ким мгновеньям
И в памяти, как луч, сиять вдали.

Но что ж! Два-три небезучаст-
ных слова,
Да столько ж раз — простой и
добрый взгляд:
Ведь это много для пути земного,
Где чаще взоры лгут, слова язвят.

За, может быть, привычное уча-
стье,
За общую улыбку, может быть,
Иль, наконец, за ваше беспристра-
стие —
Мне так отрадно вас благода-
рить.

И в эти дни мучительной распла-
ты,
Когда невольной праздности пора
Меня гнетет, — я понял, что сол-
даты

Влагают в имя нежное «сестра»!

14 августа 1916

**Ов. Иоаннисиану
В альбом**

К тебе приблизиться, то значит
—

*Вдохнуть души прекрасной свет.
Кто удручен, кто тайно плачет,*
—

*Тот ищет строф твоих, поэт.
В армянской новой жизни начат
Твоим напевом яркий след!*

1⁹¹⁶

**И. Туманьяну
Надпись на книге**

*...Да будет праведно возмездие
Судьбы — и в годах и в веках:
Так! создал новое созвездие
Ты на армянских небесах.*

*Пусть звезды малые и крупные
Тебя кропят, пронзая тьму:
Мы смотрим в сферы недоступ-
ные,
Дивясь сиянью твоему!*

25 февраля 1916

Мое упорство

О, лень моя! ты — возделенный сад!
Муни

Мое упорство, ты — неукротимо!
Пусть яростно года проходят
мимо,
Пусть никнут силы, сломлены
борьбой,
Как стебель гордой астры под
грозой;
Встаю, иду, борюсь неумолимо!
Моя душа всегда огнем палима.
В дневной толпе и в тишине ноч-
ной,
Когда тружусь, когда лежу боль-
ной, —
Я чувствую, что крылья серафи-
ма
Меня возносят, пламя в клубах
дыма;
Над человечеством столп огне-
вой,
Горю своим восторгом и тоской,
И буду я гореть неумолимо!
Пусть яростно века проходят ми-
мо!

4 июня 1916

Последний спор Из дневника

*Северным ветром взволнован,
остужен,
Буйно вздымает валы океан...
Челн мой давно с непогодами дру-
жен.*

*Близко побережье неведомых
стран;
Вкруг, неприветлив, озлоблен и
вьюжен,
Буйно вздымает валы океан.*

*Знаю, что путь мой — неверен,
окружен,
Знаю, что смертью грозит ура-
ган:
Челн мой давно с непогодами дру-
жен!*

*Стелется с берега серый туман,
Пляшут акулы, предчувствуя
ужин...
Буйно вздымает валы океан.*

Старый Нептун! если дар тебе ну-

*жен,
Бей по корме, беспощаден и пьян!
Челн мой давно с непогодами дру-
жен.*

*Ведал он скалы и мелей обман,
Любит борьбу и недаром натру-
жен...
Буйно вздымает валы океан.*

*Что ж! Если спор наш последний
рассужен,
Кану на дно, — но, лучом осиян,
Строй меня встретит подводных
жемчужин!*

1⁹¹⁶

**Роковой ряд
Венок сонетов
1. Леля**

*Четырнадцать имен назвать мне
надо...
Какие выбрать меж святых имен,
Томивших сердце мукой и отра-
дой?
Все прошлое встает, как жуткий
сон.*

Я помню юность; синий сумрак
сада;
Сирени льнут, пьяня, со всех сто-
рон;
Я — мальчик, я — поэт, и я —
влюблен,
И ты со мной, державная Дриада!

Ты страсть мою с улыбкой приня-
ла,
Ласкала, в отроче поэта холя,
Дала восторг и, скромная, ушла...

Предвестье жизни, мой учитель,
Леля!
Тебя я назвал первой меж других
Имен любимых, памятных, жи-
вых.

2. Таля

Имен любимых, памятных, жи-
вых
Так много! Но, змеей меня ужала,
Осталась ты царицей дней бы-
лых,
Коварная и маленькая Таля.

Встречались мы среди шумов го-

родских;
Являлась ты под складками вуа-
ля,
Но нежно так стонала: «милый
Валя», —
Когда на миг порыв желаний тих.

Все ж ты владела полудетской
страстью;
Навек меня сковать мечтала
властью
Зеленых глаз... А воли жаждал я...

И я бежал, измены не тая,
Тебе с безжалостностью кинув:
«Падай!»
С какой отравно-ранящей усла-
дой!

3. Маня

С какой отравно-ранящей усладой
Припал к другим я, лепетным,
устам!
Я ждал любви, я требовал с доса-
дой,
Но чувству не хотел предаться
сам.

Мне жизнь казалась блещущей
эстрадой;
Лобзанья, слезы, встречи по но-
чам, —
Считал я все лишь поводом к сти-
хам,
Я скорбь венчал сонетом иль бал-
ладой.

Был вечер; буря; вспышки облаков;
В беседке, там, рыдала ты, — без
слов
Поняв, что я лишь роль играю, ра-
ня...

Но роль была — мой Рок! Прости
мне, Маня!
Себя судил я в строфах огневых...
Теперь, в тоске, я повторяю их.

4. Юдифь

Теперь, в тоске, я повторяю их,
Но губы тяготит еще признанье.
Так! Я сменил стыдливые рыда-
нья
На душный бред безвольностей
ночных.

Познал я сладость беглого свиданья,
Поспешность ласк и равный пыл двоих,
Тот «тусклый огонь» во взорах роковых,
Что мучит наглым блеском ожиданья.

Ты мне явила женщину в себе,
Клейменую, как Пасифая в мифе,
И не забыть мне «пламенной Юдифи»!

Безлюбных больше нет в моей судьбе,
Спешу к любви от сумрачного чада,
Но боль былую память множить рада.

5. Лада

Да! Боль былую память множить рада!
Светлейшая из всех, кто был мне дан!
Твой чистый облик нимбом осиян,

Моя любовь, моя надежда, Лада!

*Нас обручили гулы водопада,
Благословил, в чужих горах, пла-
тан,
Венчанье наше славил океан,
Нам алтарем служила скал гро-
мада!*

*Что б ни было, нам быть всегда
вдвоем;
Мы рядом в мир неведомый вой-
дем;
Мы связаны звеном святым и
тайным!*

*Но путь мой вел еще к цветам
случайным;
Я Должен вспомнить ряд часов
иных...
О, счастье мук, порывов молодых!*

6. Таня

*О, счастье мук, порывов молодых!
Ты вдруг вошла, с усмешкой лег-
кой, Таня,
Стеблистым телом думы оту-
маня,*

*Смутив узорностью зрачков ко-
сых.*

*Стыдясь, ты требовала ласк мо-
их,
Любовница, меня вела, как няня,
Молилась, плакала, меня тираня,
Проя то перлов, то цветов про-
стых.*

*Невольню влекся я к твоей причу-
де,
И нравились мне маленькие груди,
Похожие на форму груш лесных.*

*В алькове брачном были мы, —
как дети,
Переживая ряд часов-столетий,
Навек закрепощенных в четкий
стих!*

7. Лила

*Навек закрепощенных в четкий
стих,
Прорезало немало миггов. Было
Светло и страшно, жгуче и уны-
ло...
Привет тебе, среди цариц земных,*

Недолгий призрак, царственная
Ли́ла!
Меня внесла ты в счет рабов сво-
их...
Но в цепи я играл: еще ничьих
Оков — душа терпеть не снисхо-
дила.

Актер, я падая пред тобой во
прах,
Я лобызал следы твоих сандалий,
Я дел терцинами твой лик меда-
лей...

Но страсть уже стояла на ча-
сах...
И вдруг вошла с палящей сталью
взгляда,
Ты — слаще смерти, ты — же-
ланней яда.

8. Дина

Ты — слаще смерти, ты — же-
ланней яда,
Околдовала мой свободный дух!
И взор померк, и воли огонь потух
Под чарой сатанинского обряда.

*В коленях — дрожь; язык — горяч
и сух;
В раздумьях — ужас веры и разла-
да;
Мы — на постели, как я провалах
Ада,
И меч, как благо, призываем
вслух!*

*Ты — ангел или дьяволица. Дина?
Сквозь пытки все ты провела ме-
ня,
Стыдом, блаженством, ревно-
стью казня.*

*Ты помниться проклятой, но еди-
ной!
Другие все проходят за тобой,
Как будто призраков туманный
строй.*

9. Любовь

*Как будто призраков туманный
строй,
Все те, к кому я из твоих объятий
Бежал в безумьи... Ах! твоей кро-
вати
Возжжен был стигман в дух смя-*

тенный мой.

*Напрасно я, обманут нежней
тьмой,
Уста с устами близил на закате!
Пронзен до сердца острием закл
тий,
Я был на ложах — словно труп
немой.*

*И ты ко мне напрасно телом ник
ла,
Ты, имя чье стозвучно, как Лю
бовь!
Со стоном прочь я отгибался
вновь...*

*Душа быть мертвой — сумрачно
привыкла,
Тот облик мой, как облик гробо
вой,
В вечерних далях реет предо
мною.*

10. Женя

*В вечерних далях реет предо мною
И новый образ, полный женской
лени,*

*С изнеженной беспечностью дви-
жений,
С приманчивой вокруг взоров сине-
вой.*

*Но в ароматном будуаре Жени
Я был все тот же, тускло-нежи-
вой;
И нудил ропот, женственно-груд-
ной,
Напрасно — миги сумрачных хо-
тений.*

*Я целовал, но — как восставший
труп,
Я слышал рысий, истерийный хо-
хот,
Но мертвенно, как законный гро-
хот...*

*Так водопад стремится на уступ,
Хоть страшный путь к провалу
непременен...
Но каждый образ для меня свяще-
нен.*

11. Вера

Да! Каждый образ для меня свя-

щенен!
Сберечь бы все! Сияй, живи и ты,
Владычица народа и мечты,
В чьей свите я казался обесценен!

На краткий миг, но были мы сли-
ты,
Твой поцелуй был трижды драго-
ценен;
Он мне сказал, что вновь я дерз-
новенен,
Что властен вновь я жаждать
высоты!

Тебя зато назвать я вправе «Ве-
рой»;
Нас единила общность ярких грез,
И мы взлетали в область вышних
гроз,

Как два орла, над этой жизнью се-
рой!
Но дремлешь ты в могильной глу-
бине...
Вот близкие склоняются ко мне.

13. Надя

Вот близкие склоняются ко мне,

Мечты недавних дней... Но суесловью
Я не предаю святыни, что с любовью
Таю, как клад, в душе, на самом дне.

Зачем, зачем к святому изголовью
Я поникал в своем неправом сне?
И вот — вечерний выстрел в тишине, —
И грудь ребенка освятилась кровью.

О, мой недолгий, невозможный рай!
Смирись, душа, казни себя, рыдай!
Ты приговор прочла в последнем взгляде.

Не смея снова мыслить о награде
Склоненных уст, лежал я в глубине,
В смятеньи — думы, вся душа — в огне...

13. Елена

*В смятеньи — думы; вся душа — в
огне
Пылала; грезы — мчались в дикой
смене...
Молясь кому-то, я сгибал коле-
ни...
Но был так ласков голос в выши-
не.*

*Еще одна, меж радужных виде-
ний,
Сошла, чтоб мне напомнить о
весне...
Челнок и чайки... Отблеск на вол-
не...
И женски-девий шепот; «Верь Еле-
не!»*

*Мне было нужно — позабыть,
уснуть;
Мне было нужно — в ласке пото-
нуть,
Мне, кто недавно мимо шел, над-
менен!*

*Над озером клубился белый пар...
И принял я ее любовь, как дар...
Но ты ль, венок сонетов, неизме-*

нен?

14. Последняя

Да! Ты ль, венок сонетов, неизменен?

Я жизнь прошел, казалось, до конца;

Но не хватало розы для венца,
Чтоб он в столетьях расцветал,
нетленен.

Тогда, с улыбкой детского лица,
Мелькнула ты. Но — да будет покровенен

Звук имени последнего: мгновенен
Восторг признаний и мертвит
сердца!

Пребудешь ты неназванной, безвестной, —

Хоть рифмы всех сковали связью тесной.

Прославят всех когда-то наизусть.

Ты — завершение рокового ряда:
Тринадцать названо; ты — здесь,
и пусть —

Четырнадцать назвать мне было
надо!

15. Заключительный

Четырнадцать назвать мне было
надо

Имен любимых, памятных, жи-
вых!

С какой отравно-ранящей усладой
Теперь, в тоске, я повторяю их!

Но боль былую память множить
рада;

О, счастье мук, порывов молодых,
Навек закрепощенных в четкий
стих!

Ты — слаще смерти! ты — же-
ланней яда!

Как будто призраков туманный
строй

В вечерних далях реет предо
мною, —

Но каждый образ для меня свяще-
нен.

Вот близкие склоняются ко мне...
В смятеньи — думы, вся душа — в

огне...

Но ты ль, венок сонетов, неизменен?

22 мая 1916

16. Кода

Да! ты ль, венок сонетов, неизменен?

Как прежде, звезды жгучи; поздний час,

Как прежде, душен; нежны глубины глаз;

Твой поцелуй лукаво-откровенен.

Твои колени сжав, покорно-пленен,

Мир мерю мигом, ах! как столько раз!

Но взлет судьбы, над бурей взвешивший нас,

Всем прежним вихрям грозно равномерен.

Нет, он — священной: на твоём челе

Лавр Полигимнии сквозит во мгле,

Песнь с песней мы сливаем вла-

стью лада.

*Пусть мне гореть! — но в том ог-
не горишь
И ты со мной! — я был неправ,
что лишь
Четырнадцать имен назвать мне
надо.*

1⁹²⁰

Семь цветов радуги (1912–1915)

*Еще есть долг, еще есть дело,
Остановиться не пора!*
К. Павлова

Navigetl haec summa est...
Vergilius

Оранжевый

Я сам

*...Я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной...*
А. Фет

Sed non satiatius...

*Что же мне делать, когда не пре-
сыщен
Я — этой жизнью хмельной!
Что же мне делать, когда не пре-
сыщен
Я — вечно юной весной!
Что же мне делать, когда не пре-*

сыщен

Я — высотой, глубиной!

Что же мне делать, когда не пре-
сыщен

Я — тайной муки страстной!

Вновь я хочу все изведать, что бы-
ло...

Трепета, сердце, готовь!

Вновь я хочу все изведать, что бы-
ло:

Ужас, и скорбь, и любовь!

Вновь я хочу все изведать, что бы-
ло,

Все, что сжигало мне кровь!

Вновь я хочу все изведать, что бы-
ло,

И — чего не было — вновь!

Руки несытые я простираю

К солнцу и в сумрак опять!

Руки несытые я простираю

К струнам: им должно звучать!

Руки несытые я простираю,

Чтобы весь мир осязать!

Руки несытые я простираю —

Милое тело обнять!

14 августа 1912

Юношам

*Мне все равно, друзья ль вы мне,
враги ли,
И вам я мил иль ненавистен вам,
Но знаю, — вы томилась и люби-
ли,
Вы душу предавали тайным снам;*

*Живой мечтой вы жаждете сво-
боды,
Бы верите в безумную любовь,
В вас жизнь бушует, как морские
воды,
В вас, как прибой, стучит по жи-
лам кровь;*

*Ваш зорок глаз и ваши легки ноги,
И дерзость подвига волнует вас,
Вы не боитесь, — ищете тревоги,
Не страшен, — сладок вам опас-
ный час;*

*И вы за то мне близки и мне ми-
лы,
Как стеблю тонкому мила зем-
ля:
В вас, в вашей воле черпаю я силы,*

Любуюсь вами, ваш огонь дела.

Вы — мой прообраз. Юности крылатой

Я, в вашем облике, молюсь всегда.
Вы то, что вечно, дорого и свято,
Вы — миру жизнь несущая вода!

Хочу лишь одного — быть вам подобным

Теперь и после; легким и живым,
Как волны океанские свободным,
Вносящимся в лазурь, как светлый дым.

Как вы, в себя я полон вещей веры,
Как вам, судьба поет и мне: живи!
Хочу всего, без грани и без меры,
Опасных битв и роковой любви!

Как перед вами, предо мной — открытый,
В безвестное ведущий, темный путь!

Лечу вперед изогнутой орбитой —
В безмерностях пространства потонуть!

Кем буду завтра, нынче я не знаю,
Быть может, два-три слова милых уст
Вновь предо мной врата раскроют к раю,
Быть может, вдруг мир станет мертв и пуст.

Таким живу, таким пребуду вечно, —
В моих, быть может, чуждых вам стихах,
Всегда любуясь дерзостью беспечной
В неугасимых молодых зрачках!

23 января 1914
Эдинбург II

О чем еще мечтать?

О чем еще мечтать мне в жизни этой?

Все ведомо, изжито, свершено:
От снов травы, лучом весны согретой,
До тихих снов, какими грезит дно;

От муки юноши в минуту стра-

сти,
До сладости в предчувствии кон-
ца,
И от пресыщенности дерзкой вла-
сти
До гордого безволия творца!

Куда идти, и кто теперь мне ну-
жен,
Пред кем опять мой дрогнет
скорбный дух?
Пусть звезды падают, как горсть
жемчужин,
Пусть океан поет мне гимны
вслух,

Пусть ангелы и демоны покорно
Встают опять в мерцающем ог-
не, —
Алхимик, на огонь погасший гор-
на
Смотрю без слез в своем безгроз-
ном сне.

Придешь ли снова ты, под новой
маской,
Мой давний друг, любезный Сата-
на,

Меня манит неукротимой пляс-
кой
Дев, восстающих с кубками вина?

Иль ты, о, женщина, в обличье но-
вом,
Скромна, как тень, и, словно день,
нага,
Меня поманишь к ужасам гото-
вым —
В «Подземное жилище» иль в лу-
га?

Что ж, может быть, на вызов я
отвечу,
Что ж, может быть, расслышу
старый зов,
Но лишь затем, что верным лу-
ком мечу
В себя, — как сын Лаэрта в жени-
хов.

Я гибели хочу, давно, упрямо,
Ее ищу, но отступает Смерть,
И всё, как купол чуждого мне хра-
ма,
Надменно надо мной сверкает
твердь!

31 января 1914
Эдинбург II

Ожерелье

*Руки, вечно молодые,
Миг не смея пропустить,
Бусы нижут золотые
На серебряную нить.*

*Жемчуг крупный, жемчуг малый
Нижут с утра до утра,
Жемчуг желтый, жемчуг алый
Белой нитью серебра.*

*Кто вы, радостные парки,
Вы, работницы судеб?
Нити пестры, нити яркие,
В белом блеске я ослеп.*

*Не моя ли жизнь — те нити?
Жемчуг — женские сердца?
Парки вещице, нижите
Яркий жемчуг до конца!*

*Выбирайте, подбирайте
Жемчуг крупный и простой,
Круг жемчужный завершайте
Быстро-нижущей иглой!*

Нить почти полна! немножко
Остается бус, — и вот
Золоченая застежка
Ожерелье — Смерть — замкнет!

10 января 1912

Летом 1912 года

Пора сознаться: я — не молод;
скоро сорок.
Уже не молодость, не вся ли
жизнь прошла?
Что впереди? обрыв иль спуск? но,
общий враг,
Стоит старуха-смерть у каждо-
го угла.
Я жил, искал услад, и правых и
неправых,
Мне сны безумные нашептывала
страсть,
Губами припадал ко всем земным
отравам,
Я знал, как радует, как опьяняет
власть.
Меж мук и радостей, творимых и
случайных,
Я, в лабиринте дней ища упорно
путь,
Порой тонул мечтой в предвеч-

но-страшных тайнах
И в хаос истины порой умел
взглянуть.
Я дрожь души своей, ее вмещаю в
звуках,
Сумел на ряд веков победно сохра-
нить,
И долго меж людей, в своих меч-
тах и муках,
В своих живых стихах, как фе-
никс, буду жить.
И в длинном перечне, где Данте,
где Вергилий,
Где Гете, Пушкин, где ряд дорогих
имен,
Я имя новое вписал, чтоб вечно
жили
Преданья обо мне, идя сквозь
строй времен.
Загадку новую я задал для столе-
тий,
На высях, как маяк, зажгет мечту
свою...
Об чем же мне жалеть на этом
бедном свете?
Иду без трепета и без тревог
стою.
Взмахни своей косой, ты, старая!

Быть может,
Ты заждалась меня, но мне — мне
все равно.
В час роковой меня твой голос не
встревожит:
Довольно думано! довольно свер-
шено!

1⁹¹²

Должен был...

Должен был Герострат сжечь
храм Артемиды в Эфесе,
Дабы явить идеал жаждущих сла-
вы — векам.

Так же Иуда был должен предать
Христа на распятие:
Образ предателя тем был завер-
шен навсегда.

Был Фердинанд принужден око-
вать цепями Колумба:
Ибо те цепи — пример неблаго-
дарных владык.

А Бонапарте? он мог ли остаться
в убежище Эльбы?
Был бы Елены гранит лишним

тогда на земле!

*Пушкин был должен явить нам,
русским, облик Татьяны,
Тютчев был должен сказать:
«Мысль изреченная — ложь!»*

*Так и я не могу не слагать иных,
радостных, песен,
Ибо однажды они были должны
прозвучать!*

4 *апреля 1915*
Варшава

Памятник

Sume superbiam...
Horatius[13]

*Мой памятник стоит, из строк
созвучных сложен.
Кричите, буйствуйте, — его вам
не свалить!
Распад певучих слов в грядущем
невозможен, —
Я семь и вечно должен быть.*

*И станов всех бойцы, и люди раз-
ных вкусов,*

В каморке бедняка, и во дворце царя,
Ликуя, назовут меня — Валерий Брюсов,
О друге с дружбой говоря.

В сады Украины, в шум и яркий сон столицы,
К преддверьям Индии, на берег Иртыша, —
Повсюду долетят горящие страныцы,
В которых спит моя душа.

За многих думал я, за всех знал муки страсти,
Но станет ясно всем, что эта песнь. — о них,
И, у далеких грез в неодолимой власти,
Прославят гордо каждый стих.

И в новых звуках зов проникнет за пределы
Печальной родины, и немец, и француз
Покорно повторят мой стих осиротелый,

Подарок благосклонных Муз.

Что слава наших дней? — случайная забава!

Что клевета друзей? — презрение хулам!

*Венчай мое чело, иных столетий
Слава,*

Вводя меня в всемирный храм.

Июль 1912

Сын земли

Я — сын земли...

В.Б.

Сын земли

Я — сын земли, дитя планеты малой,

Затерянной в пространстве мировом,

Под бременем веков давно усталой,

Мечтающей бесплодно о ином.

Я — сын земли, где дни и годы — кратки.

Где сладостна зеленая весна,

Где тягостны безумных душ за-

гадки,
Где сны любви баюкает луна.

От протоплазмы до ихтиозавров,
От дикаря, с оружием из кремня,
До гордых храмов, дремлющих
меж лавров,
От первого пророка до меня, —

Мы были узники на шаре скром-
ном,
И сколько раз, в бессчетной смене
лет,
Упорный взор земли в просторе
темном
Следил с тоской движения пла-
нет!

К тем сестрам нашей населенной
суши,
К тем дочерям единого отца
Как много раз вносились наши
души,
Мечты поэта, думы мудреца!

И, сын земли, единый из бессчёт-
ных,
Я в бесконечное бросаю стих, —

К тем существам, телесным иль
бесплотным,
Что мыслят, что живут в мирах
иных.

Не знаю, как мой зов достигнет
цели,
Не знаю, кто привет мой доне-
сет,
Но, если те любили и скорбели,
Но, если те мечтали в свой черед

И жадной мыслью погружались в
тайны,
Следя лучи, горящие вдали, —
Они поймут мой голос не случай-
ный,
Мой страстный вздох, домчав-
шийся с земли!

Вы, властелины Марса иль Вене-
ры,
Вы, духи света иль, быть может,
тьмы, —
Вы, как и я, храните символ веры:
Завет о том, что будем вместе
мы!

Земле

*Я — ваш, я ваш родич, священные гады!
Ив. Каневской*

*Как отчий дом, как старый горец
горы,
Люблю я землю: тень ее лесов,
И моря ропоты, и звезд узоры,
И странные строенья облаков.*

*К зеленым далям с детства взор
приучен,
С единственной луной сжилась
мечта,
Давно для слуха грохот грома зву-
чен,
И глаз усталый нежит темнота.*

*В безвестном мире, на иной пла-
нете,
Под сенью скал, под лаской алых
лун,
С тоской любовной вспомню све-
ты эти
И ровный ропот океанских струн.*

Среди живых цветов, существ

крылатых
Я затоскую о своей земле,
О счастье рук, в объятии тесном
сжатых,
Под старым дубом, в серебристой
мгле.

В Эдеме вечном, где конец иска-
ньям,
Где нам блаженство ставит свой
предел,
Мечтой перенесусь к земным
страданиям,
К восторгу и томленью смерт-
ных тел.

Я брат зверью, и ящерам, и ры-
бам.
Мне внятен рост весной встаю-
щих трав,
Молюсь земле, к ее священным
глыбам
Устами неистомными припав!

25 августа 1912

Предвещание

Быть может, суждено земле
В последнем холоде застынуть;

*Все́му живо́му — в мертво́й мгле
С безво́льностью покорно́й сги-
нуть.*

*Сначала в белый блеск снегов
Земля невестой облачится;
Туман, бесстрастен и суров,
Над далью нив распространится;*

*В мохнатых мантиях, леса —
Прозрачных пальм, как стройных
сосен, —
Напрасно глядя в небеса,
Ждать будут невозможных весен;*

*Забыв утехи давних игр,
Заснут в воде промерзшей рыбы,
И ляжет, умирая, тигр
На бело-ледяные глыбы...*

*Потом иссякнет и вода,
Свод неба станет ясно синим,
И солнце — малая звезда —
Чуть заблестит нагим пусты-
ням*

*Пойдет последний человек
(О, дети жалких поколений!)*

*Искать последних, скудных рек,
Последних жалостных растений*

*И не найдет. В безумьи, он
С подругой милой, с братом, с сы-
ном,
Тоской и жаждой опьянен,
Заспорит о глотке едином.*

*И все умрут, грызясь, в борьбе,
Но глаз не выключут им птицы.
Земля, покорная судьбе,
Помчит лишь трупы да гробни-
цы.*

*И только, может быть, огни,
Зажженные в веках далеких,
Всё будут трепетать в тени,
Как взоры городов стооких.*

1⁹¹³

Земля молодая

*Зданья громадные стройте,
Высьте над башнями башни,
Сводом стеклянным закройте
Свободные пашни;*

Солнцами солнце затмите,

Реки замкните гранитом,
Полюсы соедините
Тоннелем прорытым;

Правьте движеньем планеты, —
Бегом в пространстве небесном,
Бросьте сигнальные светы
Мирам неизвестным;

Воля проснется природы,
Грозно на дерзких восстанет,
Рухнут прозрачные своды,
Железо обманет;

Сгинут твердыни во прахе;
Здесь, над погостом столицы,
Дики покажутся взмахи
Полуночной птицы;

Выйдут и львы и медведи
Вновь из забытой берлоги,
Лягут на плитах из меди
В упавшем чертоге;

Вскроет, — глухим содроганьем
Прежнее племя сметая, —
Дали — грядущим созданьям
Земля молодая!

11 мая 1913

Детские упования

Снова ночь и небо, и надменно
Красный Марс блистает надо
мною.

Раб земли, окованный и пленный,
Что томиться грезой неземной?

Не свершиться детским упова-
ньям!

Не увидишь, умиленный, ты —
Новый луч над вечным мирозда-
нием:

Наш корабль в просторах пусто-
ты!

Не свершишь ты первого полета,
Не прочтешь и на столбцах га-
зет,

Что безвестный, ныне славный,
кто-то,
Как Колумб, увидел новый свет.

Что ж, покорствуй! Но душа не
хочет

Расставаться с потаенным сном
И, рыдая, радостно пророчит
О великом имени земном.

О, ужель, как дикий краснокожий,
Удивится пришлецам Земля?
И придет крестить любимец бо-
жий
Наши воды, горы и поля?

Нет! но мы, своим владея светом,
Мы, кто стяг на полюс донесли,
Мы должны нести другим плане-
там
Благовестье маленькой Земли.

1⁹¹⁴
Зегевольд

Перед тобою я

Но что мной зримая вселенна
И что перед Тобою я!
Г. Державин

Гимн богам

Я верую в мощного Зевса, держа-
щего выси вселенной
Державную Геру, чьей волей обе-
ты семейные святы
Властителя вод Посейдона, му-
тящего глуби трезубцем
Владыку подземного царства, су-
дью неподкупного Гада

Великую мудрость Паллады, даю-
щей отважные мысли
Губящую Ареса силу, влекущего
дерзостных к бою;
Блаженную мирность Деметры,
под чьим покровительством паш-
ни

Священную Гестии тайну, чьей
благостью дом осчастливлен
Твой пояс, таящий соблазны, свя-
тящая страсть, Афродита;
Твой лук с тетивой золоченой,
ты, дева вовек, Артемида;
Певуче-бессмертную лиру мета-
теля стрел Аполлона;
Могучий и творческий молот ку-
ющего тайны Гефеста;
И легкую, умную хитрость по-
сланника с крыльями Герма.
Я верую, с Зевсом начальным, в
двенадцать бессмертных.

Стихии

Покорны их благостной воле; зем-
ля, подземелье и небо
Подвластны их грозным веле-
ньям; и смертные, с робким вос-
торгом,
Приветствуют в образах веч-

ных — что было, что есть и что будет.

Храните, о боги, над миром владычество ныне и присно!

1⁹¹³

Гимн Афродите

Гимны слагать не устану бессмертной и светлой богине.

Ты, Афродита-Любовь, как царица, так царствуешь ныне.

Алыми белый алтарь твой венчаем мы снова цветами,

Радостный лик твой парит с безмятежной улыбкой над нами.

Правду какую явить благосклонной улыбкой ты хочешь?

Мрамором уст неизменных какие виденья пророчишь?

Смотрят куда неподвижно твои беззакатные очи?

Дали становятся уже, века и мгновенья — короче:

*Да, и пространство и время слились, — где кадьница эта,
Здесь мудрецов откровенья, здесь*

вещая тайна поэта,
Ноги твои попирают разгадку и
смысл мирозданья.
Робко к коленам твоим приношу
умиленную дань я.

С детства меня увлекала к дале-
ким святыням тревога,
Долго в скитаньях искал я — во-
ждя, повелителя, бога,
От алтарей к алтарям приходил
в беспокойстве всегдашнем,
Завтрашний день прославлял, на-
зывая сегодня — вчерашним.

Вот возвращаюсь к тебе я, богиня
богинь Афродита!
Вижу: тропа в бесконечность за
мрамором этим открыта.
Тайное станет мне явным, твоей
лишь поверю я власти,
В час, как покорно предамся по-
следней, губительной
страсти...

30 июня — 1 июля 1912

Царица Страсть

Ты к мальчику проникнешь вкрад-

чиво,
Добра, как старшая сестра;
Браня его, как брата младшего,
Ты ласково шепнешь: «Пора!»
В насмешливом, коварном шепоте
Соблазн неутолимый скрыт.
И вот — мечта о жгучем опыте
Сны и бессонницу томит.

Ты девушку, как мать, заботливо,
Под грешный полог проведешь;
В последнем споре изворотливо
Найдешь губительную ложь;
В минуты радости изменчивой
Подскажешь тихо: «Ты права!»
И вынудишь язык застенчивый
Твердить бесстыдные слова.

Ты женщине, как друг испытанный,
Оставшись с ней наедине,
Напомнишь про роман прочитанный,
Про облик, виденный во сне.
И, третья между двух, незримая,
В альковной душной темноте,
Как цель, вовек недостижимая,

Покажешься ее мечте.

*Кто, кто из нас тебе, обманчи-
вой,*

*Не взмолится, без слов, тайком?
Ты нежно скажешь: «Не заканчи-
вай*

Томящих грез: я — пред концом...»

*И, видя в слабости поверженным
Блаженно-жалкого раба,*

*Вдруг засмеешься смехом сдер-
жанным,*

Царица, воля чья — Судьба!

Декабрь 1914 — Март. 1915

ИСТИННЫЙ ОТВЕТ

*«Ты умрешь, и большего не тре-
буй!*

Благ закон всевидящей Судьбы».

*Так гласят, вздымая руки к небу,
Бога Вишну хмурые рабы.*

*Под кумиром тяжким гнутся
зебу,*

Выпрямляя твердые горбы.

*«Ты живешь, и большего не надо!
Высший дар Судьбой всезрящей
дан».*

Восклицает буйная менада,
Подымая высоко тимпан.
В роще лавров — тихая прохлада,
Мрамор Вакха — солнцем осиян.

«Жизнь отдать за вечный Рим, в
котором
Капля ты — будь этой доле рад!»
Так оратор, с непреклонным взо-
ром,
Говорит под сводами аркад.
Солнце щедро льет лучи на фо-
рум,
Тоги белые в лучах горят.

«Эта жизнь — лишь краткий при-
зрак сонный,
Человек! Жизнь истинная —
там!»
В черной рясе инок изможденный
Вопиет мятущимся векам.
Строги в высь ушедшие колонны,
Сумрачен и беспощаден храм.

«Единенье атомов случайных —
Наша жизнь, смерть — распадае-
нье их».
Рассуждает, фрак надев, о тай-

нах
Черт, в кругу учеников своих.
За окном напев звонков трамвай-
ных,
Гул бессвязный шумов городских.

Жрец на зебу, пьяная вакханка,
Римский ритор, пламенный ас-
кет,
Хитрый черт, с профессорской
осанкой,
Кто ж из них даст истинный от-
вет?
Ах, не ты ль, с прозрачным ядом
стеклянка?
Ах, не ты ль, отточенный сти-
лет?

1⁹¹³ Петербург

Ultima Thule

Где океан, век за веком, стучась о
граниты,
Тайны свои разглашает в задум-
чивом гуле,
Высится остров, давно моряками
забытый, —
Ultima Thule.

Вымерли конунги, здесь что цари-
ли когда-то,
Их корабли у чужих берегов зато-
нули.
Грозно безлюдье вокруг, и молча-
ньем объята
Ultima Thule.

Даже и птицы чуждаются хму-
рых прибрежий,
Где и тюлени на камнях не дрем-
лют в июле,
Где и киты проплывают все реже
и реже...
Ultima Thule.

Остров, где нет ничего и где все
только было,
Краем желанным ты кажешься
мне потому ли?
Властно к тебе я влеком неизве-
данной силой,
Ultima Thule.

Пусть на твоих плоскогорьях я
буду единым!
Я посещу ряд могил, где герои
уснули,

*Я поклонюсь твоим древним
угрюмым руинам,
Ultima Thule.*

*И, как король, что в бессмертной
балладе помянут,
Брошу свой кубок с утеса, в добы-
чу акуле!
Канет он в бездне, и с ним все же-
лания канут...
Ultima Thute!*

Апрель 1915

Зеленый

В стране тишины

*И сердце не верит в стране тишины...
«Венок»*

В разные годы

*В разные годы
К вам приходил я, граниты,
Глядеться в недвижно-прозрач-
ные воды;
Приносил и веселье и грусть,
Приходил и у страсти во власти,
и странно-ничей,*

И вы,
Мохом и вереском алым повиты,
В коронах из царственных сосен,
Встречали меня, как волхвы,
Всегда, — и с тех пор
Помню я наизусть
И сладкие ласки зеркальных озер,
И напевы волшебные белых ночей,
И младенческий лепет вкрадчи-
вых весен,
И Иматры белоголовой
Немолчные стоны.
И снова
На бурые камни, на зеленые скло-
ны
Я принес роковую печаль...
Предвечную мудрость храня,
Опять на меня
Поглядите сурово,
Как смотрите вы в бесконечную
даль,
И под рев водопада, под ропот
озерный,
Под шелест чуть слышный хвои
Шепните, что вы, горделиво упор-
ны,
Столетия таите от мира стра-
данья свои!

Иматра

*Кишат, шумит. Она — все та же,
Ее не изменился дух!
Гранитам, дремлющим на стра-
же,
Она ревет проклятья вслух.*

*И, глыбы вод своих бросая
Во глубь, бела и вспенена,
От края камней и до края,
Одно стремление она.*

*Что здесь? драконов древних гри-
вы?
Бизонов бешеных стада?
Твой грозный гул, твои извивы
Летят, все те же, сквозь года.*

*Неукротимость, неизменность,
Желанье сокрушить свой плен
Горят сквозь зыбкую мгновен-
ность
Венчанных радугами пен!*

*Кипи, шуми, стремись мятежней,
Гуди, седой водоворот,
Дай верить, что я тоже прежний*

Стою над распрей прежних вод!

6 июня 1913
Иматра

Над Иматрой

*Размер ямбического триметра
Мне слышен в гуле вод твоих.
В твоём глухом гуденьи, Иматра,
Есть правильный и строгий стих.*

*И сосны, в лад с тобой раскачены,
Колебля рыжие стволы,
Слагают гимн, людьми утрачен-
ный,
Вам вторя, пенные валы.*

*Пещеры, откликами смутными
Вливаясь в ваш созвучный хор,
Ведут с громадами минутными
Давно начатый разговор.*

*И даже дольмены гранитные,
В ответ на ваш немолчный нов,
Возносят песни первобытные,
Клир еле слышных голосов.*

*Всё вокруг, в затишье и под ветра-
ми,*

Под солнцем, при луне, во мгле,
Поет назначенными метрами
Хвалу стоустую Земле!

1⁹¹³
Imatra

У круглого камня

Белея, ночь приникла к яхте,
Легла на сосны пеленой...
Отава, Пейва, Укко, Ахти,
Не ваши ль тени предо мной?

Есть след ноги на камне старом,
Что рядом спит над гладью вод.
Туони! ты лихим ударом
Его отбросил от ворот!

Бывало, в грозные хавтаймы,
Неся гранитные шары,
Сюда, на тихий берег Саймы,
Вы все сходились для игры.

Где ныне косо частоколом
Вдали обведены поля,
Под вашим божеским футболом
Дрожала древняя земля.

И где теперь суровый шкипер

*Фарватер ищет между скал,
Когда-то Юмала-голкипер
Лицо от пота омывал.*

*Былые матчи позабыты,
И вы — лишь тени в белой мгле,
—*

*Но тяжкие мята-граниты
Лежат в воде и на земле.*

1⁹¹³ Вуоксенниска

Сайма

*Лодка, порывистым ветром кача-
ема,
Килем валы опененные режет.
Снова прибоями сизая Сайма
Старые камни побережия нежит.*

*Видны извилины берега пестрого;
Дачи и сосны, пески и граниты...
Вырос над волнами маленький
остров,
Пеной, как кружевом, нежно пови-
тый.*

*Справа — утесы: лишь ели да вере-
ски;*

Срыв недоступный — коричневет и
зелен.

Ветер навстречу, упорный и рез-
кий,
Свищет надменно из древних рас-
щелин.

Слева — по светлому склону рас-
сеяны,
Белые виллы, с ласкающим садом,
В воду глядятся, как смотрят в
бассейны
Жены гаремов прищуренным
взглядом.

Сайма ласкает, почти успокоена,
Нас, и гранит, и садовые флоксы,
Чтобы потом, исступленно и
знойно,
Броситься грудью на камни Вуок-
сы.

8 июля 1913

Вуоксенниска

Неведомый прохожий

Я — неведомый прохожий
В суете других бродяг...
«Urbi et orbi»

Закат над морем

*Над морем из серого крeпа,
На призрачно-розовом шелке,
Труп солнца положен; у склепа
Стоят паруса — богомолки,
Пред ними умерший владыка
Недавно горевшего дня...
Ложатся от алого лика
По водам зигзаги огня.*

*Вот справа маяк полусонный
Взглянул циклопическим взором;
Весь в пурпуре, диск удлинeнный
Совпал с водяным кругозором;
И волн, набегающих с силой,
Угрюмей звучат голоса...
Уже над закрытой могилой;
Померкнув, стоят паруса.*

20 июля 1913
Noordwijk-aan-Zee

Над северным морем

*Над морем, где древние фризы,
Готовя отважный поход,
Пускались в туман серо-сизый
По гребням озлобленных вод, —*

Над морем, что, словно гигант-
ский,
Титанами вырытый ров,
Отрезало берег британский
От нижнегерманских лугов, —

Бреду я, в томленьи счастливом
Неясно-ласкающих дум,
По отмели, вскрытой отливом,
Под смутно-размеренный шум.

Волна набегаёт, узорно
Извивами чертит песок
И снова отходит покорно,
Горсть раковин бросив у ног;

Летит красноклювая птица,
Глядя на меня без вражды,
И чаек морских вереница
Присела у самой воды;

Вдали, как на старой гравюре,
В тумане уходит из глаз,
Привыкший к просторам и к буре,
Широкий рыбацкий баркас...

Поют океанские струны
Напевы неведомых лет,

*И слушают серые дюны
Любовно-суровый привет.*

*И кажутся сердцу знакомы
И эти напевы тоски,
И пенные эти изломы,
И влажные эти пески,*

*И этот туман серо-сизый
Над взрытыми далями вод...
Не с вами ли, древние фризмы,
Пускался я в дерзкий поход?*

5 июля 1913
Scheveningen

Океан и дюны

*Рушатся волн белопенные гребни,
Глади песков заливаает прилив;
Море трубит все надменней, хвалейней
Древний любовный призыв.*

*Слушают дюны: привычны им
песни
С детства знакомого друга-врага;
Пусть он грозит: год за годом чудесней
Дальше растут берега.*

Новой грядой выдвигаются дюны,
Груды свои поднимают, — а он,
Вечно влюбленный, и сильный, и
юный,
Страстью былой распален.

Рушатся белые гребни все ближе
К дюнам недвижимым; их сдвину-
тый ряд
Смело встречает насильника.
Чьи же
Силы в борьбе победят?

Миг — и впились опененные губы
Прямо в высокие груди-сосцы...
Чу! то играют отзывные трубы:
Слиты в объятьи бойцы...

9 июля 1913
Noordwijk-aan-Zee

В Голландии

Эти милые, красно-зеленые доми-
ки,
Эти садики, в розах и желтых и
алых,
Эти смуглые дети, как малые
гномики,
Отраженные в тихо-застывших

каналах, —

Эти старые лавки, где полки
установлены
Рядом банок пузатых, давно зако-
птелых,
Этот шум кабаков, заглушенный,
подавленный,
Эти рослые женщины в чепчиках
белых, —

Это всё так знакомо, и кажется;
в сказке я,
И готов наважденью восклик-
нуть я: *vade!*[14]
Я с тобой повстречался, Рем-
брандтова Саския?
Я в твой век возвращен, Адриан
ван Остаде?

13 июля 1913

Leiden

К северному морю

Я пришел с тобой проститься,
море,
Может быть, на долгие года.
Ты опять — в сверкающем уборе,
В кружевах из пены, как всегда.

И опять валы неутомимо
Ты стремишь на сглаженный пе-
сок,
Как в те дни, когда впервые — Ри-
ма
Ты вдали заметило значок.

Те же ветры сумрачные дули,
Те же облака бесстрастно шли,
В дни, когда отсюда строгий
Юлий
Вел на диких бриттов корабли.

И туман над ширью океанской
Так же плыл, торжественно-су-
ров,
В дни, когда сзывал Вильгельм
Оранский
За свободу родины бойцов.

А когда озолотило чудо
Амстердам, и Лейден, и Анвер, —
Те же дали видели отсюда
Гальс, Ян Стен, Гоббема и Фермер.

Кесарю, Вильгельмам, чародеям
Кисти — лепетало ты привет.
Тем же гулом ласковым лелеем,

Я теперь тебе шепчу ответ.

*Проходи, о, море, неизменным
Сквозь века, что поглощают нас,
И узором, призрачным и пенным,
Покрывай пески в урочный час!*

Июль 1913

Noordwijk-aan-Zee

Зимнее возвращение к морю

*Я скорей тебя увидел снова,
Чем я ждал, простор соленых вод,
Но как грустно, грозно и сурово
Ты влачишь валы на твердый лед!*

*Набегают черный вал с разбега,
Белой пены полосой повит,
На предел белеющего снега, —
И покорно стелется, разбит.*

*Облака, как серые громады,
Медленно над далями плывут,
Словно эти дымы моря — рады
Отдохнуть, свершив свой летний
труд.*

*Рыжих сосен поросли на дюнах
Ждут, когда наступит черный*

*мрак,
Вспыхнут огоньки на мерзлых
шкунах,
Завращает красный глаз маяк.*

*Здравствуй, море, северное море,
Зимнее, не знаемое мной!
Новое тебе принес я горе,
Новое, не бывшее весной!*

*Успокой, как летом, и обрадуй
Бесконечным ропотом валов,
Беспредельной сумрачной усладой
Волн, идущих сквозь века веков!*

18 декабря 1913
Эдинбург II

Вечер над морем

*Желтым золотом окрашены
Дали в просветы хвои.
Солнца луч полупогашенный
Бьет в прибрежные струи.*

*Море сумрачное движется,
Льдины белые неся.
В облаках чуть зримо низжется
Светло-синяя стезя.*

*Краски пламенно-закатные
Хмурым днем помрачены,
Но все те ж движенья ратные
Вечно зыблемой волны.*

*Меркнет огненное золото,
Скрыто облачным плащом, —
И в последний раз уколото
Море гаснущим лучом.*

Декабрь 1913
Эдинбург II

Природы соглядатай

Природы праздный соглядатай...
А. Фет

Вечерний Пан

*Вечерний Пан исполнен мира,
Не позовет, не прошумим
Задумчив, на лесной поляне,
Следит, как вечер из потира
Льет по-небу живую кровь,
Как берега белеют вновь
В молочно-голубом тумане,
И ждет, когда луч Алтаира
В померкшей сини заблестит.*

Вечерний Пан вникает в звуки,

*Встающие во мгле кругом:
В далекий скрип пустой телеги,
В журчанье речки у излуки
И в кваканье глухих прудов.
Один, в безлюдии святом,
Он, в сладком онеменьи неги,
Косматые вздымает руки,
Благословляя царство снов.*

1⁹¹⁴ Опалиха

Вечером в дороге

*Кричат дрозды; клонясь, дрожат
Головки белой земляники;
Березки забегают в ряд,
Смутясь, как девы полудикие.*

*Чем дальше, глубже колеи;
Вот вышла ель в старинной таль-
ме...
Уже прозрачной кисеи
Повисла завеса над далями.*

*Вновь — вечер на лесном пути,
Во всем с иным, далеким, сходен.
Нет, никуда нам не уйти
От непонятно милой родины!*

Чу! не прощанье ль крикнул
дрозд?
Клонясь, дрожит иван-да-марья.
В просвете — свечи первых звезд
И красный очерк полушария.

Весной

Попискивают птицы
В роще березовой;
Сетят листья тень
На песок почти розовый;
Облачков вереницы
Стынут в лазури ясной;
Расцвел пригожий день,
С душой согласный.

Эти зеленые травы,
Современницы нашей планеты,
Эта предельная синь,
Эти весенние светлы, —
Исполнены древней отравы,
Пьянящей, от века до века,
Странника мировых пустынь, —
Человека.

1⁹¹⁴ Опалила

Весеннее

Остеженный последним снегом,
Весну встречая, грезит лес,
И тучи тешатся разбегом,
Чертя аэродром небес.

Кто, исхищенный как китаец,
Из туч ряды драконов сплел?
А, под березой, зимний заяц
Оглядывает, шурясь, дол.

Вдали водоворотит море
На нажить хлынувшей реки,
И крыши изб на косогоре,
Как нежная постель, — легки.

Не нынче ль смелой увертюрой
Смутит нас первая гроза?
Но солнце, из-за ткани хмурой,
Глядит на нас, как глаз в глаза.

Опять в душе кипит избыток
И новых рифм, и буйных слов,
И пью, как нежащий напиток,
Я запах будущих цветов.

Март 1912
Подольск

Ночью светлой

Ночи светлой, ночи летней
Сумрак лег над далью сонной.
Цвет и краски незаметней,
Воздух дышит благовонный.

То река иль то дорога
Вьет меж потемневших пашен?
К небу ветви поднял строго
Старый дуб, суров и страшен.

Огоньки в окошках блещут,
Небо чище и открытой,
В нежной сини чуть трепещут
Пары телеграфных нитей...

1⁹¹² Подольск

Цветики убогие

Цветики убогие северной весны,
Веете вы кротостью мирной ти-
шины.

Ландыш клонит жемчуг крупных
белых слез,
Синий колокольчик спит в тени
берез,

Белая фиалка высится, стройна,
Белая ромашка в зелени видна,

*Здесь иван-да-марья, одуванчик
там,
Желтенькие звезды всюду по лу-
гам,*

*Изредка меж листьев аленький
намек,
Словно мох, бессмертный иммор-
тель-цветок, —
Белый, желтый, синий — в зелени
полян,
Скромный венчик небом обделен-
ных стран*

4 июня 1912
Опалила

Крот

*Роем норы крот угрюмый;
Под землей чуть слышны шумы
С травяных лугов земли:
Шорох, шелест, треск и щебет...
Лапкой кожу крот теребит:
Мышь шмыгнула невдали.*

*У крота дворец роскошен,
Но, покуда луг не скошен,
Людям тот дворец незрим.
Под цветами скрыты входы,*

*Под буграми — залы, своды...
Крот, ты горд дворцом своим!*

*Роет черный крот-строитель.
Темных, теплых комнат житель,
Он чертог готовит свой,
Ставит твердые подпоры
И запасы носит в норы,
Пряча в дальней кладовой.*

*Милый крот, слепой рабочий!
Выбирай темнее ночи,
Берегись сверканий дня!
Будет жалко мне немного
Повстречать, бредя дорогой,
Черный трупик подле пня.*

1⁹¹³

Туман осенний

*Туман осенний струится грустно
над серой далью нагих полей,
И сумрак тусклый, спускаясь с
неба, над миром виснет все тя-
желей,*

*Туман осенний струится грустно
над серой далью в немой тиши,
И сумрак тусклый как будто вис-*

нет над темным миром моей души.

Как будто ветлы стоят над речкой, как будто призрак дрожит близ них...

Иль только клубы дрожат тумана над серой далью полей нагих?

*Как будто птица, качая крылья, одна мелькнула в немой тиши...
Иль только призрак мелькнул былого над темным миром моей души?*

Здесь было солнце! здесь были нивы! здесь громкий говор жнецов не тих!

Я помню счастье, и поцелуи, и мной пропетый звенящий стих!

*Туман осенний, плывущий грустно над серой далью нагих полей,
Свое бесстрастье, свое дыханье,
свое молчанье в меня пролей!*

Сухие листья, сухие листья,
Сухие листья, сухие листья
Под тусклым ветром кружат,
шуршат.

Сухие листья, сухие листья,
Под тусклым ветром сухие ли-
стья,
Кружась, что шепчут, что гово-
рят?

Трепещут сучья под тусклым
ветром;
Сухие листья под тусклым вет-
ром
Что говорят нам, нам шепчут
что?
Трепещут сучья, под тусклым
ветром,
Лепечут листья, под тусклым
ветром,
Но слов не понял никто, никто!

Меж черных сучьев синее небо,
Так странно-нежно синее небо,
Так странно-нежно прозрачна
даль.
Меж голых сучьев прозрачно небо,
Над черным прахом синее небо,

Как будто небу земли не жаль.

Сухие листья шуршат о смерти,
Кружась под ветром, шуршат о
смерти:

Они блестящи, им время тлеть.
Прозрачно небо. Шуршат о смер-
ти

Сухие листья, — чтоб после смер-
ти

В цветах весенних опять бле-
стеть!

Октябрь 1913
Опалиха

Красный

Под улыбкой солнца

*И для них весною красной,
Под улыбкой солнца ясной,
Распускались цветы.*

К. Фофанов

В том же парке

*И в том же парке, давнем, ста-
ром,
Где, отрок, ранний свой восход
Я праздновал, вверяясь чарам
Бестрепетных озерных вод,*

*Где я слагал впервые песни,
С мечтой неверной о любви,
Где жизнь все слаще, все чудесней
Шептала в ветре мне: «Живи!»*

*Я прохожу чрез годы, — годы,
Исполненные бурь и смут,
А вокруг — все тот же блеск при-
роды,
Все тот же мерный бег минут!*

Как будто не было безумий,

Позорных и блаженных лет:
Я узнаю в июльском шуме
Былой, божественный привет.

И мил мне чей-то взор манящий,
И алость чьих-то близких губ,
И дождь, чуть слышно морося-
щий,
И зелень острохвойных куп.

Вы живы, царственные ели!
Как вы, жива душа моя!
Напрасно бури тяготели
Годин шумящих бытия!

Я — тот же отрок, дерзко-юный,
Вся жизнь, как прежде, впереди,
И кедра сумрачные струны
Мне под дождем поют: «Иди!»

Иду я, полон прежней веры,
К безвестным далям, к новым
снам,
И этот день, туманно-серый,
Векам покорно передам.

Он был, он есть, — без перемены
Он будет жить в стихе моем.

Как имя нежное Елены,
Сплетенное с мелькнувшим днем.

6⁻⁷ июля 1912
Петровское-Разумовское

Сказка

Я учусь быть добрым, я хочу быть
ласковым.

Вы, стихов поющих верные храни-
тели:

Это будет песня, это будет сказ-
ка вам!

Нежные признанья выслушать хо-
тите ли?

В тайный бор дороги конному и
пешему

Дикими кустами строго загоро-
жены.

Там русалки вторят звонким
смехом лешему;

Карликов заморских — норы
вдоль изложины;

Там, на курьих ножках, есть изба
Ягиная;

Плачет, заблудившись, Гретхен с
юным Гензелем;

*В чаще, где не молкнет песня со-
ловьиная,
Там высокий терем, с древ-
нефряжским вензелем.*

*В горнице тесовой, у окна откры-
того,
Ждет меня царевна, Нелли свет-
ло-русая.
К ней, от жизни мерной, мира до-
мовитого,
На коне волшебном вдруг перено-
шуся я.*

*Маленькие руки я ласкаю дли-
тельно,
Аленькие губки я целую, радост-
ный;
Смех ее ответный нежит так це-
лительно,
Взор ее мне светит: тихий, ми-
лый, благостный.*

*За окном Жар-Птица пролетит,
вся в пламени,
Рюбецаль киркою простучит с
участием...
Нам не нужно лучших, непрелож-*

ных знамений:
В тереме мы дышим волшеб-
ством и счастьем!

О чудесном лесе буду песни скла-
дывать,
Расскажу про терем сказку —
правду мудрую.
Вам, друзья напевов, — слушать и
разгадывать:
Где я взял царевну, Нелли светло-
кудрую!

1⁹¹² Москва

В лодке

Завечерело озеро, легла благая
тишь.
Закрыла чашу лилия, поник, уснул
камыш.

Примолкли утки дикие; над сты-
нущей водой
Лишь чайка, с криком носится,
сверкая белизной.

И лодка чуть колышется, одна
среди темных вод,

И белый столб от месяца по зыби
к нам идет.

Ты замолчала, милая, и я давно
молчу:
Мы преданы вечерней мгле и лун-
ному лучу.

Туманней дали берега, туманней
дальний лес;
Под небом, чуть звездащимся,
мир отошел, исчез...

Я знаю, знаю, милая, — в священ-
ной тишине
Ты снова, снова думаешь печаль-
но — обо мне!

Я знаю, что за горестной ты пре-
дана мечте...
И чайка, с криком жалобным,
пропала в темноте.

Растет, растет безмолвие, ночь
властвует кругом...
Ты тайно плачешь, милая, кло-
нясь к воде лицом.

24 июля 1912

Сенежское озеро

Дождь и солнце

Муаровые отблески сверкают под лучом.

Мы вновь на тихом озере, как прежде, мы вдвоем.

*Дождь легкий, дождь ласкающий
кропит, кропит
листву...*

Мне кажется, что снова я в далеком сне живу.

И солнце улыбается, как было год назад,

И пестрые жемчужины отряхивает сад.

Всё то же, что томило нас: и парк, и дождь, и пруд,

И сосны острохвойные наш отдых стерегут!

Любви порыв ликующий, как странно ты живуч!

Сквозь дождь, сквозь небо серое сверкает вещей луч!

За сеткой — даль туманная, пу-
зырится вода...
О Солнце! победителем останься,
как тогда!

1⁹¹³

После скитаний

После скитаний,
далеких и трудных,
вдали заблестали,
В нежном тумане,
лугов изумрудных
знакомые дали!
В море шумящем,
под ропоты бури,
манило вернуться —
К зарослям-чащам,
к неяркой лазури, —
над речкой проснуться,
Слыша мычанье
быков и призывы
родимой свирели...
Кончив блужданье,
усталый, счастливый,
вот я — у цели!

1⁹¹⁵

В буйной слепоте

Как, в буйной слепоте страстей,
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!
Ф. Тютчев

«Итак, это — сон, моя маленькая...»

*Итак, это — сон, моя маленькая,
Итак, это — сон, моя милая,
Двоим нам приснившийся сон!
Полоска засветится аленькая,
И греза вспорхнет среброкрылая,
Чтоб кануть в дневной небо-
склон.*

*Но сладостны лики ласкатель-
ные,
В предутреннем свете дрожащие,
С улыбкой склоненные к нам,
И звезды, колдуньи мечтатель-
ные,
В окно потаенно глядящие,
Приветствия шепчут мечтам.*

*Так где ж твои губы медлитель-
ные?
Дай сжать твои плечики дет-
ские!
Будь близко, ресницы смежив!*

Пусть вспыхнут лучи ослепи-
тельные,
Пусть дымно растаю в их блеске
я,
Но память о сне сохранив!

1⁹¹²

Москва

«Сумрак тихий, сумрак тайный...»

Сумрак тихий, сумрак тайный,
Друг, давно знакомый мне,
Безначальный и бескрайный,
Призрак, зыблющий туманы,
Вышел в лес и на поляны,
Что-то шепчет тишине.

Не слова ль молитвы старой,
Древней, как сама земля?
И опять, под вечной чарой,
Стали призрачной химерой
Скудный лог, орешник серый,
Зашоссейные поля.

Давний, вечный сон столетий,
В свете звезд, опять возник:
И вся жизнь — лишь ветви эти,
Мир — клочок росистый луга,
Где уста нашли друг друга,

Вечность — этот темный миг!

Июль 1912

Подольск

**«Безумие белого утра смотрело в
ОКНО...»**

*Безумие белого утра смотрело в
окно,
И было все странно-возможно и
все — все равно.*

*И было так странно касаться,
как к тайным мечтам,
К прозрачному детскому телу
счастливым губам.*

*Но облачный день засветился над
далью лесной,
Все стало и ясно, и строго в опра-
ве дневной.*

*Ночные безумные бездны, где
все — все равно,
Сменило ты, солнце, сменило ты,
Бородино!*

*Вот снова стоит император, и
грозный призыв*

*Мне слышен на поле кровавом,
меж зреющих нив:*

*«Что страсти пред гимном побе-
ды, пред зовом Судьбы!
Мы все „увлекаемся Роком“, все —
Рока рабы!»*

*Свет солнца, даль нив, тень было-
го! Как странно давно
Безумие белого утра смотрело в
окно!*

Июль 1912
Бородино

**«Это чувство — странно-
невозможного...»**

*Это чувство — странно-невоз-
можного,
Вдруг обретшего и кровь и плоть,
В миг воспоминания тревожного
Я стараюсь тщетно побороть!*

*Помнятся, и видятся, и движут-
ся
Вымыслы безудержной мечты.
Словно перлы сказочные нижутся
В ожерелье жуткой красоты!*

И глазам так больно от слепи-
тельной
Вспышки перепутанных огней...
Но — все было в жизни ли дей-
ствительной,
Иль в игре сновидящих теней?

Здесь я — тайн достигший иль об-
манутый
Сладостным предчувствием чу-
дес?
И боюсь, чтоб перлов блеск с про-
тянутой
Нити, лишь проснусь я, не исчез!

Ах, как знак призвания не ложно-
го
С неба кинь мне светлую милоть,
Ты, виденьям странно-невозмо-
жного
Даровавшая и кровь и плоть!

<1916>

**«Мне вспомнить страшно, вспомнить
стыдно...»**

Мне вспомнить страшно, вспом-
нить стыдно
Мои безумные слова, —

Когда, качаясь серповидно,
Тень на стене была жива;

Когда клонилось к телу тело,
Уста искали влажных уст,
И грезе не было предела,
А внешний мир был стран-
но-пуст.

Я верил, или я не верил?
Любил вполне, иль не любил?
Но я земное небом мерил
И небо для земли забыл!

Качались тени. Губы млели.
Светилась тела белизна.
И там, вокруг сумрачной постели,
Была блаженная страна, —

Страна, куда должны причалить
Все золотые корабли,
Где змей желаний сладко жалит
И душен аромат земли!

И не было ни стен, ни комнат, —
Хмель солнца, пьяная трава...
О, неужели мысли вспомнят
Мои безумные слова!

1⁹¹²

«Месяц в дымке отуманенной...»

*Месяц в дымке отуманенной
В тусклом небе, словно раненый,
Обессиленный лежит.
Все огни давно погашены;
Издалека голос башенный
Что-то грустное гудит.*

*Возвращаюсь вновь под утро я.
Вновь Минерва, дева мудрая,
Держит, как маяк, копьё.
Там, где Лар стоит отеческий,
Мне гласит гекзаметр греческий:
«В мире каждому свое!»*

*Надо улицей пустынною
Проходить мне ночью длинною,
После вздохов роковых,
Чтоб укусы и объятия,
Чтоб восторги и проклятия
Превратить в бессмертный стих.*

1⁹¹³

«Я помню легкие пиластры...»

*Und mein Stamm sind jene Asra,
Welche sterben, wenn sie lieben.*

Я помню легкие пиластры
Закатных облаков в огне,
Когда, со мной целуя астры,
Ты тихо прошептала мне:
«И я, и я — из рода азров!»

Я помню бред безумной ночи,
Бред клятв, и ласк, и слез, и мук,
Когда, вперив в молчанье очи,
Ты повторила, с хрустом рук:
«И я, и я — из рода азров!»

И помню я твой взгляд застыв-
ший

.....

И в этот миг, как меч губивший,
Твои слова я вспомнил вновь:
Да, ты была из рода азров!

И никогда к тебе, волнуем
Желаньем, не прильну без слов!
Ты не коснешься поцелуем
Моих седеющих висков!
Да, ты была из рода азров!

И не смотреть нам на пиластры

*Вечерних облаков в огне,
И ты, со мной целуя астры,
Не повторишь мне, как во сне;
«И я, и я — из рода азров!»*

1⁹¹³

«Я не был на твоей могиле...»

*Я не был на твоей могиле;
Я не принес декабрьских роз
На свежий холм под тканью белой;
Глаза других не осудили
Моих, от них сокрытых, слез.*

*Ну что же! В неге онемелой,
Еще не призванная вновь,
Моих ночей ты знаешь муки,
Ты знаешь, что храню я целой
Всю нашу светлую любовь!*

*Что ужас длительной разлуки
Парит бессменно над душой,
Что часто ночью, в мгле холодной,
Безумно простирая руки,
Безумно верю: ты со мной!*

Что ж делать? Или жить бес-

плодно
Здесь, в этом мире, без тебя?
Иль должно жить, как мы люби-
ли,
Жить исступленно и свободно,
Стремясь, страдая и любя?

Я не был на твоей могиле.
Не осуждай и не ревнуй!
Мой лучший дар тебе — не розы:
Все, чем мы вместе в жизни жи-
ли,
Все, все мои живые грезы,
Все, вновь назначенные, слезы
И каждый новый поцелуй!

8 января 1914

«Это — не надежда и не вера...»

Это — не надежда и не вера,
Не мечтой одетая любовь:
Это — знанье, что за жизнью се-
рой,
В жизни новой, встретимся мы
вновь.

Нет, не жду я райского селенья,
Вод живых и золотых цветов,
Вечных хоров ангельского пенья

И блаженством зыблемых часов.

*Не страшусь и пламенного ада,
С дьяволами в красных колпаках,
Смол огнекипящих и обряда
Страшного суда на облаках.*

*Знаю: там, за этой жизнью труд-
ной,
Снова жизнь и снова тяжкий
труд;
Нас в простор лазурно-изумруд-
ный
Крылья белые не вознесут.*

*Но и там, под маской сокровен-
ной,
С новым даром измененных
чувств,
Нам останется восторг священ-
ный
Подвигов, познаний и искусств.*

*Там, найдя, кого мы потеряли,
Будем мы, без пламени в крови,
Снова жить всей сладостью печал-
ли
И, прошедшей через смерть, люб-*

ви!

1⁹¹⁴

Там, у входа

*И покинем
Там, у входа,
Покрывала ваши мрачные!*
А. Фет

Безвестная вестница

*Что это? Пение, славленье
Счастья всем хором земли,
Облачка в небе курчавленье,
Пташек веселье в дали!*

*Что это? Таянье, мление
Звуков, цветов и лучей!
Вечное право весеннее
Славит журчаньем ручей.*

*Как же? Не я ли, раздавленный
Глыбой упавшей скалы,
Странник, друзьями оставлен-
ный,
Вестника сумрачной мглы*

*Ждал; но не образ Меркурия
Грозно сошел с высоты:*

*Вижу в прозревшей лазури я
Милые чьи-то черты.*

*Кто ты, безвестная вестница
Тайно наставшей весны?
Фея, богиня, кудесница?
Иль только смутные сны*

*Нежат пред мигом томитель-
ным,
Нас подводящим к концу?
Ты, с удивленьем медлительным,
Клонишься тихо к лицу...*

*Пение, мление, алые
Светы наполнили храм...
Миг! и уста не усталые
Жадно прижал я к устам!*

1⁹¹⁴

На санках

*Санки, в радостном разбеге,
Покатились с высоты.
Белая, на белом снеге
Предо мной смеешься ты.*

*Чуть дрожат, качаясь, сосны,
С моря веет ветерок...*

*Верю: снова будут весны,
День счастливый недалек.*

*Нет ни ужаса, ни горя:
Улыбнулся детский лик,
И морозный ветер с моря
В душу ласково проник.*

*Надо легким быть, как санки,
Надо жить лишь для игры,
И лететь во глубь, к полянке,
Склоном сглаженной горы!*

*Снова в радостном разбеге
Санки мчатся с высоты,
И, упав, на белом снеге,
Белая, смеешься ты!*

11 января 1914

В лодке рыбацкой

*В лодке рыбацкой, недвижимой в
снегу,
Как хорошо верить в счастье
мгновенья!*

*Волны шумят на морском берегу,
Льдины бросают на снег, как ка-
менья.*

Дым расстилает вдали пароход;
Сзади высокие сосны застыли.
Здесь, перед дикой мятежностью
вод,
Как не забыть, что мы есть, чем
мы были!

Прошлого нет. Это — будущих
дней
Волны играют у грани прибреж-
ной...
Милая, верь тайной вере моей:
То, что нам снится, — всегда
неизбежно.

В эти мгновенья, — меж льди-
стых снегов,
В эти мгновенья на отмели бе-
лой,
Как не расслышать властитель-
ный зон,
Как не понять, что нам море про-
пело!

В лодке рыбацкой, застывшей в
снегу,
Словно на белом, тяжелом при-
чале,

Случай, как вал на морском бере-
гу,
Будто зовет нас в безвестные да-
ли!

15 января 1914

В старинной риге

Здесь, в старинной Риге,
В тихий день ненастья,
Кротко я встречаю
Маленькие миги
Маленького счастья.

Дом Черноголовых
Смотрит так любовно,
Словно рад он маю;
Двух, любить готовых,
Ободряет словно.

Под дождем так ярко
Зеленеют липки
Зеленью весенней;
Ах, деревья парка
Нам дарят улыбки!

Ветерка морского
Нежит легкий холод...
Тайно сходят тени...

Иль влюблен я снова?
Иль я снова молод?

1 мая 1914

Мгновенья мгновеннее

Мгновенья мгновеннее...

А. Добролюбов

1. Утром

*Черный и упрямый локон вьется
нежно близ меня,*

*Но упорно в рамы окон льется
снежный отблеск дня.*

*Тайны ночи побледнели, дали гру-
бы, губ их свет...*

*Не случайно очи млели! ждали гу-
бы губ в ответ!*

*Ты невольно грудь склонила... Как
тревожно дышишь ты!..*

*О, как больно! Будь, что было!
Можно все, — услышь мечты!*

*Внемлешь? нет? Упрямый локон с
плеч скатился, соскользнул...*

*Иль ты дремлешь? В рамы окон,
словно меч, вонзился гул.*

1⁹¹⁴

2. На лыжах

*Опьяняет смелый бег.
Овевает белый снег.*

*Режут шумы тишину.
Нежат думы про весну.*

*Взглядом, взглядом облелей!
Рядом, рядом — и скорей!*

*Твой ли стан склонен ко мне?
Все ль обман и сон во сне?*

*Мир во власти зимних нег,
Миги застит дымный снег.*

1⁹¹⁴

3. Как неяркие бутоны

*Как неяркие бутоны превращают
лепестки*

*В ярко-радостные розы, ало-крас-
ные цветы, —*

*Так твой ропот затаенный, сто-
ны девичей тоски,*

*Стали — сладостные грезы, жад-
но-страстные мечты!*

И, как белая лилея, над прозрачно-
стью пруда,
Закрывает в лунном свете свой
убор, дыша чуть-чуть, —
Так, несмелая, пьянея, в дрожи
брачного стыда,
Опускаешь взор, как дети, ты, —
спеша ко мне на грудь!

Но, во мгле наставшей ночи, сны
Красавицы Ночной
Дышат томно, дышат страстно,
в летней, душной тишине, —
Так, опять поднявши очи, чуть
лукавя с темнотою,
Ты нескромно, ты безгласно —
ждешь, послушна, как во сне!

16 ноября 1914

Сиреночка

В лесу пропела пеночка
И дятел простучал.
Приди ко мне, сиреночка:
Час призраков настал.

Росой чуть-чуть увлажнены,
И мхи послушно спят,
А с неба, словно в скважины,

К вам звездочки глядят.

*Простерли сосны темные
Над ложем бахрому;
Здесь канут все нескромные
Слова — в глухую тьму.*

*Приди! Никем не слышимы,
В тиши зашепчем вновь,
Все вкрадчивей, все тише мы
Про счастье, про любовь.*

*Вновь склонит, с неизбежностью,
Мечта — к устам уста,
И круг замкнет над нежностью,
До утра, темнота.*

*А утром крикнет пеночка,
Встревожит дятел тишь,
И ты, моя сиреночка,
Скользнешь в речной камыш.*

1⁹¹⁴

Умершим мир!

*Умершим мир! Пусть спят в по-
кое
В немой и черной тишине.
Над нами солнце золотое,*

Пред нами волны — все в огне.

*Умершим мир! Их память свято
В глубинах сердца сохраним.
Но дали манят, как когда-то,
В свой лиловато-нежный дым,*

*Умершим мир! Они сгорели,
Им поцелуй спалил уста.
Так пусть и нас к такой же цели
Ведет безумная мечта!*

*Умершим мир! Но да не встанет
Пред нами горестная тень!
Что было, да не отуманит
Теперь воспламененный день!*

*Умершим мир! Но мы, мы ды-
шим.
Пока по жилам бьется кровь,
Мы все призывы жизни слышим
И твой священный зов, Любовь!*

*Умершим мир! И нас не минет
Последний, беспощадный час,
Но здесь, пока наш взгляд не сты-
нет,
Глаза пусть ищут милых глаз!*

Желтый

Стоим, мы слепы...

Стоим, мы слепы, пред судьбою...

Ф. Тютчев

Последняя война

*Свершилось. Рок рукой суровой
Приподнял завесу времен.
Пред нами лики жизни новой
Волнуются, как дикий сон.*

*Покрыв столицы и деревни,
Взвились, бушуя, знамена.
По пажитям Европы древней
Идет последняя война.*

*И всё, о чем с бесплодным жаром
Пугливо спорили века.
Готова разрешить ударом
Ее железная рука.*

*Но вслушайтесь! В сердцах стес-
ненных
Не голос ли надежд возник?
Призыв племен поработенных*

Врывается в военный крик.

*Под топот армий, гром орудий,
Под ньюпоров гудящий лет,
Всё то, о чем мы, как о чуде,
Мечтали, может быть, встает.*

*Так! слишком долго мы коснели
И длили валтасаров пир!
Пусть, пусть из огненной купели
Преображенным выйдет мир!*

*Пусть падает в провал кровавый
Строенье шаткое веков,
В неверном озареньи славы
Грядущий мир да будет нов!*

*Пусть рушатся былые своды,
Пусть с гулом падают столбы, —
Началом мира и свободы
Да будет страшный год борьбы!*

20 июля 1914

Старый вопрос

*Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы неуместной.
Пред строем опасных врагов
Сомкнемся спокойно и тесно.*

Не надо обманчивых грез,
Не надо красивых утопий;
Но Рок подымает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?

Случайные гости? орда,
Пришедшая с Камы и с Оби,
Что яростью дышит всегда,
Все губит в бессмысленной злобе?

Иль мы — тот великий народ,
Чье имя не будет забыто,
Чья речь и поныне поет
Созвучно с напевом санскрита?

Иль мы — тот народ-часовой,
Сдержавший напоры монголов,
Стоявший один под грозой
В века испытаний тяжелых?

Иль мы — тот народ, кто обрел
Двух сфинксов на отмели невской.
Кто миру титанов привел,
Как Пушкин, Толстой, Достоевский?

Да, так, мы — славяне! Иным
Доныне ль наш род ненавистен?

*Легендой ли кажутся им
Слова исторических истин?*

*И что же! священный союз
Ты видишь, надменный германец?
Не с нами ль свободный француз,
Не с нами ль свободный британец?*

*Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы величавой,
Мы явим пред ликом веков,
В чем наше народное право.*

*Не надо несбыточных грез,
Не надо красивых утопий.
Мы старый решаем вопрос:
Кто мы в этой старой Европе?*

30 июля 1914

Наши дни

*Не вброшены ль в былое все мы,
Иль в твой волшебный мир,
Уэллс?*

*Не блещут ли мечи и шлемы
Над стрелами звенящих рельс?*

Как будто рыцарские тени,

*В лучах прожекторов, опять
Летят на буйный пир сражений
Торжествовать и умирать!*

*Смотря в загадочные дали,
Мы смело ждем безмерных дел,
Вновь подвигов при Ронсевале,
Твоих ударов, Карл Мартелл!*

*А мерно с Эйфелевой башни
Летит неслышимая речь,
Чтоб всё, что ведал день вчераш-
ний,
Для будущих времен сберечь.*

*Ротационные машины
Стучат как ночью, так и днем,
Чтоб миг не минул ни единый,
Газетным позабыт столбцом.*

*И сквозь налет ночных туманов,
Как призраки иных веков,
Горят глаза аэропланов
Над светом вражеских костров.*

8 августа 1914

Круги на воде

От камня, брошенного в воду,

Далеко ширятся круги.
Народ передает народу
Проклятый лозунг: «мы — враги!»

Племен враждующих не числи;
Круги бегут, им нет числа;
В лазурной Марне, в желтой Вис-
ле
Влачатся чуждые тела;

В святых просторах Палестины
Уже звучат шаги войны;
В Анголе девственной — долины
Ее стопой потрясены;

Безлюдные утесы Чили
Оглашены глухой пальбой,
И воды Пе-че-ли покрыли
Флот, не отважившийся в бой.

Везде — вражда! где райской пти-
цы
Воздушный зыблется полет,
Где в джунглях страшен стон
тигрицы,
Где землю давит бегемот!

В чудесных, баснословных стра-

*нах
Визг пуль и пушек ровный рев,
Повязки белые на ранах
И пятна красные крестов!*

*Внимая дальнему удару,
Встают народы, как враги,
И по всему земному шару
Бегут и ширятся круги.*

2 декабря 1914
Варшава

Пора!

*Была пора ударить буре,
Расчистить хмурый небосвод.
И вот — нет проблесков лазури,
Гроза гремит, гроза растет.*

*То не камыш под ветром гнется,
—
Твердыни крепостей дрожат;
Не дождь на травы пастбищ
льется, —
Стальной стучит по грудям град;*

*То не деревья, в вихре яром,
На берег рухнули пруда, —
Кругом, обгрызены пожаром,*

Лежат в руинах города.

*С Атлантики вплоть до Урала
Самумом движутся полки;
Кровь — снег и травы запятнала,
Кровь — замутила ток реки.*

*На вольных, вечных океанах,
У стен пяти материков,
Мелькают без огня в туманах
Громады боевых судов.*

*Темны мечты, виденья дики,
Водоворотом схвачен мир.
Везде штыки, винтовки, пики,
Угрозы пушек и мортир.;*

*Гроза «военной непогоды»
Шумит по градам и полям,
Да выйдут древние народы
Из бури к просветленным дням!*

*Пусть громы пробушуют в небе,
Огнь молний пусть прожжет
сердца, —
И пусть узнают все свой жребий,
Свою судьбину — до конца!*

Октябрь — декабрь 1914

Белосток. Варшава

На Карпатах

*Уступами всходят Карпаты,
Под ногами тает туман,
Внизу различают солдаты
Древний край — колыбель славян.*

*Весенним приветом согрета,
Так же тихо дремала страна...
На четыре стороны света
Отсюда шли племена.*

*Шли сербы, чехи, поляки,
Полабы и разная русь.
Скрывалась отчизна во мраке,
Но каждый шептал: «Я вернусь!»*

*Проносились века и беды,
Не встречался с братьями брат,
И вот, под грохот победы,
Мы снова на склонах Карпат.*

*Вздохни же ожидаемым мигом,
Друзей возвращенных встречай,
Так долго под вражеским игом,
Словно раб, томившийся край.*

Засветился день возвращенья,
Под ногами тает туман...
Здесь поставьте стяг единенья
Нашедших друг друга славян!

15 октября 1914

Варшава

Чаша испытаний

Будь меж святынь в веках помя-
нута
Ты, ныне льющаяся кровь!
Рукой властительной протянута
Нам чаша испытаний вновь.

Она не скоро опорожнится,
Струясь потоком с высоты...
И вот — в руках врагов заложни-
ца,
Сирена польская, и ты!

Так что ж! с лицом первосвящен-
ников
Спокойно жертву принесем!
Оплакивать не время пленников,
Ряды оставшихся сомкнем.

Одно: идти должны до края мы,
Все претерпев, не ослабеть.

День торжества, день, нами чае-
мый,
Когда-то должен заблестеть.

И пусть над Бугом — каски прус-
ские;
Он от того чужим не стал;
И будем мы всё те же русские,
Уйдя за Волгу, за Урал.

Под Нарвами, под Аустерлицами
Учились мы Бородину.
Нет, мало овладеть столицами,
Чтоб кончить Русскую войну!

Июль 1915

Высоких зрелищ зритель...

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он — их высоких зрелищ зритель...
Ф. Тютчев

Польше

Орел одноплеменный!
...Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережем,

*И вата общая свобода,
Как феникс, возродится в нем
Ф. Тютчев*

*Провидец! Стих твой осужденный
Не наше ль время прозревал,
Когда «орел одноплеменный»
Напрасно крылья расширял!*

*Сны, что тебе туманно снились,
Предстали нам, воплощены,
И вещим светом озарились
В багровом зареве войны.*

*Опять родного нам народа
Мы стали братьями, — и вот
Та «наша общая свобода,
Как феникс», правит свой полет.*

*А ты, народ скорбей и веры,
Подъявший вместе с нами брань,
Услышь у гробовой пещеры
Священный возглас; «Лазарь,
встань!»*

*Ты, бывший мертвым в этом ми-
ре,
Но тайно памятный Судьбе,*

Ты — званый гость на нашем пи-
ре,
И первый наш привет — тебе!

Простор родимого предела
Единым взором облелей,
И крики «Польска не сгинела!»
По-братски, с русским гимном
слей!

1 августа 1914 г.

В Вильно

Опять я — бродяга бездомный,
И груди так вольно дышать.
Куда ты, мой дух неумный,
К каким изумленьям опять?

Но он, — он лишь хочет стре-
миться
Вперед, до последней поры;
И сердцу так сладостно биться
При виде с Замковой Горы.

У ног «стародавняя Вильна», —
Сеть улиц, строений и крыш,
И Вилия ропщет бессильно,
Смущая спокойную тишь.

Но дальше, за кругом холми-
стым, —
Там буйствует шумно война,
И, кажется, в воздухе чистом
Победная песня слышна.

Внизу же, где липки так зыбко
Дрожат под наитием дня,
Лик Пушкина, с мудрой улыбкой,
Опять поглядит на меня.

15 августа 1914
Вильно

Все чаще

Все чаще по улицам Вильно
Мелькает траурный креп.
Жатва войны обильна,
Широк разверзнутый склеп.

Всё чаще в темных костелах,
В углу, без сил склонена,
Сидит, в мечтах невеселых,
Мать, сестра иль жена.

Война, словно гром небесный,
Потрясает испуганный мир...
Но все дремлет ребенок чудесный,
Вильно патрон — Казимир.

*Все тот же, как сон несказанный,
Как сон далеких веков,
Подымет собор святой Анны
Красоту точеных венцов.*

*И море всё той же печали,
Всё тех же маленьких бед,
Шумит в еврейском квартале
Под гулы русских побед.*

17 августа 1914

Вильно

В Варшаве

А.Р. Ледницкому

*В первый раз по улицам Варшавы
С легким сердцем прохожу один.
Не гнетет меня кошмар крова-
вый
Темной славы роковых годин.*

*Всё, что было, — нет, не минова-
ло,
И веков мгновенью не сломать;
Но, быть может, нынче день на-
чала,
Нынче солнце в небе — как пе-
чать.*

Пусть оно наш день запечатлеет,
День, когда, как братья, мы могли
Всё сказать, о чем язык немеет,
Что мы долго в душах берегли.

Мы сошлись не по тропинке узкой,
Как к поэту близится поэт;
Я пришел путем большим, как
русский,
И, как русский, слышал я привет.

А на улице, как стих поэмы,
Клики вокруг меня сливались в лад:
Польки раздавали хризантемы
Взводам русских радостных солдат.

24 августа 1914

Варшава

Аэропланы над Варшавой

Как пред грозой касатки низко
Скользят над ровностью поляны,

—
Так в знак, что грозы боя близки,
— Взгляни, — парят аэропланы.

Миг, — и продолжный, долгий тре-

нет
Пройдет по улице; метнется
Толпа, и тротуар облепит,
И взор за взором в высь вопьется.

Мотки белеющей кудели
Взлетят и таять будут в сини,
И, под пальбу, дымки шрапнелей
Распутаются в сети линий.

А там, воздушные пираты,
Спокойно правя лет машины,
Вонзят сквозь пар голубоватый
Свой взор, как мы, на дно равнины.

Увидят, как темнеют зыбко
Квадраты крыш и зданий ромбы...
С какой змеящейся улыбкой
Качнут два немца в небе бомбы!

24 декабря 1914
Варшава

Поле битвы

Залито поле, как золотом,
Щедрым посевом патронов.
Вдалеке, как гигантским моло-
том,
Расколоты гребни склонов.

На холмике ждет погребения,
Ниц повергнуто, тело солдата.
Слабый запах тления,
А в руке письмо зажато.

Рядом тела лошадиные:
Оскалены зубы, изогнуты шеи...
Ах, не труды ль муравьиные
Эти валы, окопы, траншеи?

Видел я: меж винтовок раздроб-
ленных
Лежит с дневником тетрадка;
Сколько тайных надежд, обособ-
ленные,
В нее вписывал кто-то украдкой!

Манерки, ранцы, зарядные
Ящики, крышки шрапнелей,
И повсюду воронки громадные
От снарядов, не достигших цели.

Брожу меж обломков, гадатель-
но
Переживая былые моменты.
А вдали, взвод солдат, стара-
тельно,
Убирает пулеметные ленты.

Октябрь 1914
Прушков

Пиршество войны

*Война здесь прошла, прокричала
Стальными глотками пушек,
В руке дома изломала,
Как вязку хрустнувших сушек.*

*Вот там, за сырым перелеском,
Гости Войны сидели,
Она забавляла их блеском
Пускаемых к небу шрапнелей.*

*Смерть-сестру пригласила;
«Участвуй, —
Ей сказала, — как старшая, в пи-
ре!»
подавались роскошные яства,
Каких и не видели в мире.*

*Были вина и хмельны и сладки,
Их похваливал Бой-собутыльник.
Обильные пира остатки
Скрывает теперь чернобыльник.*

*День и ночь продолжался празд-
ник,
Вкруг, от браги багряной, всё*

СМОКЛО...

*Только кто я; из гостей, безобраз-
ник,
Перебил в дальних окнах стекла?*

*Кто, шутник неуместно грубый,
Подпалил под конец чертоги?
И теперь торчат только трубы
Обгорелые, — вдоль дороги.*

4 декабря 1914 Ноябрь 1914

Брезины-Варшава-Лович

На память об одном закате

А.М. Федорову

*Был день войны, но час пред-
смертный дня.*

*Ноябрьский воздух нежил, как в
апреле.*

*Вкруг озими прозрачно зеленели,
Пылало солнце, небосклон пьяня.*

*Нас мотор мчал — куда-то иль
без цели...*

*Бесцельность тайно нежила ме-
ня.*

*И ты, как я, заморожен был. Пели
Нам голоса закатного огня.*

*Забылось все: шум битв и вопль
страданий...
Вдвоем, во храме мировых пыла-
ний,
Слагали мы гимн красоте зем-
ной...*

*Нас мотор мчал — без цели иль
куда-то...
О, помню, помню — дивный сон
заката
Под грохот пушек, ровный и глу-
хой.*

13 декабря 1914

В окопе

*В семье суровых ветеранов
Пью чай. Пальба едва слышна.
Вдали — под снегом спит Цеха-
нов,
И даль в снегу погребена.*

*Сквозь серые туманы солнце
Неярко светит без лучей.
Тиха беседа о японце,
И равномерен звук речей.*

Незримо судьбы всей Европы

*С судьбой уральцев сплетены, —
Но нынче в снежные окопы
Доходит смутно гул войны.*

*Мир крикнул этим бородатым
Сибирякам: «Брат, выручай!»
И странно с сумрачным солда-
том
Пить на досуге мутный чай.*

*Неизмеримым бредят грезы,
Крушеньем царств и благом
всех...
А здесь — рассказы про шимозы
Сменяет беззаботный смех.*

24 декабря 1914

Цеханов

Казачье становье

*Отбрасывая версты, стучит ав-
томобиль,
Крутится даль за далью и сзади
вьется пыль.*

*Селенье, нивы, поле, костел, окоп,
река...
Казачье становье на склоне у лес-
ка.*

Табун свободных коней, походных
кухонь дым;
Заполнен луг движеньем запутан-
но-цветным;

Толпа котлы обстала; смех, го-
вор, песня, крик...
Как просверкали ярко верхи же-
лезных пик!

Еще в глазах — мундиры и шапки
набекрень,
А падает сурово от строгих сосен
тень.

Лесной дорогой мотор, стуча, ле-
тит вперед...
Чу! слышен с поворота трещащий
пулемет!

9 июля 1915

Деревенские рифмы

Опять — развесистые липы
И склады бревен за избой;
Телеги, вдоль дороги, скрипы,
Окно с затейливой резьбой;

Вдали — излучки малой речки,

*И главы дальнего села;
А близко — девка на крыльчке
Статна, румяна, весела.*

*Нырнул, поднявши хвост, утенок,
А утка с важностью плывет.
Как изумителен, как тонок
Прозрачных тучек хоровод!*

*Здесь мир и век забыть возмож-
но...
Но чу! порой сквозь шум лесов
Со станции гудит тревожно
Гул санитарных поездов.*

10 июня 1915
Бурково

Каждый день

*Каждый день поминайте молит-
вой умильной
Тех, кто молится нынче на рат-
ных полях,
Там, где Смерть веселится пожи-
вой обильной,
Блуждая с косой в руках;*

*Где рассвет, проступая, скользит
меж развалин,*

Эхо вторит раскатам мортир
без числа;
Где блуждающий ветер, угрюм и
печален,
Ласкает в траве тела;

Где валы, баррикады, окопы, реду-
ты
Перерезали ниву, прорезали лес;
Где германский пропеллер счита-
ет минуты,
Грозя с голубых небес;

И где фейерверк ночью, безмерен,
невидан,
Одевает просторы в стоцветный
наряд, —
На полях, где лежит, беспощадно
раскидан,
Стальной и свинцовый град!

Долю ратников вашим уютом из-
мерьте,
Вашей негой домашней, при свете,
в тепле...
Поминайте в салонах, в театре, в
концерте, —
Кто ныне в снегах и мгле!

*Поминайте ушедших молитвой
умильной,
Всех, кто должен молиться на
ратных полях,
Там, где Смерть веселится пожи-
вой обильной,
С тяжелой косой в руках!*

Август 1915
Москва

Там, на западе

*Там, на Западе, брезжит мерцание...
Ф. Тютчев*

Западный фронт

*От Альп неподвижных до Па-де-
Кале
Как будто дорога бежит по зем-
ле;
Протянута лентой бесцветной и
плоской,
Прорезала Францию узкой полос-
кой.
Все мертво на ней: ни двора, ни
куста;
Местами — два-три деревянных
креста,
Местами — развалины прежних*

строений,
Да трупы, да трупы, — тела без
движений!

От Альп неподвижных до Па-де-
Кале
Как будто дорога бежит по зем-
ле;
И справа и слева, — на мили, на
мили, —
Валы и окопы ее обтеснили.
С них рушатся гулко, и ночью и
днем,
Удары орудий, как сумрачный
гром,
И мерно сверкают под эти раска-
ты
То белые вспышки, то свет розо-
ватый.

От Альп неподвижных до Па-де-
Кале
Как будто дорога бежит по зем-
ле;
Прошла, разделила две вражеских
рати
И стала дорогой вражды и про-
клятий.

Сменяются дни; но, настойчиво,
вновь
Здесь блещут штыки, разливае-
тся кровь,
И слушают люди, сгрудясь в мил-
лионы,
Лязг сабель, свист пуль и пред-
смертные стоны.

30 ноября 1914
Варшава

Фламандцам

*Народ Верхарна! не напрасно ве-
щий
Тебя прославил: жив твой мощ-
ный дух!
Он молнией в дыму сражений бле-
щет,
Он в громе пушек нам вещает
вслух!*

*И, кажется, опять восстал Карл
Смелый
Иль Бодуэн Железная Рука.
Бой храбрецов с врагом остервене-
лым
Следят, дивясь величию, века.*

Нам не забыть, как ты в любимом
Льеже
Свою свободу гордо ограждал.
Твои сыны, как в славном прошлом,
— те же:
Поэт дал клятвы, ты их оправдал.

Не пушки, не оружие стальное
Нас делают отважней и сильней:
Любовь к отчизне создает героев
С дней Марафона вплоть до наших дней.

7 августа 1914

Тевтону

Ты переполнил чашу меры,
Тевтон, — иль как назвать тебя!
Соборов древние химеры
Отметят, губителя губя.

Подъявший длань на храмы-чудо,
Громивший с неба Notre-Dame,
Знай: в Реймсе каменная гряда
Безмолвно вопиет к векам!

И этот вопль призывный слышат
Те чудища, что ряд веков,

*Над Сеной уместившись, дышат
Мечтой своих святых творцов.*

*Недаром зодчий богомольный
На высоту собора взнес,
Как крик над суетой юдольной,
Толпу своих кошмарных грез.*

*Они — защитницы святыни,
Они — отмстительницы зла,
И гневу их тебя отныне
Твоя гордыня обрекла.*

*Их лик тебе в дыму предстанет,
Их коготь грудь твою пробьет,
Тебя смутит и отуманит
Их крыльев демонский разлет;*

*И суд, что не исполнят люди,
Докончат сонмы скрытых сил
Над тем, кто жерлами орудий
Святыне творчества грозил.*

Сентябрь 1914
Варшава

Синий

В жизни человеческой

*В жизни человеческой, в важные мгновенья,
Облики незримые вдруг обозначаются,
В обаяньи подвига, в злобе преступления...*

К. Случевский

Синема моего окна

*Мир шумящий, как далек он,
Как мне чужд он! но сама
Жизнь проводит мимо окон,
Словно фильмы синема.*

*Проплывут, звеня, трамваи,
Прошумит, пыля, авто;
Люди, люди, словно стаи
Птиц, где каждая — никто!*

*Франт манерный за поддевкой,
То картуз, то котелок,
И пред девичьей головкой
Стал замедленный полнок.*

Плечи, шляпки, взгляды, груди,

За стеклом немая речь...
Птичья стая, — люди, люди!—
Как мне сердце уберечь?

Я укрываюсь в одиночество,
Я ухожу в пределы книг,
Чтоб безысходные пророчества
Затмили проходящий миг.

Но — горе! — шумы современно-
сти
Врываются в святую тьму!
И нет тюрьмы — моей надменно-
сти,
Нет кельи — моему уму!

Сегодня, визитер непрошенный,
Ломает запертую дверь...
Ах, убежать на луг некошенный
Дремать в норе, как дремлет
зверь!

Напрасно! жизнь влачит последо-
вательно,
Как змей, извилистые кольца,
И смотрят на меня выведыва-
тельно
Виденья дня, как богомольцы.

Портрет

Привык он рано презирать святы-
ни
И вдаль упрямо шел путем своим.
В вине, и в буйной страсти, и в
морфине
Искал услад, и вышел невредим.

Знал преклоненья; женщины в
восторге
Склонялись целовать его стопы.
Как змеерушащий святой Георгий,
Он слышал яростный привет
толпы.

И, проходя, как некий странник в
мире,
Доволен блеском дня и тишью
тьмы,
Не для других слагал он на псал-
тири,
Как царь Давид, певучие псалмы.

Он был везде: в концерте, и в те-
атре,
И в синема, где заблестел экран;
Он жизнь бросал лукавой Клео-

патре,
Но не сломил его Октавиан.

Вы пировали с ним, как друг, быть
может?

С ним, как любовница, делили
дрожь?

Нет, одиноко был им искус про-
жит,

Его признанья, — кроме песен, —
ложь.

С недоуменьем, детским и счаст-
ливым,

С лукавством старческим — он
пред собой

Глядит вперед. Простым и при-
хотливым

Он может быть, но должен
быть — собой!

1⁹¹²

Женский портрет

Что я могу припомнить? Яс-
ность глаз

И детский облик, ласково-пону-
рый,

Когда сидит она, в вечерний час,

За ворохом шуршащей корректуры.

*Есть что-то строгое в ее глазах,
Что никогда расспросов не позволит.*

*Но, может быть, суровость
эта — страх,
Что кто-нибудь к признаньям
приневолит.*

*Она смеяться может, как дитя,
Но тотчас поглядит лицом беглянки,
Застигнутой погоней; миг спустя
Она опять бесстрастно правит
гранки.*

*И, что-то важное, святое скрыв
На самом дне души, как некий
идол,
Она — как лань пуглива, чтоб порыв
Случайный — тайны дорогой не
выдал.*

*И вот сегодня — ясность этих
глаз*

Мне помнится; да маленькой фигуры
Мне виден образ; да, в вечерний час,
Мне слышен ровный шелест корректуры...

1⁹¹³

Завещание

Я жизнь прожила безотраднo,
бесцельно,
И вот, как похмелье от буйного пира,
Осталась мне горечь тоски беспредельной
И смутная ненависть к радостям мира.

Как всем, мне весна, в ликовании ярком,
Лучами сверкала, дышала сиренью,
И жизнь мне казалась приветливым парком,
Где тайно беседки зовут к наслаждению.

Но ранняя буря промчалась над

садом,
Сломала сирени и завязи яблонь,
Наплакалась ливнем, натешилась
градом,
Цветник мой был смыт, и был
сад мой разграблен.

И после настало желанное лето,
И хмурая осень, и холод под сне-
гом...
И не было в сердце на зовы отве-
та,
И не было силы довериться негам.

Другим расцветут, с новым ма-
ем, фиалки,
Другие поплачут у выжженной
нивы...
Мы — нищи, мы — робки, мы —
стары, мы — жалки.
Кто мертвый, будь мертвым!
живите, кто живы!

1⁹¹³

На церковной крыше

На церковной крыше,
У самого золотого креста
(Уже восхода полоски намети-

лись),
Как две летучих мыши,
Две ведьмы встретились:
Одна — старая и толстая,
Другая — худая и моложе
(Лицо с кошачьей мордочкой схо-
же),
И шептались, ветра весеннего ти-
ше.

— Сестра, где была? —
Старуха захохотала.
— Тра-ла-ла!
Всю ночь наблюдала:
Юноша собирался повеситься!
Все шагал, писал и смотрел
На серп полумесяца,
Лицом — как мел.
Любовь, как видно, замучила.
Ждать мне наскучило,
И я, против правил,
Подказала ему: «удавись!»
Он в петлю голову вставил
И повис.

Худая в ответ улыбнулась.
— И мне досталось!
В грязных номерах натолкнулась,

Как девушка старику продава-
лась.

Старичонка — дряхлый и гадкий,
Горб, как у верблюда,

А у нее глаза — как загадки,

И плечи — как чудо.

Как был он противен, сестра,

А она молчала!

Я до утра,

Сидя в углу, наблюдала.

Так, у золотого креста,

На церковной крыше,

Как две летучих мыши,

Шептались две ведьмы.

И та, что была и стара и тол-
ста,

Прибавила:

— Хоть это и против правила,

Но будем по утрам встречаться
и впредь мы!

1⁹¹⁴

Простенькая песня

Ты, в тени прозрачной

Светлого платана,

Девочкой играла

Утром рано-рано.

Дед твердил с улыбкой,
Ласков, сед и важен,
Что далеким предком
Был платан посажен.

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
Девушкой скрывалась
В первый час тумана.

Целовалась сладко
В тихом лунном свете,
Так, как целовались
Люди ряд столетий.

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
Женщиной рыдала
Под напев фонтана.

Горестно рыдала
О минутной сказке
Опалившей страсти,
Обманувшей ласки.

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
В старость вспоминала

Жизнь, как мир обмана,

*Вспоминала, с грустной
Тишиной во взоре,
Призрачное счастье,
Медленное горе.*

*И, в тени прозрачной
Светлого платана,
Так же сладко дремлет
Прежняя поляна.*

*Ты же на кладбище,
Под плакучей ивой,
Спишь, предавшись грезе,
Может быть, счастливой.*

1⁹¹³

Она

*Она любила строй беспечный
Мечтаний, уводящих вдаль,
Цветы, снежинки, пояс млечный
И беспричинную печаль.*

*Она любила, ночью зимней,
Невестой медлить у окна,
В своих стихах, как в тихом гим-
не,*

Твердя безвольно: я — одна!

*Она ждала, ждала кого-то,
Кто, смел, безумен и красив,
Всю жизнь отдаст ей без отчета,
Всю жизнь сольет в один порыв.*

*Но Рок был странно беспощаден,
Не обманул и не свершил.
Тот не был жарок, не был хладен,
Он и любил и не любил.*

*Его не-пламенные ласки,
Его обдуманная речь,
Его лицо — как образ маски —
Могли овеять, но не сжечь.*

*Стремясь в мятежную безбреж-
ность
Она искала крыльев, но
Он приносил ей только неж-
ность...
И было все предрешено!*

.....

.....

.....

.....

На шумных улицах

*О, эти встречи мимолетные
На шумных улицах столиц...
«Венок»*

Электрические светы

*Мы — электрические светы
Над шумной уличной толпой;
Ей — наши рдяные приветы
И ей — наш отсвет голубой!*

*Качаясь на стеблях высоких,
Горя в преддверьях синема,
И искрясь из витрин глубоких,
Мы — дрожь, мы — блеск, мы —
жизнь сама!*

*Что было красочным и пестрым,
Меня властным волшебством,
Мы делаем бесцветно-острым,
Живей и призрачней, чем днем.*

*И женщин, с ртом, как рана,
алым,
И юношей, с тоской в зрачках,
Мы озаряем небывалым
Венцом, что обольщает в снах.*

Даем соблазн любви продажной,
Случайным встречаем — тайный
смысл;
Угрюмый дом многоэтажный
Мы превращаем в символ числ.

Из быстрых уличных мельканий
Лишь мы поэзию творим,
И с нами — каждый на экране,
И, на экране кто, — мы с ним!

Залив сияньем современность,
Ее впитали мы в себя,
Всю ложь, всю мишуру, всю брен-
ность
Преобразили мы, любя, —

Мы — электрические светы
Над шумной уличной толпой,
Мы — современные поэты,
Векам зажженные Судьбой!

1⁹¹³

Вечером

Дрожащей проволоки альт
Звенит так нежно;
Заполнен сумрачный асфальт
Толпой мятежной.

Свистки авто и трамвов звон
Поют так нежно;
Вечерний город полонен
Толпой мятежной.

Свет электрических шаров
Дрожит так нежно;
Ты слышишь ли немолчный зов
Толпы мятежной?

Вот девушки случайный взор
Блеснул так нежно;
О, кто его так быстро стер
Толпой мятежной?

Тень синеватая легла
Вокруг так нежно,
И проститутки без числа
В толпе мятежной.

25 мая 1914

На полетах

Пропеллеры, треща, стрекочут:
То клетоты бензинных птиц
О будущем земли пророчат.
Но сколько нежных женских лиц!
Иглой заостренные шляпы,
Зелено-белые манто, —

*И как-то милы даже всхрапы
На круг въезжающих авто.*

*В живой толпе кафешантанной
Я уловил случайно вновь
Давно знакомый взгляд... Как
странно!
Твой взгляд, бессмертная любовь!
И, пестрой суеты свидетель,
Я веру в тайну берегу,
Не видя в сини «мертвых петель»,
—
Воздушных вымыслов Пегу.*

М^{ай} 1914
Москва

У канала

*В угрюмом сумраке ночей безлун-
ных
Люблю я зыбкость полусонных
вод.
Приникнув к жесткости оград чу-
гунных,
Люблю следить волны унылый
ход.*

*Свет фонарей, раздробленный дви-
женьем,*

Дрожит в воде семьей недлинных
змей,
А баржи спят над зыбким отра-
женьем
Глубоким сном измученных зве-
рей.

Так близко Невский, — возгласы
трамваев,
Гудки авто, гул тысяч голосов...
А серый снег, за теплый день рас-
таяв,
Плывет, крутясь, вдоль темных
берегов.

Так странно: там — кафе, улыб-
ки, лица...
Здесь — тишь, вода и отражен-
ный свет.
Все вобрала в водоворот столица,
На все вопросы принесла ответ.

И если жизнью, слишком много-
струнной,
Измучен ты, — приди ко мне, сю-
да,
Перешагни чрез паранет чугу-
нный,

И даст тебе забвение вода.

1 ноября 1912
Петербург

Панихида

Тоненькие свечечки,
Робкие, мерцают.
Голосочки детские
Басу отвечают.
Слышно над склоненною толпой:
«Со святыми упокой».

Хорошо под лентами,
Мирно под цветами!
Песни умиленные
Сложены не нами.
Обещает мир напев святой:
«Со святыми упокой».

Выйдешь в ночь холодную:
Светы и трамваи...
Сладостно задуматься
О блаженном рае.
Боже! — утомленных суею
Со святыми упокой!

3 ноября 1912
Петербург

Детский блеск очей

Я вижу детский блеск очей.

А. Фет

Девочка с куклой

*— Что же ты сделала, девочка
милая,*

С фарфоровой куклой своей?

*— Когда было скучно, ее колоти-
ла я,*

И вот — теперь трещина в ней.

*— Глаза открывала и закрывала
она,*

Папа-мама могла говорить.

*— А теперь совсем безмолвною
стала она,*

Не знаю, как с ней мне и быть.

*— Чего же ты хочешь, девочка
нежная?*

Куклу целуешь зачем?

*— Хочу, чтоб была она снова, как
прежняя,*

Такой, как прежде, совсем.

*— Девочка милая, сама ты разби-
ла ее.*

Теперь куклы прежней — нет...
— Боже мой! Боже мой! так я лю-
била ее!
Без нее не мил мне весь свет!

1⁹¹²

Девочка и ангел

Маленькая девочка плакала вче-
ра:

«Почему туманами полны вече-
ра?

Почему не каждый день солнце —
как алмаз?

Почему не ангелы утешают нас?»

Маленькая девочка вечером, в те-
ни,

Плакала, и ангел ей прошептал:

«Усни!

Как алмаз, засветится солнце по-
утру,

И с тобой затею я под вечер иг-
ру!»

Маленькая девочка улеглась в по-
стель...

За окном шептала ей сумрачная
ель:

«Нет, не верь ты ангелу! Он тебе солгал:
Поутру луч солнечный будет — как кинжал!»

4 мая 1912

Девочка с цветами

Собирай свои цветочки,
Заплетай свои веночки,
Развлекайся как-нибудь,
По лугу беспечно бегай!
Ах, пока весенней негой
Не томилась тайно грудь!

У тебя, как вишня, глазки,
Косы русые — как в сказке;
Из-под кружев панталон
Выступают ножки стройно...
Ах! пока их беспокоило
Не томил недетский сон!

Увидав пятно на юбке,
Ты надула мило губки,
Снова мило их надууй!
Эти губки слишком красны:
Ах! пока угрюмо-страстный
Не сжимал их поцелуй!

1⁹¹³

Вербная суббота

*С вербочками девочки,
Девочки со свечечками,
Вышедши из церковки,
Кроют куцавеечками
(Ветер, ты не тронь!)
Слабенький огонь.*

*Улица оснежена,
Спит высь затуманенная...
Чу! толпа мятежная
Воеет, словно раненая,
Там, где осиян
Светом ресторан.*

*И бредут под блеснами
Злыми, электрическими,
С свечками и ветками
Тени идиллические.
Трепетен и тих
Свет на лицах их.*

17 марта 1912

Квартет

*Четыре девочки по четырнадцать
лет*

На песчаной площадке играют в
крокет.

Молоточек поставят между ног,
и — стук!

Шар чужой далеко отлетает
вдруг.

А солнце, лучи посылая вкось,
Белые платица пронзает на-
сквозь,

Чтобы каждый мечтатель ви-
деть мог

Детские формы худощавых ног.

Девочки смеются, — что щебет
птиц! —

И черны узоры длинных ресниц,
Но пятна волос еще черней

В слепительном блеске закатных
огней.

16 июня 1915

Две головки

Красная и синяя —
Девочки в траве,
Кустики полыни
Им по голове.

*Рвут цветочки разные,
Бабочек следят...
Как букашки — праздны,
Как цветки на взгляд.*

*Эта — лёнокудрая,
С темной скобкой — та...
Вкруг природы мудрой
Радость разлита.*

*Вот, нарвав букетики,
Спорят: «Я да ты...»
Цветики — как дети,
Дети — как цветы.*

*Нет нигде уныния,
Луг мечтает вслух...
Красный блик, блик синий, —
Шелк головок двух!*

15 июля 1915
Буркова

Голубой

В старинном замке

*В старинном замке Джен Вальмор
Чуть ночь — звучат баллады.
К. Бальмонт*

Баллада ночи

*Ах, где-то лотос нежно спит,
Ах, где-то с небом слиты горы.
И ярко небосвод горит, —
Предвечной мудрости узоры!
Там негой объяты просторы,
Там страстью дышит темнота,
А люди клонят, словно воры,
К устам возлюбленным уста!*

*Быть может, в эту ночь, — Харит
Вновь ожили былые хоры,
Вновь Арес уронил свой щит,
Вновь Тасс у ног Элеоноры,
И мудрый Соломон, который
Изрек: «все в мире суета»,
Вновь клонит, позабыв укоры,
К устам возлюбленным уста.*

Дитя! уснуть нам было б стыд,
Пойдем к окну, откроем сторы:
Стекло, железо и гранит,
Тишь улиц, спящие соборы...
Пусть вспыхнут в небе метеоры!
Пусть к счастью вскроются врата!
Пусть склонятся, безумно-скоры,
К устам возлюбленным уста!

Бегут, бегут поспешно Оры...
В моей душе — одна мечта:
Склонить к любимым взорам взоры,
К устам возлюбленным уста!

1⁹¹³

Баллада о любви и смерти

Когда торжественный Закат
Царит на дальнем небосклоне
И духи пламени хранят
Воссевшего на алом троне, —
Вещает он, воздев ладони,
Смотря, как с неба льется кровь,
Что сказано в земном законе:
Любовь и Смерть, Смерть и Лю-
бовь!

И призраков проходит ряд,
В простых одеждах и в короне:
Ромео, много лет назад
Пронзивший грудь клинком в Ве-
роне;
Надменный триумвир Антоний,
В час скорби меч подъявший
вновь;
Пирам и Паоло... В их стоне —
Любовь и Смерть, Смерть и Лю-
бовь!

И я баюкать сердце рад
Той музыкой святых гармоний.
Нет, от любви не охраняют
Твердыни и от смерти — брони.
На утре жизни и на склоне
Ее к томленью дух готов.
Что день, — безжалостней, муд-
реней
Любовь и Смерть, Смерть и Лю-
бовь!

Ты слышишь, друг, в вечернем зво-
не:
«Своей судьбе не прекословь!»
Нам свищет соловей на клене:
«Любовь и Смерть, Смерть и Лю-

Баллада воспоминаний

*На склоне лет, когда в огне
Уже горит закат кровавый,
Вновь предо мной, как в тихом
сне,
Проходят детские забавы.*

*Но чужды давние отравы
Душе, вкусившей темноты.
Лишь вы, как прежде, величавы,
Любви заветные мечты!*

*Я помню: в ранней тишине
Я славил жгучий полдень Явы,
Сон пышных лилий на волне,
Стволы, к которым льнут удавы,*

*Глазам неведомые травы,
Нам неизвестные цветы...
Всё смыли, как потоком лавы,
Любви заветные мечты!*

*Я помню: веря злой весне,
Ловил я зыбкий призрак славы;
Казалось так желанно мне —*

*Грань преступить, ломать уста-
вы.*

*Но понял я: все цепи — ржавы,
Во всем — обманы суеты:
И вы одни в сем мире правы,
Любви заветные мечты!*

*Сын Венеры, Амор лукавый,
Храни меня отныне ты,
Встают, как из-за леса главы,
Любви заветные мечты.*

1⁹¹³

За картами

*Опять истомой дышит март,
А запад вкрадчиво-малинов...
Сижу одна, узоры карт
В гаданьи вдумчивом раскинув.
Молчат дома, во мгле застынув,
Затихли гулы беготни,
И мнутся дальних звезд огни
Глазами падших властелинов.*

*Придешь ли вновь, мой юный бард,
Ко мне — с букетиком жасминов,
Стремительный, как горный
нард,*

Пленительные брови сдвинув?
К устам прижмешь ли кровь ру-
бинов?
Шепнешь ли сладко: «Мы — одни!»
Глядя, как в те, иные дни,
Глазами падших властелинов?

В века Гекат, в века Астарт
Я призвала б чету дельфинов!
Произнесла б, возжегши нард,
Священный заговор Юстинов!
Быть может, рыбе сердце вынув,
Шептала б: «Друга примани!..»
И духи глянули б в тени
Глазами падших властелинов!

Ах! знал когда-то Бонапарт
Путь в скромный угол Жозефи-
нов!
Горите ж, огоньки мансард,
Глазами падших властелинов!

1⁹¹³

Секстина

Все кончено! я понял безнадежность
Меня издавна мучившей мечты...
«Все напевы»

Я безнадежность воспевал ко-
гда-то,
Мечту любви я пел в последний
раз.
Опять душа мучительством объ-
ята,
В душе опять свет радости погас.
Что славить мне в предчувствии
заката,
В вечеровой, предвозвещенный
час?

Ложится тень в предвозвещенный
час;
Кровь льется по наклонам, где ко-
гда-то
Лазурь сияла. В зареве заката
Мятежная душа, как столько
раз,
Горит огнем, который не погас
Под пеплом лет, и трепетом объ-
ята.

Пусть тенью синей вся земля объ-
ята,
Пусть близок мглы непобедимый
час,
Но в сердце свет священный не по-

гас:

Он так же ярко светит, как когда-то,
Когда я, робкий мальчик, в первый раз,
Склонил уста к устам, в лучах заката.

Священны чары рдяного заката,
Священна даль, что пламенем объята.

Я вам молился много, много раз,
Но лишь опять приходит жданный час,
Молюсь я на коленях, как когда-то,
Чтоб нынче луч в миг счастья погас!

Безвестная Царица! Не погас
В душе огонь священный. В час заката

Душа старинным пламенем объята,
Твержу молитву, что сложил когда-то:
«Приди ко мне, хоть и в предсмертный час,

Дай видеть лик твой, хоть единственный раз!»

Любви я сердце отдавал не раз,
Но знал, что Ты — в грядущем, и
не гас
В душе огонь надежды ни на час.
Теперь, в пыланы моего заката,
Когда окрестность сумраком
объята,
Всё жду Твоей улыбки, как ко-
гда-то!

1⁹¹⁴

В маске

Я лицо укрыл бы в маске...
Ф. Сологуб

Образы времен

Когда святых наук начала
Я постигал во храме Фта,
Меня, я помню, искушала
Твоя земная красота.
Но, согрешив, я с ложа прынул
И богу бездн огни возжег.
Твой облик в дым кадельный ка-
нул,
И я тебя вернуть не мог.

Не ты ли перси, как алмазы,
Бросала щедро мне на грудь?
Но финикиец одноглазый
На Рим повел надменный путь.
В смятеньи я твой дом оставил,
Молчал на все мольбы в ответ...
И дал врагу Эмилий Павел
В добычу также мой браслет!

Я, в золотой Антиохии,
Забыв, меж рыцарей других,
К святой земле пути святые,
Был счастлив вздохом уст твоих!
Но протрубил призыв военный,
Я поднял меч, я поднял щит,
И был мне чужд твой взор над-
менный,
Когда нас в бой стремил Годфрид!
И в дни, когда в провал кровавый

Свободы призрак толпы вел,
Ты мне сказала: «Все не правы,
Иди за мной, как прежде шел!»
Но зов борьбы, как рев пучины,
Покрывл призывные слова...
И, помню, с плахи гильотины
Моя скатилась голова.

Не кончен древний поединок,
Он длится в образах времен.
Я — воин, я — поэт, я — инок,
Еще тобой не побежден.
В глухом лесу, в огнях театра,
В случайных встречах, жду тебя:
Явись, предстань, как Клеопатра,
Чтоб вновь Антоний пал, любя!

Ноябрь 1907. 1912. 1914

Мумия

Я — мумия, мертвая мумия.
Покровами плотными сдавлен-
ный,
Столетия я сплю бестревожно,
Не мучим ни злом, ни усладой,
Под маской на тайне лица.

И, в сладком томленьи раздумия,
В покой мой, другими оставлен-
ный,
Порой, словно тень, осторожно
Приходит, с прозрачной лампа-
дой,
Любимая внучка жреца.

В сверкании лала и золота,
Одета святыми уборами,

Она наклоняется гибко,
Целует недвижимую маску
И шепчет заклятья любви:

«Ты, спящий в гробнице расколо-
той!
Проснись под упорными взорами,
Привстань под усталой улыбкой,
Ответь на безгрешную ласку,
Для счастья, для мук оживи!»

Стуча ожерельями, кольцами,
Склоняется, вся обессилена,
И просит, и молит чего-то,
И плачет, и плачет, и плачет
Над свитком покровов моих...

Но как, окружен богомольцами,
Безмолвен бог, с обликом филина,
Я скован всесильной дремотой.
Умершим что скажет, что зна-
чит
Призыв непрозревших живых!

1⁹¹³

Иксион и Зевс

И^{КСИОН}

О Зевс! где гром твой? до

земли он
Не досягнул! где молнии все?
Пусть распинаем я, Иксион,
На беспощадном колесе!
Пусть Тартара пространства се-
ры,
Пусть муки вечны впереди, —
Я груди волоокой Геры,
Дрожа, прижал к своей груди!

Зевс

Смертный безумец! не Геру лас-
кал ты!
Зевса забыл ты безмерную
власть.
Призрак обманный в объятьях
держал ты;
Я обманул ненасытную страсть!
Гера со мною, чиста, неизменна,
Здесь, на Олимпе, меж вечных бо-
гинь.
Смертный, посмевавший мечтать
дерзновенно,
Вечно страдай, все надежды по-
кинь!

Иксион

О Зевс! я радостную Геру

Привел к себе, в ночную тишь.
Чем эту пламенную веру
В моей душе ты заглушишь?
Так! сделай казнь страшней,
огромней,
Я счастлив роковой судьбой!
А ты, богов властитель, помни,
Что я смеялся над тобой!

1913

Филлида

Я помню: мой корабль разбитый
Стал у Фракийских берегов.
О, кто ж явился мне защитой
В чужой стране, среди врагов?

Ты, Родопейская Филлида,
Царевна, косы чьи — как смоль!
Ты облегчила все обиды,
Всю сердца сумрачного боль!

И я, в опочивальне темной,
Испил все радости любви,
Припав, в безвольности нескром-
ной,
На груди полные твои!

И что ж! На родине крещеньем

Мне встали козны, войны, понт, —
И годы медлил возвращеньем
К тебе неверный Демофонт!

Я верил: ты меня дождешься,
Моя далекая жена!
И снова в грудь мою вопьешься
Зубами, в неге полусна.

И вот опять на берег дальний
Я прибыл: но тебя здесь нет,
И только тихий куст миндаль-
ный
Твердит про счастье прошлых
лот.

О! я вопьюсь в него зубами,
Приникну к золотой коре,
И, знаю, свежими листьями
Он обновится на заре!

Его я выпью кровь и соки,
Так, как любовник пьет любовь!
Как друг от друга мы далеки,
Как близки мы, Филлида, вновь!

Как царственно в разрушенном
Мемфисе,
Когда луна, тысячелетий глаз,
Глядит печально из померкшей
выси
На город, на развалины, на нас.

Ленивый Нил плывет, как воды
Стикса;
Громады стен проломленных хра-
нят
Следы кирки неистового гикса;
Строг уцелевших обелисков ряд.

Я — скромный гость из молодой
Элады,
И, в тихий час таинственных
планет,
Обломки громкого бывшего рады
Шепнуть пришельцу горестный
привет:

«Ты, странник из земли, любимой
небом,
Сын племени, идущего к лучам, —
Пусть ты клянешься Тотом или
Фебом,
Внимай, внимай, о чужестранец,

нам!

Мы были горды, высились высоко,
И сердцем мира были мы в веках,
—

Но час настал, и вот, под бурей
Рока,
Погнулись мы и легли во прах.

В твоей стране такие же колон-
ны,
Как стебли, капителью расцве-
тут,
Падет пред ними путник удивлен-
ный,
Их чудом света люди назовут.

Но и твои поникнут в прах твер-
дыни,
Чтоб после путники иной стра-
ны,
Останки храмов видя средь пу-
стыни,
Дивились им, величием смущены.

Быть может, в землях их восста-
нут тоже
Дворцы царей и капища богов, —

Но будут некогда и те похожи
На мой скелет, простертый меж
песков.

Поочередно скиптр вселенской
славы
Град граду уступает. Не гордись,
Пришелец. В мире все на время
правы,
Но вечно прав лишь тот, кто дер-
жит высь!»

Торжественен голос царственных
развалин,
Но, словно Стикс, струится чер-
ный Нил.
И диск луны, прекрасен и печален,
Свой вечный путь вершит над
сном могил.

1⁹¹³

СНЫ

В замке пышном и старинном,
где пустынный круг покоев
Освящен и облелеян грустной
тайной тишины,
Дни следя, как свиток длинный,
жажду жизни успокоив,

*Я всегда мечтой оваян, я храню
любовно сны.*

*Сны приходят в пестрой смене,
ряд видений нежит душу,
Но одна мечта меж ними мне до-
роже всех других.
Ради милых умилений давней
клятвы не нарушу,
Утаю святое имя, не включу в пе-
вучий стих!*

*Словно девушка стыдлива, шалов-
лива, как ребенок,
И как женщина желанна, предо
мною встает она:
Губы сжаты так тоскливо, стан
изогнутый так тонок,
И глаза глядят так странно —
из глубин неясных сна!*

*В замке пышном и старинном,
мы, в пустынной старой зале,
Руки медленно сплетаем, там,
где дремлют зеркала,
Соблазнительно-невинно, в дрожи
счастья и печали,
Клятвы страсти повторяем, и*

от них бледнеет мгла.

*Теплых уст прикосновенья, при-
ближенья рук палящих,
И биенье близко, рядом, сердца в
трепетной груди...
Но потом, как дуновенье, словно
листьев шелестящих,
С ветром, шепоты над садом, —
тихий голос: «Уходи!»*

*Зову тайному покорна, из упор-
ных рук без слова
Ускользя, на прощанье из стекла
бросает взгляд...
Но уже над бездной черной рой ви-
дений вьется снова:
Форм бесстыдных очертанья,
очи, губы, хаос, ад...*

*В замке пышном и старинном,
где пустынно дремлют тени,
Как в безмолвии могилы, я живу в
беззвучной мгле,
Сны слезу, как свиток длинный,
чтоб среди иных видений
Увидать, как облик милый улыб-
нется мне в стекле!*

8 мая 1912

На песке

*На песке, пред дверью бестиария,
На потеху яростных людей,
Быть простертым в сетке сполли-
ария,
Слыша дикий вопль толпы: «До-
бей!»*

*Если взор не застлан тьмой кро-
вавою,
Рассмотреть над сводом в выши-
не
Кесаря, что горд всемирной сла-
вою,
И весталок в белом полотне;*

*Круг красавиц, с пышными крина-
лями,
Юношей, с веселием в очах,
Феба лик, сияющий над далями,
В чистых недоступных небесах;*

*Вспомнить все, что может слад-
ко-бурного
Встретиться бесправному рабу:
Бред беспечный праздника Сатур-
нова,*

Ласки потаенной ворожбу;

*И, поняв, что в мире нет желан-
нее
Ничего, чем эта жизнь людей, —
Чуть шепнуть покорное проща-
ние
Под гудящий вопль толпы: «До-
бей!»*

1⁹¹³

В ваших чертогах

*В ваших чертогах мой дух окрылился.
А. Фет*

**«Вот вновь мои мечты ведут знакомый
танец...»
1812–1912**

*Вот вновь мои мечты ведут зна-
комый танец,
Знакомых образов рой реет вдале-
ке.
Ты снова предо мной, надменный
корсиканец,
Вновь — в треуголке, вновь — в по-
ходном сюртуке.*

Любовник ранних дум, герой меч-

таний детства!
Твой гений яростный, как Демона,
я чтил,
И грезам зрелых лет достался он
в наследство...
Нет, я, Наполеон, тебя не разлю-
бил!

Мы все — игрушки сил, незримых,
но могучих,
Марионетки — мы, и Рок играет в
нас.
Но миру ты предстал, как зарево
на тучах,
И до последних дней, блистая, не
погас!

И вновь ты предо мной, великий,
как бывало,
Как в грозный день, когда над
Неманом стоял,
И рать бессчетная грудь родины
топтала,
И злость Европы ты орлами
окрылял.

Умел согласовать с Судьбой ты
жест и слово!

Актер великий! что Нерон перед
тобой!
Ты в каждом действии являлся в
маске новой,
Владея до конца восторженной
толпой.

Вождь малой армии, ты дерзок
при Арколе;
Король всех королей, в Берлине ле-
стью пьян;
И, как герой, велик в своей жесто-
кой доле,
«Где сторожил тебя великий оке-
ан!»

Вершитель давних распрь, послан-
ник Провиденья,
Ты ветхое стирал с Европы, новый
мир
Являя пред людьми, — и будут по-
коленья
Восторженно взирать на бронзо-
вый кумир.

Александрийский столп! склонись
перед колонной
Вандомской! пусть ее свергали, но

она
Опять возносится главою непре-
клонной,
И не свалить ее ветрам Бородина!

Не стыдно пасть в борьбе, как
древнему герою,
Как пали некогда Титаны и Эдип.
И ты, внимая волн безжалостно-
му вою,
Мог смело говорить: «Мой подвиг
не погиб!»

Тиран в кругу льстецов! губитель
сил народа!
Ненасытимый вождь! вместили-
ще войны!
Тобою создана в пяти странах
свобода,
И цепи ржавые тобой сокрушены!

Будь славен! И Тильзит, и «солнце
Аустерлица»
Не страшны в прошлом нам. Они
прошли, как сон.
Из пепла выросла сожженная
столица,
И, русские, тебя мы чтим. Напо-

леон!

За все: за гений твой, за дерзость,
за надменность,
За красоту твоей слепительной
судьбы,
За то, что ты познал земных ве-
личий бренность,
За то, что показал, как жалки
все рабы.

Ты был примером нам, и за то-
бой, упорны,
Должны стремиться мы! Пусть
нас ведут орлы
К Фридланду, на Ваграм, — а там
пусть жребий черный
Повергнет нас во прах, на знойный
край скалы!

Июль 1912

Гарibaldi

Что сделал ты, кем был, не это
важно!
Но ты при жизни стал священ-
ным мифом,
В народной памяти звенишь стру-
ной протяжной,

Горишь в веках святым иерогли-
фом!

Что свято в слове роковом «сво-
бода»,
Что в слове «родина» светло и
свято,
Для итальянского народа
Всё в имени твоём объято.

Кто б ни был итальянец: ладзаро-
ни,
Купец, поэт, вельможа, иль убий-
ца, —
Он склонится, как пред царем в
короне,
Пред красным колпаком гари-
бальдийца.

Ты в сотнях изваяниях умножен,
В деревне, в городе, в открытом
поле;
Стоишь, восторжен и тревожен,
Зовя сограждан к торжеству и к
воле;

Но, пламенный трибун и вождь
толпы упорный,

При всех паденьях не потерявший ве-
ры!
Твой пьедестал нерукотворный —
Гранит Капреры!

10 декабря 1913

Певцу «Слова»

Стародавней Ярославне тихий ро-
пот струн;
Лик твой скорбный, лик твой
бледный, как и прежде, юн.
Раным-рано ты проходишь по
градской стене,
Ты заклатье шепчешь солнцу,
ветру и волне,
Полететь зегзицей хочешь в даль,
к реке Каял,
Где без сил, в траве кровавой, ми-
лый задремал.
Ах, о муже-господине вся твоя
тоска!
И, крутясь, уносит слезы в степи
Днепр-река.
Стародавней Ярославне тихий ро-
пот струн.
Лик твой древний, лик твой свет-
лый, как и прежде, юн.
Иль певец безвестный, мудрый,

тот, кто «Слово» спел,
Все мечты веков грядущих тайно
подсмотрел?
Или русских женщин лики все в
тебе слиты?
Ты — Наташа, ты — и Лиза, и Та-
тьяна — ты!
На стене ты плачешь утром...
Как светла тоска!
И, крутясь, уносит слезы песнь
певца — в века!

1⁹¹²

Петербург

Здесь снов не ваял Сансовино,
Не разводил садов Ле-Нотр.
Все, волей мощной и единой
Предначертал Великий Петр.

Остановив в болотной топи
Коня неистового скок,
Он повернул лицом к Европе
Русь, что смотрела на Восток;

Сковал седым гранитом реки,
Возвысил золоченый шпиль,
Чтоб в ясной мгле, как призрак
некий,

Гласил он будущую быль.

*Вдали — поля, поля России,
Усталый труд, глухая лень,
Всё те же нивы вековые
Всё тех же скудных деревень;*

*Вдали, как редкие цветенья,
Шумят несмело города,
В краях тоски и униженья,
Былого рабства и стыда.*

*Но Петроград огнями залит,
В нем пышный роскоши расцвет,
В нем мысль неутомимо жалит,
В нем тайной опьянен поэт,*

*В нем властен твой холодный ге-
ний,
Наш Кесарь-Август, наш Ликург!
И отзвуком твоих стремлений
Живет доньне Петербург!*

1⁹¹²

Три кумира

*В этом мутном городе туманов,
В этой, тусклой безрассветной
мгле,*

*Где строенья, станом великанов,
Разместились тесно по земле, —*

*Попирая, в гордости победной,
Ярость змея, сжатого дугой,
По граниту скачет Всадник Мед-
ный,
С царственно протянутой рукой;*

*А другой, с торжественным обли-
чем,
Строгое спокойствие храня,
Упоенный силой и величием,
Правит скоком сдержанным ко-
ня;*

*Третий, на коне тяжелоступном,
В землю втиснувшем упор копыт,
В полусне, волненью недоступ-
ном,
Недвижимо, сжав узду, стоит.*

*Иступленно скачет Всадник
Медный;
Непоспешно едет конь другой;
И сурово, с мощностью наслед-
ной,
Третий конник стынет над тол-*

пой, —

Три кумира в городе туманов,
Три владыки в безрассветной
мгле,
Где строенья, станом великанов,
Разместились тесно по земле.

1 декабря 1913

«Бахус» Рубенса

Бахус жирный, Бахус пьяный
Сел на бочку отдохнуть.
За его плечом — багряный
Женский пеплум, чья-то грудь.

Бочка словно тихо едет,
Словно катится давно,
Но рукой привычной цедит
В чашу женщина вино.

Весел бог черноволосый,
Ждет вечерней темноты;
Кое-как льняные косы
У подруги завиты.

Скрыто небо черной тучей,
Мгла нисходит на поля...
После чаши — ласки жгуци,

И желанный одр — земля!

*Но, забыв про грезы эти,
Опрокинув к горлу жбан,
Жадно влагу тянет третий...
Ах, старик, ты скоро — пьян.*

*Только девочке-малютке
Странно: что же медлит мать?
Только мальчик, ради шутки,
Рубашонку рад поднять.*

*Из пяти — блаженны двое;
Двум — блаженство знать по-
том;
Пятый ведал все земное,
Но блажен и он — вином.*

Фиолетовый

В душевной глубине

Есть мысли тайные в душевной глубине.

А. Майков

*Пусть в душевной глубине
И всходят и зайдут оне,
Как звезды ясные в ночи.*

Ф. Тютчев

Новая сестра

*Вкруг меня наклоняется хор
возвратившихся дев...*

«Все напевы»

*Здравствуй, здравствуй, новая
сестра,
К нам пришедшая, с тоской во
взоре,
В час, когда дорога серебра
Перешла олуненное море!*

*Пышен твой причудливый наряд,
Крупны серьги из морских жемчужин,*

Ярок над челом алмазов ряд,
А над лоном пояс странно сужен.

Кто ты? Полы храмовых завес
Вскрыв, не ты ль звала служить
Ашере?

Иль тебе дивился Бенарес,
Меж святых плясуний, баядере?

Иль с тобой, забыв войну, Тимур
На пушистых шкурах спал в гаре-
ме?

Иль тебя толпе рабов Ассур
Представлял царицей в диадеме?

Все равно. Войди в наш тесный
круг,
Стань теперь для мира безымян-
ной.
Видишь: месяца прозрачный плуг
Распахал уже простор туманный.

Час подходит потаенных снов,
Восстающих над любовным ло-
жем...
Мы, заслыша предрешенный зов,
Не сойти к избранникам не мо-
жем.

Будь готова к буйству новых
пляск
И к восторгу несказанных пыток,
Чтоб излить вино запретных
ласк,
Словно смешанный с огнем напиток!

Будь готова, новая сестра,
Наклоняясь к тайнам изголовий,
Досказать начатую вчера
Сказку счастья, ужаса и крови!

22 июля 1913

Умиравший день

Минувший день, склоняясь головой,
Мне говорит: «Я умираю. Новый
Уже идет в порфире огневой.

Ты прожил день унылый и суровый.
Лениво я влачил за часом час:
Рассвет был хмур и тускл закат
багровый.

За бледным полднем долго вечер
гас;

И для тебя все миги были скудны,
Как старь, в детстве читанный,
рассказ.

Зато со мной ты путь прошел
нетрудный,
И в час, когда мне — смерть, и
сон — тебе,
Мы расстаемся с дружбой обоюд-
ной.

Иным огнем гореть в твоей судь-
бе
Другому дню, тому, кто ждет на
смене.
Зловещее я слышу в ворожбе

Угрюмых парк. О, бойся их веле-
ний!
Тот день сожжет, тот день тебя
спалит.
Ты будешь, мучась, плакать об из-
мене,

В подушки прятать свой позор и
стыд,
И, схвачен вихрем ужаса и стра-
сти,

*Всем телом биться о ступени
плит!*

*Но день идет. Ты — у него во вла-
сти.*

*Так молви мне: „прости“, как дру-
гу. Я —*

*День без восторгов, но и без несча-
стий!»*

*В смущеньи слушаю; душа моя
Знакомым предвкушением объ-
ята*

Безумной бури в бездне бытия...

*Как эти штормы я любил ко-
гда-то.*

*Но вот теперь в душе веселья нет,
И тусклый день жалею я, как бра-
та,*

*Смотря с тоской, что теплится
рассвет.*

28 марта 1915

Океан — ручью

*Я — океан, соленый и громадный;
Люблю метать на берег пенный*

вал,
Люблю ласкать, целуя пастью
жадной,
Нагие груди сине-сизых скал.

Люблю, затеяв с бурей поединок,
Вносить до туч поверхность
зыбких вод,
Бросать китов, как маленьких
сардинок,
Смеясь, кренить озлобленный
дреднот!

Я — океан, соленый и холодный.
Зачем же ты, дрожа, ко мне при-
ник,
Земной поток, спокойный, пресно-
водный,
Целуешь устьем мой огромный
лик?

Привык ты литься по лесным по-
лянам,
Поить людей, их отражать гла-
за...
Тебе ли слиться с древним океа-
ном,
С тем, с кем дружат — лишь ве-

тер да гроза!

*Ступай назад, к своим лугам зеле-
ным,
Предайся грезам, в вечно-мирном
сне,
Иль сдайся бурям, темным и со-
ленным,
Растай, исчезни, потони во мне!*

М*ай 1913*

Ночь

*Ветки темным балдахинном све-
шивающиеся,
Шумы речки с дальней песней сме-
шивающиеся,
Звезды в ясном небе слабо вздра-
гивающие,
Штампы роз, свои цветы протя-
гивающие,
Запах трав, что в сердце тайно
вкрадывается,
Теней сеть, что странным зна-
ком складывается,
Вкруг луны живая дымка газовая,
Рядом шепот, что поет, досказы-
вая,
Клятвы, днем глубоко затаенные,*

И еще, — еще глаза влюбленные,
Блеск зрачков при лунном свете
белом,
Дрожь ресниц в движении несме-
лом,
Алость губ не отскользнувших
прочь,
Милых, близких, жданных...
Это — ночь!

5 января 1915

Усни, белоснежное поле

Усни, белоснежное поле!
Замри, безмятежное сердце!
Над мигом восходит бесстра-
сть;
Как месяц, наводит сиянье
На грезы о нежащей страсти,
На память о режущей ласке...
Конец. Отзвучали лобзанья.
В душе ни печали, ни счастья...
Так спят безответные дали,
Молчат многоцветные травы,
Одеты холодным покровом,
Под синим, бесплодным сияньем.
Спи, спи, белоснежное поле!
Умри, безнадежное сердце!

О, сколько раз, блаженно и безгласно,
В полночной мгле, свою мечту храня,
Ты думала, что обнимаешь страстно —
Меня!

Пусть миги были тягостно похожи!
Ты верила, как в первый день любя,
Что я сжимаю в сладострастной дрожи —
Тебя!

Но лгали образы часов бессонных,
И крыли тайну створы темноты.
Была в моих объятьях принужденных —
Не ты!

Вскрыть сладостный обман мне было больно,
И я молчал, отчаянье тая...
Но на твоей груди лежал безволь-

но —
Не я!

О, как бы ты, страдая и ревнуя,
Отпрянула в испуге предо мной,
Поняв, что я клонюсь, тебя целуя,
—

К другой!

15 июля 1915
Бурково

Над омутом

Ветер, сумрачно пророчащий,
Всплеск волны, побережье точа-
щей,
Старых сосен скорбный скрип...
Строго — древнее урочище!
Миновав тропы изгиб,
Верю смутно, что погиб.

На граните, вдоль расколотом,
Отливая тусклым золотом,
Куст над омутом повис.
Застучит в виски, как молотом,
Если гибельный каприз
Вдруг заставит глянуть вниз.

Холодна вода глубокая...

Но со дна голубоокая
Дева-призрак поднялась.
Иль уже в воде глубоко я?
Иль русалка, засмеясь,
Белых рук замкнула связь?

Ветер плачется, пророчащий;
Плещет вал, побережье точащий;
Смолкли всплески быстрых рыб.
Строго — древнее урочище!
Стонет сосен скорбный скрип,
Что еще пришлец погиб!

12 сентября 1915

Калейдоскоп

Забава милой старины,
Игрушка бабушек жеманных,
Ты им являл когда-то сны
Видений призрачных и странных.

О, трубочка с простым стеклом,
Любимица княгинь и графов!
Что мы теперь в тебе найдем,
В годину синеματοграфов?

Позволь к тебе приблизить глаз;
Своей изменчивой усладой
(Ах, может быть, в последний

раз!)
Его обманчиво обрадуй!

Ярко и четко, в прозрачности си-
ней,
Ало-зеленые звезды горят.
Странны случайности сломан-
ных линий...
Это — кометы в эфирной пусты-
не,
Это — цветы на лазоревой льди-
не,
Чуждых цветов металлический
сад!

Миг, — всё распалось в стреми-
тельной смене!
Кто, окрыленный строитель, воз-
двиг
Эти дворцы упоительной лени,
Башни безвестных, ленивых Арме-
нии,
Те арабески и эти мишени,
Эти фонтаны из золота? — Миг,
—

Вновь всё распалось, и встали ко-
раллы,

*Вкруг перевиты живым жемчу-
гом.*

*Или рубины, пронзительно-алы,
Яркость вонзили в живые кри-
сталлы?*

*Или наполнены кровью бокалы,
Белый хрусталь ярко-красным ви-
ном?*

*Довольно! детства давний друг,
Ты мне опять напомнил грезы,
Когда так сладостно вокруг
Сплетались трауры и розы!*

*Ты мне вернул забытый рай
Из хризолита и сапфира!
Опять безмолвно отдыхай,
Тайник непознанного мира.*

*Свой лал, свой жемчуг, свой алмаз
Таи, окованный молчаньем,
Пока опять захочет глаз
Прильнуть к твоим очарованьям.*

1⁹¹³

В минуту жизни...

В минуту жизни трудную...
М. Лермонтов

У райских врат

Мимо стен таинственного Рая
Я не раз в томленьи проходил.
Там цветы цвели, благоухая,
Там фонтан жемчужной пылью
бил.

У ворот неведомого Рая
Я, как прежде, голову склонил.

И, как прежде, знаю: не войти мне
В эти, ладом яркие, врата.
Не прославит в умиленном гимне
Счастье жизни тихая мечта.
Да, как прежде, знаю: не войти
мне, —
Дверь, сверкая лалом, заперта.

И опять, далеким полукругом,
В степь глухую путь мой пове-
дет.
Там — один, с любовницей иль с
другом —
Буду слышать грозный зов: «Впе-
ред!»
Путь ведет далеким полукругом,
И пылает жгучий небосвод.

24 апреля 1915
Варшава

Единоборство

Я — побежден, и, не упорствуя,
Я встречу гибельный клинок.
Я жизнь провел, единоборствуя,
С тобою, Черный Рыцарь, Рок.
Теперь, смирясь, теперь, покор-
ствуя,
Я признаю: исполнен срок!

Немало выпадов губительных
Я отразил своим щитом,
Ударов солнечно-слепительных,
Горевших золотым огнем.
И, день за днем, я, в схватках дли-
тельных,
С тобой стоял, к лицу лицом.

Не раз я падал, опрокинутый;
Мой панцирь был от крови ал,
И я над грудью видел — вынутый
Из ножен твой кривой кинжал.
Но были миги смерти минуты,
И, с новой силой, я вставал.

Пусть, пусть от века предназна-
чено,

*Кому торжествовать из нас:
Была надежда не утрачена —
Продлить борьбу хоть день, хоть
час!*

*Пусть горло судорогой схвачено,
Не мне просить о soup de grace!
[16]*

*Вот выбит меч из рук; расколото
Забрало; я поник во прах;
Вихрь молний, пламени и золота
Всё вокруг застлал в моих глазах...
Что ж медлить? Пусть, как тя-
жесть молота,
Обрушится последний взмах!*

Декабрь 1913

МОЛИТЬСЯ

*Молиться? Я желал
Молиться, но душа,
Как дорогой кристалл,
Блестает, не дыша.*

*Упав на грани, луч
Стоцветно отражен,
Но, благостен и жгуч,
Внутрь не проникнет он.*

Внутри, как в глыбе льда,
Лишь вечный холод; вздох
Не веет никогда...
Сюда ль проникнет Бог?

Бог — лишь в живых сердцах,
Бог есть живой союз:
Он в небе, Он в волнах,
В телах морских медуз.

Кристалл же мертв. Горит
Лишь мертвым он огнем,
Как камень драконит,
Зажженный смертным сном.

Молиться? Я хочу
Молиться, но душа
Отвечает лучу
Блистаньем, не дыша.

25 ноября 1913

Рондо

Я плачу. Вдоль пути печален сосен
ряд.
Уснул ямщик, забыв стегать ху-
дую клячу.
Смотря на огненный, торже-
ственный закат,

Я плачу.

*Там, в небе пламенном, я, малый,
что я значу?
Здесь тихо дни ползут, а там ве-
ка летят,
И небу некогда внимать людско-
му плачу!*

*Так и в ее душе — я, только бег-
лый взгляд...
И с мыслью обо всем, что скоро я
утрачу,
С унылой памятью утерянных
услад,
Я плачу...*

1⁹¹²

Чей-то зов

*Чей-то зов, как вздох усталый...
Иль то шепчут чаши лилий,
Те, что в узкие бокалы
Стебли змейно опустили?*

*Чей-то зов, как вздох усталый...
Иль то — песня, что пропели
В ярком блеске тронной залы
Пред Изоттой менестрели?*

Чей-то зов, как вздох усталый...
Иль доносятся приветы
До земли, песчинки малой,
Сквозь эфир с иной планеты?

Чей-то зов, как вздох усталый...
Иль то снова голос милый,
Сквозь покров травы завялой,
Долетает из могилы?

27 августа. 1913–1914

В лесу

Если сердцу тяжело и грустно,
И надежда сомненьем отравлена,
Во дни крестоносных битв, —
Помолись молитвой изустной,
Где благодать небесная явлена,
Сладчайшей из сладких молитв.

«Блажени плачущий, яко тии утешатся,
Блажени алчущий, яко тии насытятся,
Блажени есте, егда ижденут...»
Хорошо в лесу, пред боем, спешиться,
Духом от праха к горним восхититься,

*Одинокó свершить над собой
Страшный суд.*

*Настанут сраженья минуты су-
ровые,
Раненых крики замрут без уча-
стия,
Как цепи, застучат мечи о щи-
ты;
Тут сводом свисают листочки
кленовые,
И незримо с небес подаешь мне
причастие,
Всех скорбящих Заступница, Ты!*

24 ноября 1913

На памятном листке

...жив у вас на памятном листке.

Кн. П.А. Вяземский

*...на памятном листке
оставит мертвый след...*

А. Пушкин

Н.Н. Сапунову

По небу полуночи...

М. Лермонтов

Когда твою душу в объятиях нес
Твой ангел в селения слез,
Не небом ночным он с тобою летел,
Он тихую песню не пел.

Тебя проносил он, печален и нем,
Через дивно сиявший Эдем,
Где, в блеске неведомой нам красоты,
Дышали живые цветы;

Где высился радуг стокрасочных свод
Над яркой прозрачностью вод;
И отсветы чудных и нежных огней
В душе затаились твоей.

Всю краткую жизнь ты томился мечтой,
Как выразить блеск неземной,
Любя безнадежно земные цветы,
Как отблеск иной красоты.

27 марта 1914

На смерть А.Н. Скрябина

Он не искал — минутно позаба-

вить,
Напевами утешить и пленить;
Мечтал о высшем: Божество про-
славить
И бездны духа в звуках озарить.

Металл мелодий он посмел рас-
плавить
И в формы новые хотел излить;
Он неустанно жаждал жить и
жить,
Чтоб завершённым памятник по-
ставить,

Но судит Рок. Не будет кончен
труд!
Расплавленный металл бесцельно
стынет:
Никто его, никто в русло не дви-
нет...

И в дни, когда Война вершит свой
суд
И мысль успела с жатвой трупов
сжиться, —
Вот с этой смертью сердце не
мирится!

17 апреля 1915
Варшава

Ф. Сологубу
Триолет

*Зев беспощадной орхидеи —
Твой строгий символ, Сологуб.
Влечет изгибом алчных губ
Зев беспощадной орхидеи.
Мы знаем, день за днем вернее,
Что нам непобедимо люб —
Зев беспощадной орхидеи,
Твой строгий символ, Сологуб!*

1⁹¹³

Игорю Северянину

*Строя струны лиры клирной,
Братьев ты собрал на брань.
Плащ алмазный, плащ сапфирный
Сбрось, отбрось свой посох мир-
ный,
В блеске светлого доспеха, в блед-
но-медном шлеме встань.*

*Юных лириков учитель,
Вождь отважно-жадных душ,
Старых граней разрушитель, —
Встань пред ратью, предводи-*

тель,
Сокрушай преграды грезы, стены
тесных склепов рушь!
Не пеан взывает пьяный,
Чу! гудит автомобиль!
Мчат, треща, аэропланы
Храбрых в сказочные страны!
В шуме жизни, в буре века, рать
веды, взметая пыль!

20 января 1912

Игорю Северянину
Сонет-акrostих с кодою

*И ты стремишься ввысь, где солн-
це — вечно,
Где неизменен гордый сон снегов,
Откуда в дол спадают бесконечно*

*Ручьи алмазов, струи жемчугов.
Юдоль земная пройдена. Беспечно
Свершай свой путь меж молний и
громов!
Ездок отважный! слушай вихрей
рев,*

*Внимай с улыбкой гневам бури
встречной!
Еще грозят зазубрины высот,*

Расщелины, где тучи спят, но вот
Яснеет глубь в уступах синих бо-
ра.

Назад не обращай тревожно взо-
ра
И с жадной жаждой новой высо-
ты
Неутомимо правь конем, — и ско-
ро
У ног своих весь мир увидишь ты!

1⁹¹²

Николаю Бернеру
Сонет-акrostих

Немеют волн причудливые греб-
ня,
И замер лес, предчувствуя закат.
Как стражи, чайки на прибреж-
ном щебне
Опять покорно выстроились в
ряд.

Любимый час! и даль и тишь це-
лебней!
Алмазы в небе скоро заблестят;
Юг расцветет чудесней и волшеб-
ной;

Бог Сумрака сойдет в свой пышный сад.

*Есть таинство в сияньи ночи южной,
Роднящей душу с вечной тишиной,
Нас медленно влекущей в мир иной.*

*Есть миг, когда и счастья не нужно:
Рыдать — безумно, ликовать — смешно —
У мирных вод, влекущих нас на дно.*

1⁹¹²

Путь к высотам Сонет-акrostих

*Путь к высотам, где музы пляшут хором,
Открыт не всем: он скрыт во тьме лесов.
Эллада, в свой последний день, с укором
Тайник сокрыла от других веков.*

Умей искать; умей упорным взо-

ром
Глядеть во тьму; расслышь чуть
слышный зов!
Алмазы звезд горят над темным
бором,
Льет ключ бессонный струи жем-
чугов.

Пройди сквозь мрак, соблазны все
минуя,
Единую бессмертную взыскав,
Рабом склоняйся пред своей меч-
той,

И, вдруг сожжен незримым поце-
луем,
Нежданной радостью, без слов,
волнуем,
Увидишь ты дорогу пред собой.

1⁹¹²

**Мой маяк
Мадригал**

Мой милый маг, моя Мария, —
Мечтам мерцающий маяк.
Мятежны марева морские,
Мой милый маг, моя Мария,
Молчаньем манит мутный мрак.

*Мне метит мели мировые
Мой милый маг, моя Мария,
Мечтам мерцающий маяк!*

1⁹¹⁴

Девятое марта

*Сорок было их в воде холодной
Озера, — страдавших за Христа.
Близился конец их безысходный,
Застывали взоры и уста;
И они уже не в силах были
Славить Господа в последний час;
Лишь молитвой умственной хва-
лили
Свет небесный, что для них по-
гас...*

*А на бреге, в храмине открытой,
Весело огонь трещал в печи;
Сотник римский там стоял со
свитой,
Обнажившей острые мечи;
Восклицал он, полн ожесточенья,
Обращаясь к стынущим телам:
«Августа получит тот прощенье,
Кто ему воскурит фимиам!»*

И один из мучимых (не скажем

Имени), мучений не снеся,
Выбежал на брег и крикнул стра-
жам:

«От Христа — днесь отрекаюсь
я!»

Но едва хотел он ароматы
Перед ликом Августа возжечь,
Пал на землю, смертным сном
объятый,
Там, где весело трещала печь.

И увидел сотник: с неба сходят
Сорок злато-огненных венцов
И, спускаясь к озеру, находят
Тридцать девять благостных го-
лов.

Обращен внезапно к правой вере,
Сотник вскрикнул: «Буду в цар-
стве том!»

И на гибель бросился Валерий,
Осенен сороковым венцом.

9 марта 1913

Ли́ра и ось

Вячеславу Иванову

1. Ли́ра

Прозрев, я в лиру верую

*В медлительном раздумьи,
Как веровал в безумьи
Палящей слепоты.
На глубь зелено-серую,
Где буйствуют буруны,
Опять настроив струны,
Смотрю, без слез, как ты.*

*На этой грани каменной,
Блуждая без лазури,
Под вопль веселый бури,
Корабль мой сокрушен.
Но я, с надеждой пламенной,
Возвал к богам единым,
И плещущим дельфином
Спасен я, Арион!*

*Здесь, под скалой свисающей,
Где тени странно-сизы,
Под солнцем бросив ризы,
Я новый гимн пою,
И ветер, сладко тающий
В своем полете скором
Над стихнувшим простором,
Донес мне песнь твою.*

*Всем суждены крушения,
Кто поднял парус белый,*

Кто в море вышел, смелый,
Искать земли иной!
Благих богов решения
Да славят эти песни:
Опасней и чудесней
Да будет жребий твой!

2. Ось

Ты — мне: «Когда у нижней меты
Квадрига рухнет, хрустнет ось,
И будут сотни рук воздеты, —
Ристатель! страх напрасный
брось!
Пусть мышцы сильные не дрог-
нут,
Скорей клинок свой вознеси!..»
И, не повергнут и не согнут,
Я стал у сломанной оси.

Нет, я не выбуду из строя,
Но, силы ярые утроя,
Вновь возжжи туго закручу!
Уже на колеснице новой,
Длится состязание готовый,
Стою, склоняю грудь, лечу!

Драконы ли твои, Медея,
Триптолема ль живая ось

*Меня возносят, пламенея, —
Но коням не помчатся врозь!
Стою и грудь склоняю косо,
Как на земле, так в небеси:
Пусть вихрятся в огне колеса
На алмазной оси.*

*И верю: срыва Фэтона
Я мину на изгибе склона,
Где все чудовища грозят,
И по дуге сходящей неба
Направлю колесницу Феба —
Зажечь стопламенный закат.*

1913⁻¹⁹¹⁴ Эдинбург II

Сны человечества

[Песни первобытных племен]

Из песен австралийских дикарей

1

*Кенгуру бежали быстро,
Я еще быстрее.
Кенгуру был очень жирен,
А я его съел.
Пусть руками пламя машет,
Сучьям затрещать пора.
Скоро черные запляшут
Вкруг костра.*

2

*Много женщин крепкотелых,
Мне одна мила.
И пьяней, чем водка белых,
Нет вина!
Ай-ай-ай! крепче нет вина!
Будем мы лежать на брюхе
До утра всю ночь.
От костра все злые духи
Уйдут прочь!
Ай-ай-ай! уйдут духи прочь!*

[Отзвуки Атлантиды]

Женщины Лабиринта

*Город — дом многоколонный,
Залы, храмы, лестниц винт,
Двор, дворцами огражденный,
Сеть проходов, переходов,
Галерей, балконов, сводов, —
Мир в строеньи: Лабиринт!*

*Яркий мрамор, медь и золото,
Двери в броне серебра,
Роскошь утвари богатой, —
И кипенье жизни сложной,
Ночью — тайной, днем — тре-
вожной,
Буйной с утра до утра.*

*Там, — при факелах палящих,
Шумно правились пиры;
Девы, в туниках сквозящих,
С хором юношей, в монистах,
В блеске локонов сквозистых,
Круг сплетали для игры;*

Там — надменные миносы

Колебали взором мир;
Там — предвечные вопросы
Мудрецы в тиши судили;
Там — под кистью краски жили,
Пели струны вещей лир!

Всё, чем мы живем поныне, —
В древнем городе-дворце
Расцветало в правде линий,
В тайне книг, в узоре чисел;
Человек чело там высил
Гордо, в лавровом венце!

Все, что ведала Эллада, —
Только память, только тень,
Только отзвук Дома-Града;
Песнь Гомера, гимн Орфея —
Это голос твой, Эгейя,
Твой, вторично вставший, день!

Пусть преданья промолчали;
Камень, глина и металл,
Фрески, статуи, эмали
Встали, как живые были, —
Гроб раскрылся, и в могиле
Мы нашли свой идеал!

И, венчая правду сказки,

Облик женщины возник, —
Не она ль в священной пляске,
Шла вдоль длинных коридоров, —
И летели стрелы взоров,
Чтоб в ее вонзиться лик?

Не она ль взбивала кудри,
К блеску зеркала склонясь,
Подбирала гребень к пудре,
Серьги, кольца, украшенья,
Ароматы, умощенья,
Мазь для губ, для щечек мазь?

Минул ряд тысячелетий,
Лабиринт — лишь скудный прах..
Но те кольца, бусы эти,
Геммы, мелочи былого, —
С давним сердце близят снова;
Нить жемчужная в веках!

1⁹¹⁷

Пирамиды

В пустыне, где царственный Нил
Купает ступени могил;
Где, лаврам колышимым вторя,
Бьют волны Эгейского моря;
Где мир италийских полей
Скрывает этрусских царей;

И там, за чертой океана,
В волшебных краях Юкатана,
Во мгле мексиканских лесов, —
Тревожа округлость холмов
И радостных далей беспечные ви-
ды,
Стоят Пирамиды.

Из далей столетий пришли
Ровесницы дряхлой Земли
И встали, как символы, в мире!
В них скрыто — и три, и четыре,
И семь, и двенадцать: в них смысл
Первичных, таинственных чисел,
И, в знак, что одно на потребу,
Чело их возносится к небу
Так ты неизменно стремись,
Наш дух, в бесконечную высь!
«Что горе и радость? успех и оби-
ды? —
Твердят Пирамиды.—

Все минет. Как льется вода,
Исчезнут в веках города,
Разрушатся стены в своды,
Пройдут племена и народы;
Но будет звучать наш завет
Сквозь сонмы мятущихся лет!

Что в нас, то навек неизменно.
Все призрачно, бренно и тленно,
—

Песнь лиры, созданье резца.
По будем стоять до конца,
Как истина под покрывалом Изиды,
Лишь мы. Пирамиды!

Строители наши в веках
Осилили сумрачный прах,
И тайну природы постигли,
И вечные знаки воздвигли,
Мечтами в грядущем паря.
Пусть канул их мир, как заря
В пыланиях нового века, —
Но смутно душа человека
Хранит в глубине до сих пор,
Что звали — Орфей, Пифагор,
Христос, Моисей, Заратустра,
друиды,
И мы. Пирамиды!

Народы! идя по земле,
В сомнениях, в праве и зле,
Живите божественной тайной!
Вы связаны все не случайно
В единую духом семью!

*Поймите же общность свою,
Вы, индусы, греки, славяне,
Романцы, туранцы, армяне,
Семиты и все племена!
Мы бросили вам семена.
Когда ж всколосится посев Ат-
лантиды?
Мы ждем. Пирамиды!»*

1⁹¹⁷

Город вод

*Был он, за шумным простором
Грозных зыбей океана,
Остров, земли властелин.
Таёт пред умственным взором
Мгла векового тумана,
Сумрак безмерных глубин.*

*Было то — утро вселенной,
Счет начинавших столетий,
Праздник всемирной весны.
В радости жизни мгновенной,
Люди там жили, как дети,
С верой в волшебные сны.*

*Властвуя островом, смело
Царства раздвинул границы
Юный и мощный народ...*

*С моря далеко горело
Чудо всесветной столицы,
Дивного Города Вод.*

*Был он — как царь над царями.
Все перед ним было жалко:
Фивы, Мемфис, Вавилон,
Он, опоясан кругами
Меди, свинца, орихалка,
Был — как огнем обнесен!*

*Высилась в центре громада
Храма Прозрачного Света —
Дерзостной воли мечта,
Мысли и взорам услада,
Костью слоновой одета,
Золотом вся залита.*

*Статуи, фрески, колонны,
Вязь драгоценных металлов,
Сноп самоцветных камней;
Сонм неисчетный, бессонный, —
В блеск жемчугов и кораллов,
В шелк облаченных людей!*

*Первенец древнего мира,
Был он единственным чудом,
Город, владыка земель,*

Тот, где певучая лира
Вольно царила над людом,
Кисть, и резец, и свирель;

Тот, где издавна привыкли
Чтить мудрецов; где лежали
Ниц перед ними цари;
Тот, где все знанья возникли,
Чтоб обессмертить все дали
Благостью новой зари!

Был — золотой Атлантиды
Остров таинственно-властный,
Ставивший вехи в веках:
Символы числ, пирамиды, —
В Мексике жгуче-прекрасной,
В нильских бесплодных песках.

Был, — но его совершенства
Грани предельной достигли,
Может быть, грань перешли...
И, исчерпав все блаженства,
Всё, что возможно, постигли
Первые дети Земли.

Дерзко умы молодые
Дальше, вперед посягнули,
К целям запретным стремясь...

*Грозно восстали стихии,
В буре, и в громе, и в гуле
Мира нарушили связь.*

*Пламя, и дымы, и пены
Встали, как вихрь урагана;
Рухнули тверди высот;
Рухнули башни и стены,
Всё, — и простор Океана
Хлынул над Городом Вод!*

1⁹¹⁷

Эгейские вазы

*Они пленительны и нежны,
Они изысканно-небрежны,
То гармонически размерны,
То соблазнительно неверны,
Всегда законченны и цельны,
Неизмеримо-нераздельны,
И завершенность линий их
Звучит, как полнопевный стих.*

*От грозных и огромных пифов
До тонких, выточенных скифов,
Амфоры, лекифи, фиалы,
Арибаллы и самый малый
Каликий, все — живое чудо:
В чертах разбитого сосуда,*

Загадку смерти разреша,
Таится некая душа!

Как исхищенны их узоры,
Ласкающие сладко взоры:
В запутанности линий гнутых,
То разомкнутых, то сомкнутых,
Как много жизни претворенной,
—

Пресыщенной и утомленной
Холодным строем красоты,
В исканьях новой остроты!

И вот, причудливо согнуты,
Выводят щупальцами спруты
По стенкам нежные спирали;
Плывут дельфины на бокале,
И безобразны и прекрасны;
И стебель, странно-сладостраст-
ный, —
Па что-то грешное намек, —
Сгибает девственный цветок.

На черном поле звезды — рдяны,
Горят, как маленькие раны,
А фон лазурный иль червленый
Врезают черные фестоны;
Глазам и сладостно и больно,

*И мысль прикована неволью
К созданиям чужой мечты,
Горящим светом красоты.*

*Глубокий мрак тысячелетий
Расходится при этом свете!
И пусть преданья мира — немь!
Как стих божественной поэмы,
Как вечно ценные алмазы,
Гласят раздробленные вазы,
Что их творец, хотя б на миг,
Все тайны вечности постиг!*

1916⁻¹⁹¹⁷

Египет

Поучение

*Тот, владыка написанных слов,
Тот, царящий над мудростью
книг!*

*Научи меня тайне письмен,
Подскажи мне слова мудрецов.*

*Человек! умом не гордись,
Не мечтай: будешь славен в веках.*

Над водой промелькнул крокодил,

И нырнул в глубину навсегда.

*Нил священный быстро течет.
Жизнь человека протекает быстро.
рей.*

*Ты пред братом хвалился: я мудр!
Рука Смерти равняет всех.*

*Тот, хранитель священных книг,
Тот, блюститель священных
ключей!*

*Скажи: это написал Аменампат
Двадцать шестого Паини в тре-
тий год Мерери.*

Март 1912

Ассирия

Клинопись

Царь, Бил-Ибус, я, это вырезал
здесь,
Сын Ассура, я, был велик на земле.

Города разрушал, я, истреблял
племена,
Города воздвигал, я, строил хра-
мы богам.

Прекрасную Ниргал, я, сделал сво-
ею женой,
Алоустая Ниргал, ты, была как
месяц меж звезд.

Черные кудри, Ниргал, твои, были
темны, как ночь,
Соски груди, Ниргал, твои, были
алый цветок.

Белые бедра, Ниргал, твои, я в пур-
пур одел,
Благоуханные ноги, Ниргал, твои,
я в золото обул.

*Когда умерла ты, Ниргал, я сорок
суток не ел.*

*Когда ушла ты, Ниргал, я десять
тысяч казнил.*

*Царь, Бил-Ибус, я, был велик на
земле,*

*Но, как звезда небес, исчезаешь
ты, человек.*

1⁹¹³

Эллада

Из песен Сапфо

1

*Сокрылась давно Селена,
Сокрылись Плеяды. Ночи
Средина. Часы проходят.
А я все одна на ложе.*

2

*Ты кудри свои, Дика, укрась, ми-
лые мне, венками,
И ломкий анис ты заплети сла-
достными руками.
В цветах ты грядешь; вместе с
тобой — благостные Хариты.*

Но чужды богам — те, кто придут,
розами не увиты.

3

Геспер, приводишь ты все, размела
что светлая Эос,
Агнецов ведешь, ведешь коз, но от
матери дочь уводишь.

4

Рыбарю Пелагону отец Мениск во-
друзил здесь
Вершу и весло, памятник бедно-
сти их.

Из Александрийской антологии

К Сапфо

1

*Ты не в гробнице лежишь, под
украшенным лирою камнем:
Шумного моря простор — твой
вечнозыблемый гроб.
Но не напеву ли волн твои были
песни подобны,
И, как воды глубина, не был ли дух
твой глубок?
Гимн Афродите бессмертной сло-
жившая, смертная Сапфо,
Всех, кого гонит любовь к морю,
заступница ты!*

2

*Где твои стрелы, Эрот, — разив-
шие взором Ифтимы,
Нежные, словно уста Гелиодоры
младой,
Быстрые, словно улыбка Наиды,
как Айя, живые?
Пусть твой колчан: все они в серд-
це вонзились мое.*

*Общая мать, Земля, будь легка
над моей Айсигеной,
Ибо ступала она так же легко по
тебе.*

<1913?>

Рим

Ода в духе Горация

*Не тем горжусь я, Фебом отмеченный,
Что стих мой звонкий римские
юноши
На шумном пире повторяют,
Ритм выбивая узорной чашей.*

*Не тем горжусь я, Юлией избран-
ный,
Что стих мой нежный губы кра-
савицы
Твердят, когда она снимает
Строфий, готовясь сойти на ло-
же.*

*Надеждой высшей дух мой возно-
сится,*

*Хочу я верить, — боги позволили,
—
Что будут звуки этих песен
Некогда слышны в безвестных
странах.*

*Где ныне Парфы, ловкие лучники,
Грозят несмело легионариям,
Под сводом новых Академий
Будет вращать мои свитки ре-
тор.*

*Где прежде алчный царь Эфиопии
Давал Нептуну праздник торже-
ственный,
Мудрец грядущий с кожей черной
Имя мое благочестно вспомнит.*

*В равнине скудной сумрачной Ски-
фии,
Где реки стыннут в льдистом об-
личий,
Поэт земли Гиперборейской
Станет моим подражать напе-
вам.*

Обманули твои, ах! поцелуй,
Те, что ночь напролет я пил, как
струи.
Я мечтал навсегда насытить
жажду,
Но сегодня, как Скиф, без кубка
стражду.
Ты солгал, о Насон, любимец бога!
Нет науки любви. И, глядя стро-
го,
Беспощадный Амбр над тем хохочет,
Кто исторгнуть стрелу из сердца
хочет.
Должно нам принимать богов ре-
шенья
Кротко: радости и любви муче-
нья.

<1913>

В духе латинской антологии

1

Алую розу люби, цветок Эрицине
любезный:
Он — на святых алтарях, в косах
он радостных дев.
Если ты чтишь бессмертных, ес-
ли ты к девам влечешься,

Розы алый намек знаком своим
избери.

Тот же, кто дружбе, сердца вра-
чующей, ввериться хочет,
Пусть полюбит мирт, отроков
свежий венок.

Пенорожденной не чужд, мирт на
мистериях темных
Тайну Вакха хранит, бога, прошед-
шего смерть.

2

Мне говорят, что Марина мно-
гим дарит свои ласки.

Что ж! получаю ли я меньше
любви оттого?

Если солнце живет шиповник в
саду у соседа,

Хуже ль в саду у меня алый свер-
кает тюльпан?

Если Зефир овеял Лукании луг
утомленный,

Лацию в летний день меньше ль
прохлады он даст?

Ласки любовников всех лишь
огонь разжигают в Марине,
Жаждет, пылая, она, пламя чтоб
я погасил.

Голос, груди, глаза, уста, волоса,
 плечи, руки,
 Бедер ее аромат, краска румяных
 ланит,
 Сколько лукавых сетей, расстав-
 ленных хитрым Амором,
 Чтобы одну поймать певчую
 птицу — меня!

<1912>

В духе римских эротиков

1

К статуе

Как корабль, что готов менять
 оснастку:
 То вздымать паруса, то плыть на
 веслах,
 Ты двойной предаваться жажд-
 дешь страсти.
 Отрок, ищешь любви, горя жела-
 ньем,
 Но, любви не найдя, в слезах же-
 стоких,
 Ласк награду чужих приемлешь,
 дева!
 Хрупки весла твои, увь, под бурей,

*Дай же ветру нырнуть в твои
ветрила!*

2

*Дедал, корова твоя глаза быка об-
манула,
Но он обманут ли был также в
желаньях
своих?*

3

*Нежный стихов аромат услажда-
ет безделие девы:
Кроет проделки богов нежный
стихов аромат.*

<1913>

В духе первых христианских гимнов

*Воставши ночью, бога восславим
мы,
Начнем служенье в славу всевыш-
него,
Создателя земли и неба,
Звезды водящего в глуби синей.*

*Былинке малой дав прозябание,
Левиафанов в море лелеет он,
Выводит солнце и уводит,*

Хлебом насущным людей питает.

*Пославший сына в мир на пропятие,
Святого духа нам обещающий,
Не он ли, сильный, есть достоин
Быть воспеваемым в сладких гимнах?*

1⁹¹²

Индия

В духе лириков VI–VII вв

1

*Дождь! тебя благословляю!
Ты смочил ее одежды:
Как, под влажной тканью, четко
Рисовалось тело милой!*

*Ты была — как обнаженной,
И твои дрожали груди!
Кто ж согрел их поцелуем,
В час, как радуга сверкнула?*

2

*Уже за горы канул месяц,
Уже восток зарей зарделся,*

*Уже в саду запели птицы,
А я, Любовь, смотри, все плачу!*

3

*В белом и трепетном озере груди
твоей
Сердце твое — ароматного лото-
са цвет!*

4

*— Я брошен ею, но я не плачу;
Видишь ли: я улыбаюсь.
— Твоя улыбка — рассвет печаль-
ный
Над погоревшей деревней.*

5

*Через речку цепкие лианы
Провели несокрушимый мост.
Там качаться любят обезьяны,
Окрутив вокруг лианы хвост.
От меня и прямо к сердцу милой
Проведен любовью крепкий мост.
Там качаться любят злые силы,
Окрутив вокруг желаний хвост.*

6

Я не всходил на Гималаи,

*Жемчужин не искал на дне,
Паломником не плыл на Цейлон,
—
Даль, глубь и высь я знал в Любви!*

1⁹¹³ Подражание Рабиндранату Тагору

*Когда тебе, дитя, я приношу иг-
рушки,
Мне ясно, почему так облака
жемчужны,
И так ласкающе к цветам льнет
ветер южный, —
Когда тебе, дитя, я приношу иг-
рушки.*

*Когда тебе, дитя, даю я в руки
сласти,
Мне ясно, почему цветок напол-
нен медом,
И сахарны плоды под нашим небо-
сводом,
Когда тебе, дитя, даю я в руки
сласти.*

*Когда тебя, дитя, целую я в гла-
зенки,
Мне ясно, почему так небо утром*

чисто,
И ветерок так свеж над пальмой
серебристой,
Когда тебя, дитя, целую я в гла-
зенки.

1⁹¹³

Персия

Персидские четверостишия

1

Не мудрецов ли прахом земля вез-
де полна?
Так пусть меня поглотит земная
глубина,
И прах певца, что славил вино,
смешавшись с глиной,
Предстанет вам кувшином для
пьяного вина.

2

Есть в жизни миги счастья, есть
женщины, вино,
Но всем на ложе смерти очнуть-
ся суждено.
Зачем же краткой явью сменя-
ются сны жизни

Для тысяч поколений, — нам ве-
дать не дано.

3

Только ночью пьют газели из ис-
точника близ вишен,
На осколок неба смотрят, и в ти-
ши их вздох чуть слышен.
Только ночью проникаю я к тебе,
источник мой!
Вижу небо в милом взоре и в ти-
ши дышу тобой!

4

Эпитафия Зарифы

Той, которую прекрасной называ-
ли все в мечтах,
Под холмом, травой поросшим,
погребен печальный прах:
Если ты ее, прохожий, знал в по-
токе беглых лет, —
То вздохни за вас обоих, ибо в
смерти вздохов нет.

*В ту ночь нам птицы пели, как се-
ребром звеня,
С тобой мы были рядом, и ты лю-
бил меня.*

*Твой взгляд, как у газели, был
вспышками огня,
И ты газельим взглядом всю ночь
палил меня.*

*Как в тесноте ущелий томит пы-
ланье дня,
Так ты, маня к уладам, всю ночь
томил меня.*

*Злой дух, в горах, у ели, таится,
клад храня.
Ах, ты не тем ли кладом всю
ночь манил меня?*

*Минуты розовели, с востока тень
гоня.
Как будто по аркадам ты вел, без
сил, меня.*

*Пусть птицы мне звенели, что
близко западня:
В ту ночь любовным ядом ты*

отравил меня!

1⁹¹³

2

*Пылают летом розы, как жгучий
костер.*

*Пылает летней ночью жесточе
твой взор.*

*Пьянит весенним утром расцвет-
ший миндаль.*

*Пьянит сильнее, вонзаясь в темь
ночи, твой взор.*

*Звезда ведет дорогу в небесную
даль.*

*Дорогу знает к сердцу короче
твой взор.*

*Певец веселой песней смягчает пе-
чаль.*

*Я весел, если смотрит мне в очи
твой взор.*

*Забывать я все согласен, чем жил
до сих пор.*

*Из памяти исторгнуть нет мочи
твой взор.*

Япония

Японские танки и хай-кай

1

*Устремил я взгляд,
Чуть защелкал соловей,
На вечерний сад;
Там, средь сумрачных ветвей,
Месяц — мертвого бледней.*

2

*Это ты, луна,
Душу мне томишь тоской,
Как мертвец бледна?
Или милый взор слезой
Омрачился надо мной?*

3

*По волнам реки
Неустанный ветер с гор
Гонит лепестки.
Если твой я видел взор,
Жить мне как же с этих пор?*

4

*Вижу лик луны,
Видишь лунный лик и ты,
И томят мечты:
Если б, как из зеркала,
Ты взглянула с вышины!*

5

*В синеве пруда
Белый аист отражен;
Миг — и нет следа.
Твой же образ заключен
В бедном сердце навсегда.*

6

*О, дремотный пруд!
Прыгают лягушки вглубь,
Слышен всплеск воды...*

7

*Кто назвал Любовь?
Имя ей он мог бы дать
И другое: Смерть.*

12 октября 1913

Индокитай

Две малайские песни

1

*Белы волны на побережьи моря,
Днем и в полночь они шумят.
Белых цветов в поле много,
Лишь на один из них мои глаза
глядят.*

*Глубже воды в часы прилива,
Смелых сглотнет их алчная
пасть.
Глубже в душе тоска о милой,
Ни днем, ни в полночь мне ее не
ласкать.*

*На небе месяц белый и круглый,
И море под месяцем пляшет, пья-
но.
Лицо твое — месяц, алы — твои
губы,
В груди моей сердце пляшет, пья-
но.*

12 ноября 1909

*Ветер качает, надышавшийся
чампаком,
Фиги, бананы, панданы, кокосы.
Ведут невесту подруги с лампа-
ми,
У нее руки в запястьях, у нее с лен-
тами косы.*

*Рисовое поле бело под месяцем;
Черны и красны, шныряют лету-
чие мыши.
С новобрачной мужу на циновке
весело,
Целует в спину, обнимает под
мышки.*

*Утром уходят тигры в заросли,
Утром змеи прячутся в норы.
Утром меня солнце опалит без
жалости,
Уйду искать тени на высокие го-
ры.*

17 ноября 1909

Арабы

Из арабской лирики Отрывок

*Катамия! оставь притворство,
довольно хитростей и ссор,
Мы расстаемся, — и надолго, — с
прощаньем руки я простер.
Когда бы завтра, при отъезде, ты
распахнула свой шатер,
Хоть на мгновенье мог бы видеть
я без фаты твой черный взор,
И на груди твоей каменья, как яр-
ко-пламенный костер,
И на твоей газельей шее жемчуж-
но-яхонтный убор,
На шее той, — как у газели, когда
она, покинув бор,
Наедине с самцом осталась в уще-
льях непроходных гор
И шею клонит, объедая из ягод
пурпурный узор
На изумрудно-нежных ветках,
топча травы живой ковер,
Мешая соки со слюною в один пле-
нительный раствор,
В вино, какого люди в мире еще не*

пили до сих пор!

<1⁹¹²>

Армения

Армянская народная песня

*Ах, если алым стал бы я,
Твоим кораллом стал бы я,
Тебя лобзал бы день и ночь
И снегом талым стал бы я!
Я стал бы алым
Кораллом, лалом,
И снегом талым стал бы я...*

*Ах, если шалью стал бы я,
Твоей вуалью стал бы я,
Тебя лобзал бы каждый день,
Иль бус эмалью стал бы я!
Я стал бы шалью,
Твоей вуалью,
И бус эмалью стал бы я.*

*Ах, если таром стал бы я,
Звучать не даром стал бы я.
Я разглашал бы гимн тебе,
И милой яром стал бы я!
Я стал бы таром,
Звуча не даром,*

Ах, милой яром стал бы я!

<1916>

Подражание ашугам

1

О, злая! с черной красотой! о до-
рогая! ангел мой!

Ты и не спросишь, что со мной, о
дорогая, что со мной!

Как жжет меня моя любовь! о
дорогая, жжет любовь!

Твой лоб так бел, но сумрак —
бровь! о дорогая, сумрак — бровь!

Твой взор — как море, я — ладья! о
дорогая, я — ладья.

На этих волнах — чайка я! о доро-
гая, чайка — я.

Мне не уснуть, и то судьба, о до-
рогая, то судьба!

О, злая, выслушай раба! о дорогая,
речь раба.

Ты — врач: мне раны излечи, о до-
рогая, излечи!

Я словно в огненной печи, о доро-

гая, я — в печи!

*Все дни горю я, стон тая, о доро-
гая, стон тая,
О, злая, ведь не камень я, о доро-
гая, пламень — я!*

*Мне не уснуть и краткий срок, о
дорогая, краткий срок,
Тебя ищу — и одинок! о дорогая,
одинок!*

*И ночь и день к тебе лечу, о доро-
гая, я лечу,
Тебя назвать я всем хочу, о доро-
гая, и молчу.*

*Но как молчать, любовь тая, о
дорогая, страсть тая?
О, злая, ведь не камень я, о доро-
гая, пламень — я!*

<1916>

2

*Как дни зимы, дни неудач недолго
тут: придут-уйдут.
Всему есть свой конец, не
плачь! — Что бег минут: при-*

дут-уйдут.

Тоска потерь пусть мучит нас, но
верь, что беды лишь на час:
Как сонм гостей, за рядом ряд,
они снуют; придут-уйдут.

Обман, гонение, борьба и притес-
нение племен,
Как караваны, что под звон в сте-
пи идут; придут-уйдут.
Мир — сад, и люди в нем цветы!
но много в нем увидишь ты
Фиалок, бальзаминов, роз, что
день цветут: придут-уйдут.

Итак, ты, сильный, не гордись!
итак, ты, слабый, не грусти!
События должны идти, творя
свой суд; придут-уйдут!
Смотри: для солнца страха нет
скрыть в тучах свой палящий
свет,
И тучи, на восток спеша, плывут,
бегут; придут-уйдут

Земля ласкает, словно мать, уче-
ного, добра, нежна;
Но диких бродят племена, они

*живут: придут-уйдут...
Весь мир: гостиница, Дживан! а
люди — зыбкий караван!
И все идет своей чередой: любовь и
труд, — придут-уйдут!*

<1916>

Скандинавия

Пророчество о гибели азов

*Слушайте, все люди, сумрачные
песни.*

*Те из вас, кто мудры, пусть оце-
нят пенье.*

*Я пою про ужас, я пою про горе,
Я пою, что будет в роковые годы.*

*Почернеет солнце, сушу скроют
воды,
Упадут на землю золотые звезды,
Взвевет дым высоко из земного
недра,
И облизнет пламя тучи в твер-
дом небе.*

*Змей Нидгад из ада вылетит на
крыльях,
Закружит, когтистый, над двор-*

цовой крышей.

У него на крыльях трупы всех умерших,

С ними вместе канет в глубине безмерной.

Будет лаять Гарум пред священным входом,

Но в лесу железном будет вторить хохот,

И Фенрир промчится, волк с кровавым глазе;!

По гранитной лестнице в чертоги азов.

Один! Один! Один! горе! горе! горе!

Я пою, что будет в роковые годы.
Азы! вижу гибель вашей светлой власти:

Волк Фенрир терзает грозного владыку.

Альфы скорбно плачут у недвижной двери,

Азы громко стонут, внемля страшной вести,

Великаны сильны, истребленья люты.

Что теперь осталось? где теперь
вы, люди?

Вот пылает с треском Игдразил
высокий,
Мировые ветви корчатся и сох-
нут,
И, когда на землю с громом рух-
нет древо,
В пламени с ним вместе мир по-
гибнет древний.

Но из черной бездны встанет чер-
ный Локи,
Повезет безумцев он на черной
лодке,
Чтоб дворец воздвигнуть, страш-
ный, черный, новый,
И царить сурово над страной пол-
ночной.

Слушайте, все люди, сумрачные
песни,
Те из вас, кто мудры, пусть оце-
нят пенье.
Я пою про ужас, я пою про горе,
Я пою, что будет в роковые годы.

Европейское средневековье

Канцона к даме

Судил мне бог пылать любовью,
Я взором Дамы взял в полон,
Ей в дар несу и явь и сон,
Ей честь воздам стихом и кровью.
Ее эмблему чтить я рад,
Как чтит присягу верный ленник.
И пусть мой взгляд
Вовеки пленник;
Ловя другую Даму, он — изменник.
Простой певец, я недостойн
Надеть на шлем Ее цвета.
Но так гранатны — чьи уста,
Чей лик — так снежен, рост —
так строен?
Погибель мне! Нежнее нет
Ни рук, ни шеи в мире целом!
Гордится свет
Прекрасным телом,
А взор Ее сравню я с самострелом.

Любовь вливает в грудь отвагу,
Терпенья дар дает сердцам.
Во имя Дамы жизнь отдам,
Но к Ней вовек я не прилягу.
Служить нам честно долг велит
Синьору в битве, богу в храме,
Но пусть звенит,
Гремя хвалами,
Искусная канцона — только Да-
ме.

20^{/21} ноября 1909

Дворец любви

Дворец Любви не замкнут камен-
ной стеной;
Пред ним цветы и травы пышны
под росой,
И нет цветка такого, что цве-
тет весной,
Который не расцвел бы на лужай-
ке той.

В траве зеленой вьется быстрый
ручеек;
Он, как слюда, прозрачен, светел
и глубок.
Кто из мужчин, раздевшись, вхо-
дит в тот поток,

Становится вновь юным, в самый
краткий срок.

И девам, что умели дань Любви
отдать,
Довольно в светлых водах тело
искупать;
Все, — кроме тех, кто должен
жизнь ребенку дать, —
Становятся невинны, девами
опять.

На тонких ветках птицы песнь
поют свою.
Что песнь — Любви во славу, я не
утаю.
И, наклонившись низко к светло-
му ручью,
Подумал я, что грежу я в земном
Раю.

Испания

Испанские народные песни

1

— Вы бледны, моя сеньора.
Что склонили вы глаза?

— Я, пока вы на охоте,
Убираю волосы.

— Чей же конь заржал так жарко
На конюшне у меня?

— Мой отец прислал в подарок
Вам прекрасного коня.

— Чей же в зале щит повешен?

— Братом прислан он моим.

— Чье копье стоит у двери?

— Сердце мне пронзите им.

2

— Мой товарищ! мой товарищ!
Милой я узнал обман.
Я в Гренаде стану мавром,
Буду резать христиан,

— У меня три дочери дома,
И одна милей другой.

Выбирай любую розу
Иль подругой, иль женой.

— Не хочу я жить с подругой,
Дом с женою мне не мил,
Так как я ласкать не буду
Ту, которую любил.

1⁹¹³

Rico franco

*A caza iban a caza.
Los cazadores del Rey...[17]*

Веселой тешились охотой
Король и рыцари его;
Веселой тешились охотой, —
И не убили ничего.

Все сокола их разлетелась,
И утомил бесплодный путь,
Все сокола их разлетелась, —
Настало время отдохнуть.

Поблизости был древний замок,
Там, где кончался темный лес;
Поблизости был древний замок,
А в нем прекрасная Иньес.

*Ее увидел рыцарь Рико, —
И все на свете позабыл;
Ее увидел рыцарь Рико, —
И деву страстно полюбил.*

*Наутро, замок покидая,
Еще при блеске ранних рос,
Наутро, замок покидая,
Коварно деву он увез.*

*— Не об отце ль, Иньес, ты плачешь?
Забудь: не встанет больше он.
О брате ли, Иньес, ты плачешь?
Моим мечом он поражен.*

*— Не плачу я, сеньор любезный,
Но мне наряд мешает мой,
Мне дайте нож, сеньор любезный:
Я длинный шлейф обрежу свой.*

*Тогда учтиво рыцарь Рико
Кинжал толедский подает,
Тогда учтиво рыцарь Рико,
Полет коня замедлив, ждет.*

*Лицо Иньес к нему склоняет,
Чтоб взор ее он видеть мог,*

*И в грудь ему Иньес вонзает
В Толедо кованый клинок.*

1⁹¹⁵

Франция XV–XVI вв

Баллада о женщинах былых времен

*Скажите, где, в стране ль теней,
Дочь Рима, Флора, перл бесцен-
ный?*

*Архиппа где? Тауда с ней,
Сестра-подруга незабвенной?
Где Эхо, чей ответ мгновенный
Живил, когда-то, тихий брег,
С ее красою несравненной?
Увы, где прошлогодний снег!*

*Где Элоиза, всех мудрей,
Та, за кого был дерзновенный
Пьер Абеляр лишен страстей
И сам ушел в приют священный?
Где та царица, кем, надменной,
Был Буридан, под злобный смех,
В мешке опущен в холод пенный?
Увы, где прошлогодний снег!*

*Где Бланка, лилии белей,
Чей всех пленял напев сиренный?*

Алиса? Биче? Берта? — чей
Призыв был крепче клятвы лен-
ной?
Где Жанна, что познала, пленной,
Костер и смерть за славный грех?
Где все, Владычица вселенной?
Увы, где прошлогодний снег!

Посылка

О, государь! с тоской смирен-
ной
Недель и лет мы встретим бег;
Припев пребудет неизменный:
Увы, где прошлогодний снег!

<1913>

Песня из темницы

Загорелся луч денницы,
И опять запели птицы
За окном моей темницы.
Свет раскрыл мои ресницы.
Снова скорбью без границы,
Словно бредом огневицы,
Дух измученный томится,
На простор мечта стремится.

Птицы! птицы! вы — на воле!
Вы своей довольны долей,

Целый мир вам — ваше поле!
Не понять вам нашей боли!
День и ночь — не все равно ли,
Если жизнь идет в неволе!
Спойте ж мне, — вы на свободе, —
Песню о моем народе!

Солнце, солнце! ты — прекрасно!
Ты над миром ходишь властно
В тучах и в лазури ясной.
Я ж все вижу безучастно,
Я безгласно, я всечасно
Все томлюсь тоской напрасной —
Вновь увидеть край желанный!
Озари те, солнце, страны!

Ветер, ветер! ты, ретивый,
На конях взвиваешь гривы,
Ты в полях волнуешь нивы,
В море крутишь волн извивы!
Много вас! вы все счастливы!
Ветры! если бы могли вы
Пронести хотя бы мимо
Песнь страны моей родимой!

Светит снова луч денницы.
За окном щебечут птицы.
Высоко окно темницы.

Слезы виснут на ресницы.
Нет тоске моей границы.
Словно бредом огневицы,
Дух измученный томится,
На простор мечта стремится.

1⁹¹³

Виланель

Все это было сон мгновенный,
Я вновь на свете одинок,
Я вновь томлюсь, как в узах плен-
ный.

Мне снился облик незабвенный,
Румянец милых, нежных щек...
Все это было сон мгновенный!

Вновь жизнь шумит, как неиз-
менный
Меж камней скачущий поток,
Я вновь томлюсь, как в узах плен-
ный.

Звучал нам с неба зов блаженный,
Надежды расцветал цветок...
Все это было сон мгновенный!

Швырнул мне камень драгоцен-

ный
Водоворот и вновь увлек...
Я вновь томлюсь, как в узах плен-
ный.

Прими, Царица, мой смиренный
Привет, в оправе стройных строк.
Все это было сон мгновенный,

Я вновь томлюсь, как в узах плен-
ный.

26 декабря 1910

Италия эпохи Возрождения

Сонет в духе Петрарки

Вчера лесной я проезжал дорогой,
И было грустно мне в молчаньи
бора,
Но вдруг, в одежде скромной и,
убогой,
Как странника, увидел я Амора.

Мне показалось, что прошел он
много
И много ведал скорби и позора;
Задумчивый, смотрел он без уко-
ра,

Но в то же время сумрачно и строго.

Меня, узнав, по имени окликнул
И мне сказал: «Пришел я изда-
лка, —
Где сердца твоего уединенье.

Его несу на новое служенье!»
Я задрожал, а он, в мгновенье ока,
Исчез — так непонятно, как воз-
никнул.

<1912>

Сонет в духе XIV в.

Тебе ль не жаль родимых побере-
жий,
Где так в садах благоуханны ро-
зы!
Я здесь брожу, на сердце раны све-
жи,
И, как ручей, из глаз струятся
слезы!

Не так с небес поток свергают
грозы,
И осени дожди нежней и реже.
О, посмотри, все залито, и где же

*Домой пройдут со склонов горных
козы?*

*Ручей течет; ручей из слез весь в
пене;
Сломал цветы, и ветви гнет рас-
тений,
И смыть дома, рассерженный,
грозится.*

*Что делать мне? моя тоска без-
мерна,
Не внемлешь ты! одно мне — в
честь неверной
В пучину слез упасть и утопить-
ся!*

<1914>

Англия

Смерть рыцаря Ланцелота Баллада

*За круглый стол однажды сел
Седой король Артур.
Певец о славе предков пел,
Но старца взор был хмур.*

*Из всех сидевших за столом,
Кто трону был оплот,
Прекрасней всех других лицом
Был рыцарь Ланцелот.*

*Король Артур, подняв бокал,
Сказал: «Пусть пьет со мной,
Кто на меня не умышлял,
Невинен предо мной!»*

*И пили все до дна, до дна,
Все пили в свой черед;
Не выпил хмельного вина
Лишь рыцарь Ланцелот.*

*Король Артур был стар и сед,
Но в гневе задрожал,
И вот поднялся сэр Мардред*

И рыцарю сказал:

*«Ты, Ланцелот, не захотел
Исполнить долг святой.
Когда ты честен или смел,
Иди на бой со мной!»*

*И встали все из-за стола,
Молчал король Артур;
Его брада была бела,
Но взор угрюм и хмур.*

*Оруженосцы подвели
Двух пламенных коней,
И все далеко отошли,
Чтоб бой кипел вольней.*

*Вот скачет яростный Мардред,
Его копьё свистит,
Но Ланцелот, дитя побед,
Поймал его на щит.*

*Копьё пускает Ланцелот,
Но, чарами храним,
Мардред склоняется, и вот
Оно летит над ним.*

Хватают рыцари мечи

И рубятся сплеча.
Как искры от ночной свечи, —
Так искры от меча.

«Моргану помни и бледней!» —
Взывает так Мардред.
«Ни в чем не грешен перед ней!» —
Так Ланцелот в ответ.

Но тут Джиненру вспомнил он,
И взор застлался мглой,
И в то ж мгновенье, поражен,
Упал вниз головой.

Рыдали рыцари кругом,
Кто трона был оплот:
Прекрасней всех других лицом
Был рыцарь Ланцелот.

И лишь один из всех вокруг
Стоял угрюм и хмур!
Джиневры царственный супруг,
Седой король Артур.

Германия

Пляска смерти Немецкая гравюра XVI в.

Крестьянин

*Эй, старик! чего у плуга
Ты стоишь, глядясь в мечты?
Принимай меня, как друга:
Землепашец я, как ты!
Мы, быть может, не допашем
Нивы в этот летний зной,
Но зато уже попляшем, —
Ай-люли! — вдвоем с тобой!
Дай мне руку! понемногу
Расходись! пускайся в пляс!
Жизнь — работал; час — в дорогу!
Прямо в ад! — ловите нас!*

Любовник

*Здравствуй, друг! Ты горд наря-
дом,
Шляпы ты загнул края.
Не пойти ль с тобой мне рядом?
Как и ты, любовник я!
Разве счастье только в ласке,
Только в том, чтоб обнимать?
Эй! доверься бодрой пляске,*

*Зачинай со мной плясать!
Как с возлюбленной на ложе,
Так в весельи плясовом,
Дух тебе захватит тоже,
И ты рухнешь в ад лицом!*

Монахиня

*В платье черное одета,
Богу ты посвящена...
Эй, не верь словам обета,
Сочинял их сатана!
Я ведь тоже в черной рясе:
Ты — черница, я — чернец.
Что ж! поди, в удалом плясе,
Ты со Смертью под венец!
Звон? то к свадьбе зазвонили!
Дай обнять тебя, душа!
В такт завертимся, — к могиле
Приготовленной спеша!*

Младенец

*Милый мальчик, в люльке малой!
Сердце тронул ты мое!
Мать куда-то запропала?
Я присяду за нее.
Не скажу тебе я сказки,
Той, что шепчет мать, любя.
Я тебя наставлю пляске,*

Укачаю я тебя!
Укачаю, закачаю
И от жизни упасу:
Взяв в объятия, прямо к раю
В легкой пляске понесу!

Король

За столом, под балдахином,
Ты пируешь, мой король.
Как пред ленным господином,
Преклониться мне позволь!
Я на тоненькой свирели
Зовы к пляске пропою.
У тебя глаза сомлели?
Ты узнал родню свою?
Встань, король! по тронной зале
Завертись, податель благ!
Ну, — вот мы и доплясали:
С трона в гроб — один лишь шаг!

1909. 1910

Das Weib und der Tod[18]

Две свечи горят бесстыдно,
Озаряя глубь стекла,
И тебе самой завидно,
Как ты в зеркале бела!
Ты надела ожерелья,
Брови углем подвела, —

Ты кого на новоселье
Нынче в полночь позвала?
Что ж! глядись в стекло бес-
стыдно!
Но тебе еще не видно,
Кто кивает из стекла!

Припасла ты два бокала,
Пива жбан и груш пяток;
На кровати одеяла
Отвернула уголок.
Поводя широкой ляжкой,
Ты на дверь косишь зрачок...
Эх, тебе, должно быть, тяжело
До полночи выждать срок!
Так бы вся и заплясала,
Повторяя: «Мало! Мало!
Ну еще, еще, дружок!»

У тебя — как вишни губы,
Косы — цвета черных смол.
Чьи же там белеют зубы,
Чей же череп бел и гол?
Кто, незванный, вместо друга,
Близко, близко подошел?
Закричишь ты от испуга,
Опрокинешь стул и стол...
Но, целуя прямо в губы,

*Гость тебя повалит грубо
И подымет твой подол.*

12⁻¹³ ноября, 1909

Надписи на воротах

1

*Кто поздно иль рано придет к
сим воротам,
Пусть говорит учтиво и другом
станет нам.
Молчание не трудно, и в нем позо-
ра нет,
А болтовня пустая приносит ча-
сто вред.*

2

*Путник! в этом городе можешь
дни провести.
Путник! в этом городе можешь
выбрать гроб.
Всех, живущих в городе, можно
знать и счесть.
Всех, умерших в городе, знает
только бог.*

3

*В этом замке живет рыцарь
сильный.*

Если хочешь его дружбы, — поклонись.

Если хочешь с ним побиться, — постучись.

Всего лучше ж, молча иди мимо.

1⁹¹³

Франция XVII–XVIII вв

Послание Малербу XVII в.

*Мой дорогой Малерб! Ты долго ль
будешь горе*

Скрывать в глуши лесов,

*Оплакивая ту, что с кротостью
во взоре*

Прияла смерти зов?

*Не сам ли посылал ты, осушая
слезы,*

В стихах живой урок:

*«Ей, розе, дан был срок, какой цве-
тут все розы:*

Лишь утра краткий срок!»

*Ужель, когда теперь сошла под
сень гробницы*

Любимая тобой,
Ты видишь только скорбь, без
края и границы,
Повсюду пред собой?

Ты б предпочел ужель, чтоб, по
твоим молениям,
Она всю жизнь прошла,
И, в косах с сединой, к грядущим
поколениям
Старухой подошла?

Ты думаешь: она, в обители небес-
ной,
Была б тогда милей?
Тогда б не так страдал и лик ее
прелестный
От гробовых червей?

Нет, нет, мой друг Малерб! как
только руки Парки
Срезают нашу нить,
Отходит возраст наш: под су-
мрачные арки
Не может он сходить!

Тифон, что одряхлел и мал стал,
как цикада,

И юный Архемор
Сравнялись возрастом пред вла-
стелином Ада,
Смежив навеки взор.

Пусть сладостно пролить сердеч-
ные страданья
Через акведуки глаз,
Ты тень люби, как тень, но угаси
мечтанья
О пепле, что угас.

Век неутешным быть, кропить
слезами вежды,
Томиться в тишине, —
Не значит ли забыть, что нам
даны надежды
Любви в иной стране?

Приам, который зрел, как сыно-
вей любимых
Разит в бою Ахилл,
И для страны своей ждал бед
неотвратимых, —
Дух твердый сохранил.

Франциск, когда Мадрид, бессиль-
ный в правом бое,

Дофину яд послал, —
Был твердым, как Алкид, и за ко-
варство вдвое
Стыд на врага упал.

Да! без пощады Смерть в Аид низ-
водит души,
Напрасно к ней взывать;
Жестокая, она, заткнув упрямо
уши,
Не хочет нам внимать.

И к бедняку в шалаш, под крышу
из соломы,
Она властна взойти,
И стража, что хранит вход в лу-
врские хоромы,
Ей не запрет пути.

Роптать на власть ее, терять
перед ней терпенье, —
Тоске плохой исход.
Покорно принимать все божия ре-
шенья —
Лишь это мир дает!

<1910>

**Летний бал
XVIII в.**

Я вас благословляю, рощи,
Где под завесой из ветвей
Мне было легче, было проще
Шептать о радости своей!
Я помню, как в тиши беседки,
Где бала шум звучал едва,
Вдруг сделались, как стрелы,
метки
Мои любовные слова.
И как, едва луны пугливой
Лик потонул меж облаков,
Она покорно и стыдливо
Прикрыла блеск своих зрачков.
Недолгий сумрак, запах лилий,
И сырость мраморной скамьи —
В тот сладкий час благословили
Все, все желания мои!
Мне не забыть, как плющ зеленый
Моих коснулся жарких щек,
Как наши сладостные стоны
Помчал по листьям ветерок.
Мне не забыть, как нежно, рядом,
Назад мы шли меж темных лип,
Не смея обменяться взглядом,
Стыдясь шагов нарушить скрип.
Вернувшись к музыке и танцам,
Туда, где реяли огни,
Зачем у нас горит румянцем

Лицо, — мы ведали одни.
И, вновь кружась в весельи бала,
Легка, как призрак, как мечта,
Одна она лишь понимала,
О чем твердит мне темнота!

26 декабря 1910

Прогулка

Как вдруг нежданно стали гулки
Шаги среди больших стволов!
И в первый раз, во всей прогулке,
Смолк смех и говор голосов.
И вы, Алина, с робкой дрожью,
Ко мне прижались в полумгле,
И — как, не знаю, — но к подно-
жью
Сосны мы сели на земле.
Ваш детский страх, ваш страх
наивный
Я успокаивал, шутя...
А вечер, пламенный и дивный,
Гас, иглы сосен золотя.
Не потому ль, когда догнали
Друзей мы у лесной реки,
Заката отблеском сверкали
У вас два пятнышка щеки?

1⁹¹¹

Ручей

*Ручей, играющий в долине,
Ты к нам бежишь издалека;
Ты родился на той вершине,
Где льды в покое спят века.*

*И над тобой орлы кричали,
Когда ты, неприметно мал,
Сбегал, журча, к зеленой дали
По граням обнаженных скал.*

*Природа в утреннем тумане
Была невинна и тиха,
Когда внимал ты на поляне
Беспечным песням пастуха.*

*И, огибая замок древний,
Под сенью ивовых ветвей,
Ты слышал, как звучат в деревне
Живые оклики детей.*

*Теперь, катясь волной кристаль-
ной
Средь тучных, плодоносных нив,
Ты поишь люд многострадаль-
ный,
О горных высях позабыв;*

И ниже, повертев колеса

*Шумливой мельницы, опять
Спокойной речкой вдоль откоса
Пойдешь пристанища искать.*

*А вечером на берег темный
Две тени юные придут,
Чтоб близ тебя найти укромный
Для непритворных клятв приют.*

*И в миг, когда они с улыбкой
Склонятся к легкой дрожи струй,
—
Ты отразишь, картиной зыбкой,
Их первый, чистый поцелуй.*

16 августа 1913

Латыши

Подражания народным песням

1

Дай мне вечер, дай мне отдых,
Солнце, к богу уходя.
Тяжкий труд мой долог, долог,
Вечеров нет для меня.
А — а — а — а — а — а — а!

Черный Змей на камне в море
Мелет белую муку:
Хлеб для тех господ суровых,
Что влекут меня к труду.
У — у — у — у — у — у — у!

Солнце в лодочке вечерней
Поздно едет на покой,
Поутру нам рано светит,
Челн покинув золотой.
О — о — о — о — о — о — о!

Что сегодня поздно встало?
Где гостил твой ясный лик?
— Там, за синими горами,
Грея пасынков моих.
И — и — и — и — и — и — и!

Листья бледные кружатся,
С ветром осени шуршат.
Тихо, тихо речка льется
И о зимнем грезит сне.

Дети Дуба, дочки Липы
Завели с рекой игру:
Дубы желуди бросают,
Липы — легкие венки.

Наряжайтесь, дети Дуба,
В блеклый липовый венок;
Надевайте бусы, Липы,
Из дубовых желудей!

Ах, увяли листья Липы
На пустынном берегу;
Дуба желуди застынут
Подо льдом, на дне реки.

Щука синяя, зеленая,
Приходи играть со мной }
У тебя вода глубокая,
У меня дубовый челн.

Брошу в море сети частые,
Белый парус подыму.

*Челн несется в даль блестящую,
Белый парус ветром полн.*

*Челн несется в даль блестящую,
К дальней Северной стране.
Ах, прекрасна дева Севера,
На нее взглянуть плыву.*

*— К нам приехал ты напрасно,
За тебя я не пойду:
Дома лучше по грязи ходить,
Чем по гатям на чужбине.*

<1913>

Романтизм

Иньес

В духе французских поэтов начала XIX века

*Вам знакома ли Иньес,
Та, чьи косы — цвета смолы,
А глаза — лазурь небес?
Вам знакома ли Иньес,
Та царица своеволий,
Каждый взгляд которой — бес?*

Поднимая кастаньеты,

Выгибает стан она,
Шалью шелковой одетый;
Поднимает кастаньеты, —
И толпа уже пьяна;
Все — безумцы, все — поэты!

Веер черный приоткрыв,
Чуть она им губы тронет, —
Того весь — один порыв!
Веер черный приоткрыв,
Чуть она лицо наклонит, —
Каждый ею только жив!

Говорила вся Гренада,
Будто в двери крался к ней
Как-то ночью наш эспада;
Говорила вся Гренада,
Будто с ним она — нежней,
Чем с мужчиной быть ей надо.

Только это, верно, — ложь!
Как Иньес быть благосклонной
К одному? — Другие что ж?
Если б то была не ложь,
Каждый был бы — оскорбленный,
А у каждого есть — нож!

1

Тихо плещут воды Рейна,
Лижут сглаженный утес.
На моей груди лилейной
Ворох спутанных волос.

Странник, ты, что правишь лод-
кой!
Задержись на полчаса.
Хочешь видеть, как красотка
Гребнем чешет волоса?

Я когда-то здесь бродила
С милым другом над рекой;
Я страдала, я любила,
Но теперь в душе покой.

Если хочешь быть свободным,
Подплывай скорей ко мне:
Во дворце моем подводном
Мы с тобой уснем на дне!

2

Луна была скрыта за тучей,
Мы сидели с тобою в саду,
И о счастье ветер летучий
Тебе шептал, как в бреду.

*И о счастье ты мне шептала,
Наклоняясь к моим губам.
А липа цветы роняла
С вышины на колени нам.*

*И казалось, что будет сыпать
Свой дождь она вечный срок.
Отчего же сегодня липа
Роняет цветы на песок?*

<1912>

В духе Эйхендорфа

*Я стою на опушке леса;
Луна прогнала облака.
Надо мной — голубая завеса,
Внизу — как лента, река.*

*Ударяет колокол мерно —
Далеких зов деревень.
Показала голову серна
И скрылась тотчас же в тень,*

*Не дрогнут листом ни единым
Деревья, преданы сну,
И бог идет по вершинам,
Озирая свою страну.*

<1912>

Друзья

Народность в русской поэзии

Вышел Леший, сел на пенё,
Чует запах деревень,
Палку новую кремнем обтесывает,
Порой бороду почесывает,
Сидит, морщится,
Уши у него топорщатся,
Видит: узенькой тропой
Идет в гости Домовой.
«Здравствуй, дед! давно не бывал!
А я стар стал, жить устал;
Нет бывалого простора!
Вырубили половину бора.
Куда ни пойдешь, везде мужик.
Инда я гулять отвык!»
Домовой присел меж кочек,
Будто съежился в комочек.
Говорит: «Да, старина,
Пришли худы времена!
Мужики в меня не верят,
То есть как бы вовсе херят.
Не дают мне молока,
Замыкают в два замка
На конюшне лошадей.
Впору помирать, — ей-ей!»
Леший бороду почесывает,
Палку сумрачно обтесывает,

Кремень щёлк да щёлк.
Домовой примолк.
Пень обтянут повиликой,
Пахнет свежей земляникой,
Сосны дюже велики.
Слышен сиплый крик с реки.
Вопрошает Домовой:
«То не дед ли Водяной?»

1⁹¹²

Черт и ведьма Народность в русской поэзии

Ну, затеял перебранку
Косолапый лысый черт!
Голос — точно бьют в жестянку,
Морда — хуже песьих морд.

Да и ведьма тож не промах;
Черт ей слово, баба — два.
Лапы гнутся, как в изломах,
Точно дыня голова.

Дьявол за косы; так что же!
Изловчилась, и сама
Кулаком его по рожге.
И пошла тут кутерьма!

Ругань, крики, визги, на-кось!

*Сбилось туш до десяти.
Ну, такая вышла пакость,
Хоть оглобли ворота.*

*Всё смешалось в перепалке,
Раскачался наш котел.
Тут нечистый к этой свалке,
Помело взяв, подошел.*

*Крикнул, гикнул, дунул, плюнул,
Разом всех остепенил.
Этот хвост меж ног засунул,
Этот губу прикусил.*

*Сели, смотрят. А хозяин
Лишь рогами покачал,
Да проклятый черт, умаян,
Поясницу зачесал.*

13 ноября 1913

Романтические баллады

Похищение Берты

*Шел пир небывалый за круглым
столом,
Блистали в шелках паладины,
И кравчие в кубки огромным ков-
шом
Цедили шипящие вина.
Был красен от выпитых кубков
Наим;
Гемон, улыбаясь, дремал перед
ним;
Атласный камзол Оливьера
Был яркими пятнами весь обог-
рен;
И только один неподкупный Ми-
лон
Хранил все величие пэра.*

*Вдруг, в страхе, весь бледный, вбе-
гает гонец.
«Случилось великое худо!
Послала меня в Ингельгеймский
дворец
С такими словами Ротруда:
Пока, позабыв про воинственный*

стан,
Вы заняты пиром, проник великан
Неведомый в нашу обитель,
Разграбил капеллу, монахов убил,
Кресты поломал у священных мо-
гил,
И дочь мою, Берту, похитил!»

Услышав известие, Карл задро-
жал,
Он встал с золоченого трона,
Звеня, покатился упавший бокал,
Упав, застучала корона.
«О, горе нам! — так он восклик-
нул, дрожа, —
Мне Берта дороже, чем жизнь и
душа,
Не жить без нее мне, поверьте!
Вы, рыцари! тотчас берите мечи!
Наим, мой любимец! вставай и
скачи
На помощь к беспомощной Бер-
те!»

Наим, в колебаньи, угрюмо вста-
ет,
Лицо его слишком румяно.
«Ну, да, — говорит, — если б

знать наперед,
Где должно искать великана!
Есть много ущелий, леса велики,
Нельзя же идти по теченью реки,
Подумать нам должно сначала,
Где дерзкого вора возможно сло-
вить.
Когда же отыщем, не трудно сра-
зить:
Я в жизни побил их немало!»

«Но ты, Оливьер, — тогда Карл
говорит, —
Наверно, ты медлить не будешь!
Хватайся за меч, надевай верный
щит,
Ты внучку обратно добудешь!
Награду любую проси у меня!
Ты будешь любимцем моим с то-
го дня,
Тебя я над всеми поставлю,
Я имя твое в назиданье другим, —
Того, кто был Карлом Великим
любим, —
По целому миру прославлю!»

«Конечно, недолго, — в ответ
Оливьер, —

Дать хищнику суд и расправу!
На нем покажу я злодеям пример,
А, кстати, добуду и славу.
Спокоен будь, Карл! будешь ты
отомщен!» —
Сказал Оливьер, и направился он
В покой, подле залы соседней:
Пред подвигом должен он был от-
дохнуть,
Прилег, и собрался направиться в
путь
Наутро лишь, после обедни.

«А ты, — Карл взывает, — мой
верный Тюрпин,
Снесешь ли обиду такую?
Ты — церкви служитель и рев-
ностный сын,
Вступишь же за веру святую!
Тебе ли терпеть разрушенье ка-
пелл,
Тебе ли снести, что неверный по-
смел
Служителей храма коснуться!
Сам бог поведет по дороге прямой
Тебя к гордецу. С великана головой
Ты должен обратно вернуться!»

Тюрпин отвечает: «Я знаю свой
долг,
Сумею и честь убересть я,
Но все ж великан не кабан и не
волк,
В нем все же душа человеческая.
И прежде, чем в яростный бой по-
лететь,
Мне должно хоть сутки одни по-
говорить
И богу грехи исповедать.
Беда — нераскаянным встать под
копье:
Сгублю тем навек я спасенье свое,
А боя исход как изведать?»

В отчаяньи Карл взором пэров об-
вел,
Опять говорит — Ганелону:
«Ты мудр, как судья, все науки про-
шел,
Подпорой ты был всегда трону,
Ужель не поможешь сегодня ты
мне?
Ужель не поскачешь на быстром
коне
Вдогонку за наглым злодеем?
Нам Берту верни, что милее

цветка,
И щедро откроется наша рука, —
Друзей награждать мы умеем!»

В ответ Ганелон: «Что за польза
сгубить
Цвет рыцарства в тщетной пого-
не?
В таком предприятии поможет
не прыть,
Не копыта и борзые кони.
Но должно обдумать, где скрыл-
ся злодей;
Составить отряды из ратных
людей;
Потом у проклятой пещеры,
Костры распалив, гнать усиленно
дым,
И сам, как медведь, тогда выйдет
он к ним...
Вот будут разумные меры!»

И Карл уронил безнадежно гла-
ву...
Выходит тогда граф Агландский.
«Я стар, — говорит, — много лет
я живу,
Но помню обет христианский:

Наш первый обет — жизнь за веру
отдать,
Второй наш обет — за сеньора
стоять;
Я ныне исполню их оба!
Подайте мне меч, подведите ко-
ня, —
Иль с Бертой увидите скоро меня,
Иль лягу в объятия гроба!»

Еще говорил неподкупный Милон,
Еще не закончил он речи,
Как клики со всех загремели сто-
рон
И отзвук помчался далече,
Раскрылася дверь, и, лучом осиян,
Предстал сын Милона, отважный
Ролан,
В доспехе и бранной кольчуге.
Главу великана держал он в руках,
И Бертю за ним на скрещенных
мечах
Несли восхищенные слуги.

И Карл возгласил: «Будь прослав-
лен, герой!
Проси чего хочешь в награду!
А ты, моя Берта! садись здесь со

мною,
И деда улыбкой обрадуй!»
И все восклицали Ролану: «Добро!»
И только шепнул Ганелон: «Не
хитро
Добиться любого успеха,
Когда в состязаньи соперника
нет!
Легко в наши дни изумить целый
свет!»
И весь он затрясся от смеха.

6 марта 1912

Прорицание

Блестает шелковый камзол,
Сверкает сбруи позолота,
С гостями Князь летит чрез дол
Веселой тешиться охотой.
Все — в ярком шелке, в кружевах;
Гербы — на пышных чепраках;
Вдали, — готовы на услуги,
Несутся ловчие и слуги.

Синеет недалекий бор,
И громким кликам вторит эхо.
Шумней беспечный разговор,
Порывистой раскаты смеха.
Уже, сквозь сумрачную сень,

Мелькнул испуганный олень.
Все об удаче скорой мыслят,
Заранее добычу числят.

Но вот седой старик с клюкой
Стоит у старого колодца.
И Князь, с поднятой головой,
Замедлил поступь иноходца.
То был — известный всей стране,
За святость жизни чтим вдвой-
не,
Отшельник, сумрачный гадалец,
Судеб грядущих прорицатель.

«Скажи, старик! — так Князь к
нему, —
Сегодня встречу ль я удачу?
Я сколько ланей подыму,
И даром сколько стрел потрачу?
Скажи: от скольких метких ран
Падет затравленный кабан?
И если счет твой будет точен,
Ты мной доволен будешь очень».

Подняв тяжелую клюку
И кудри разметав седые,
Старик в ответ: «Что я реку,
То и исполнят всеблагие!

Узнай: еще до темноты
Все стрелы с лука спустишь ты,
И, прежде чем налягут тени,
Ты всех своих сразишь оленей!

Но слушай, — продолжал старик,
—

И вещей глас волхва исполни.
Я нынче видел твой двойник,
В лесу, под гром и в блеске мол-
ний.

Испытывать страшился Рок,
Вернись назад, пока есть срок.
Твой замок пышен и уютен,
Там веселись, под звуки лютен!»

Смиряет Князь невольный гнев,
Дает коню лихому шпоры,
Кричит, надменно поглядев:
«На предсказанья все вы скоры!
Но нынче ль, завтра ль, все равно

—
Всем пасть однажды суждено,
Так лучше пасть в бою веселом!»
И поскакал зеленым долом.

Сверкают звезды с вышины,
Давно окончена потеха.

Опять луга оглашены
Далеко — буйным гулом смеха.
С гостями едет Князь назад,
Их лица от вина горят,
И, дедовский блюдя обычай,
Кренятся слуги под добычей.

И вновь старик с своей клюкой
Стоит у старого колодца.
И Князь с усмешкой роковой
Вновь замедляет иноходца:
«Ну что ж, старик! Прошел и
день,
Настала тьма, упала тень,
А у меня в колчане целы
Еще не пущенные стрелы!»

И Князь глядит на старика...
Но вдруг, с неистовым порывом,
Взнеслась тяжелая клюка
И рухнула над горделивым.
И Князь с коня упал ничком,
Во прах, с рассеченным челом,
Чуть вскрикнул, чуть повел рука-
ми...
И труп лежит перед гостями.

И гости в ужасе глядят,

И кони дыбятся в испуге...
Пред мертвым выстроились в
ряд,
Сняв шапки, трепетные слуги.
Уже старик в руках других
И связан. Громкий смех затих,
И говор смолк. На тверди синей
Сонм звезд — как звезд на балда-
хине.

И слышен голос в тишине, —
Старик взывает к тайной силе:
«Исполнить то досталось мне,
Что вы, благие, не свершили.
Не может лгать язык волхва:
Вы подсказали мне слова,
Чтоб стало правдой прорицанье,
Я сам свершил предначертанье!»

5 марта 1912

Дополнение

Песня гренландцев

*Высока гора Кунак на Юге,
Я вижу ее.*

*Высока гора Кунак на Юге,
Я смотрю на нее.*

*Яркий блеск над горой на Юге,
Я дивлюсь на него.*

*Солнце блестит на облаках на
Юге,
Я люблюсь на блеск.*

*Смотри на цвета над горой на
тучах,
Я смотрю на Юг.*

*Смотри, как черна гора под тучей,
Я поеду на Юг!*

<1913>

**Песня древнего народа
Тема Райдера Хаггарда**

Лесная птица, влетевшая в су-
мрачный зал;
Рука ребенка, зажавшая острый
кинжал, —
Ты облик Жизни узнал ли? узнал
ли? — Узнал!

Красиво небо в уборах вечерней за-
ри,
Но солнце тонет в крови, всё в
крови, всё в крови.
Звезды сиянье в воде непрозрачной
пруда,

Расцвет фиалок в равнине, где
скачет орда, —
Ты облик Смерти узнал ли? узнал
ли? — О, да!
Темнеет небо в уборах вечерней
зари,

Но солнце тонет в крови, всё в
крови, всё в крови!
Нельзя проснуться от сна этих
дней без примет,
Порвать ли цепи, где звенья — ряд
стертых монет,

Ты облик Тайны узнал ли? узнал
ли? — иль нет?
Померкло небо в уборах вечерней
зари,
И солнце скрылось в крови, всё в
крови, всё в крови!

19 марта 1923

Песня североамериканских индейцев

Маниту! Маниту! Маниту!
Ты благ, ты мудр, ты велик!
Маниту! Маниту!
Услышь мой крик!

В небесах, в облаках, я вижу,
То заря, то полдень, то тень.
В небесах, я вижу,
Ночь и день.

В лесах, в равнинах, я слышу,
Свист, пенье, рычанье, зов.
По долинам я слышу
Вой волков.

В битвах стучат — дело смелых!
—
Томагавки, копья, щиты.

*В битве смелых
Любишь ты.*

*Маниту! Маниту! Маниту!
Я храбр, но кругом враги.
Маниту! Маниту!
Помоги!*

4 апреля 1923

Атлантида

*Провеял дух, идущий мимо.
Его лицо — неуловимо,
Его состав — что клубы дыма.*

*Я голос слышал, — словно струны.
Я голос слышал, — нежно-юный.
Так говорил мне призрак лунный:*

*«Нам в смерти жизнь — Судьба
судила.
Наш мир — единая могила.
Но Вечность, Вечность — наша
сила.*

*Меж гор, недвижно-неизменных,
Нас много скорбных, много плен-
ных,
Но — нам витать во всех вселен-*

НЫХ».

*Провеял голос нежно-струнный.
Провеял мимо призрак лунный,
Гость Вечности, вовеки юный.*

*Встал облак жертвенного дыма,
И я восславил, что незримо,
Тебя, о дух, идущий мимо.*

1⁹¹³

Царь о себе самом

Я был, как лев, рожденный в пустыне, около оаза Хибиса, в зарослях.

Я стоял на колеснице позлащенной, как статуя бога на подножии своем.

Десницей я метал стрелы мои, шуйцей я опрокидывал врагов.

Я был, как Аммон, в свой час, пред сонмом врагов, лик мой страшен был им.

В груди у них не было мужества метать стрелы, они не осмеливались поднять дротик.

Три тысячи колесниц разбили кобылицы мои, спицы колес валя-

лись, как солома.

Воинов я низвергал в воду, как прыгают в Нил крокодилы.

Падали ниц, враги один за другим, не смели взглянуть, кто их разит.

Они, уstraшенные, говорили друг другу: «Не человек, сам Сутеху славный меж нами.

Побежав, поспешим укрыться от него! спрятавшись, переведем дух еще раз в жизни!»

Я возвал к отцу моему Аммону: «Отец, ты не забыл сына!

Храмы твои я наполнил пленными, тебе я воздвиг колонны, что простоят тысячу лет!

Для тебя я привезobelиски с Абу, за дарами тебе я посылал корабли в море.

Заповедей твоих я не преступал в жизни, славу твою я разнес по всему миру!»

Презренные побеждены были мною, враги мои были истреблены на земле.

Трупы лежали у ног моих, как сено, лучшие витязи врагов издыха-

ли в крови своей.

Тогда около вечернего времени
пришли военачальники мои, сла-
вословили имя мое тысячью по-
хвал.

Но я, царь, — жизнь, здоровье, си-
ла, — сказал им: «Вы видели, что
совершил Аммон, отец мой.

Враги разбежались по пустыне,
как тушканчики, я прошел сквозь
их ряды, подобно носорогу.

Славьте Аммона, бога непобеди-
мого: славьте сына его, фараона,
одержавшего победу, — жизнь,
здоровье, сила!»

1⁹¹²

Надпись

*Наше войско двигалось мирно,
Оно вступило в области Геруша.*

*Наше войско двигалось мирно,
Оно сломило могущество Геруша.*

*Наше войско двигалось мирно,
Оно сокрушило вражий крепости.*

Наше войско двигалось мирно,

Оно срезало сады и виноградники.

*Наше войско двигалось мирно,
Оно сожгло дома и хлеба в полях,*

*Наше войско двигалось мирно,
Оно истребило тысячи тысяч лю-
дей.*

*Наше войско двигалось мирно,
Оно увело тысячи тысяч в плен.*

*Наше войско двигалось мирно,
Да будет слава Царю во времена
времен!*

<1913>

Гимн Нилу

*Слава Нилу, в мир сошедшему,
Слава Нилу, жизнь дающему!*

*Свой исток во мраке кроющий,
Светом сумрак заменяешь ты,
Сады, нивы орошаешь ты!*

*Велишь — Нопри бдить над зерна-
ми,
Велишь — Себеку над хлебом*

бдить,
Велишь — Фта над ремеслом ра-
деть.

Рыб создатель! их от птиц хра-
нишь.
Нив радетель! ты века творишь.
Храмов зодчий! ты — богов
оплот.

Перст твой медлит, — всюду бед-
ствие;
Дух твой дремлет, — меж бога-
ми страх;
Жизнь ты создал и живишь ее.

Когда воды Нила поднимаются,
Все живое пище радуется,
Каждый зуб перетирает плод.

Для животных траву он выращи-
вает,
Жертвы для богов готовит он,
Храмов фимиам — его творение.

Он свершает всех желания,
Сам вовек не истощается,
Доблесть Нила — бедных щит.

*Мы из камня т творим его,
Не венчаем мы его венцом двой-
ным,
Мы ему не платим подати.*

*Нет святилища единого его,
Неизвестно пребывание его,
Не раскрыто в таинствах пись-
мен.*

*Ты царишь для Юга и для Севера,
Поглощаешь слезы всех очей,
Расточаешь щедро блага всем.*

*Слава Нилу, в мир сошедшему,
Слава Нилу, жизнь дающему!*

<1918>

«Тебе мы поклоняемся, Нил!..»

*Тебе мы поклоняемся, Нил!
Все земли оживляешь ты илом,
Течешь к нам из неведомых
стран,
Чтобы севы встали зеленью рано.*

*Тебе мы поклоняемся, Нил!
В твоей воде живут крокодилы,
Поишь священной влагой весь год,*

Хранишь на волнах медленных лотос.

Ты нам даешь живительный хлеб,
Ты к нам приходишь в образе Зеба,
Ты к нам приходишь в образе Пта,
Ты к нам приходишь богом Аммоном.

<1913>

Гимн Атону

Прекрасен восход твой, о Атон
живущий, владыка столетий!
Дивный, светлый, могучий, —
любви твоей — меры нет, лучи
твои — радость.

Когда ты сияешь, сердца оживают,
обе земли веселятся.
Бог священный, создавший себя,
сотворивший все страны: людей,
стада и деревья!

Ты светишь — и живо все! ты
мать и отец для всех, чьи глаза
сотворил ты!
Ты светишь — и видят все! все души
ликут о тебе, о владыко!

Когда ты уходишь, за край земли
на закате, — все лежат, словно
мертвые;

Пока ты не встанешь с края зем-
ли на восходе, — лица скрыты, но-
сы не дышат.

Ты луч посылаешь — простира-
ются руки, величая дух твой,
Ты в небе светишь — певцы и иг-
ральцы поют и трубят,
Ибо жизнь возродишь ты, красо-
той огнесветлой, искрой жизни!

И все ликуют во дворце Хатбенбе-
на и во всяком храме,
И все ликуют во дворце Иахета-
тона, прекрасном месте,
Ибо им ты доволен, тебе прино-
сят там тучные жертвы.

Чист, кто угоден — тебе, о живу-
щий, — в своих праздничных хорах.
Все, что ты создал, радостно ска-
чет пред твоим ликом,
Пред тобой веселится, Атон, го-
рящий на небе каждый день!

Слава Атону, кто создал небо,
чтобы светить с него!

Слава Атону, кто озирает с неба
все, что создал он!

Слава Атону, в ком тысячи жизней,
даруемых нам!

24 января 1915

Заклинание

Хавват владычица!

Богиня, царица!

Се — я связываю,

Я — Мацлия.

<1915>

**«Я, сын царя, здесь сплю,
Эшмунизар...»**

Я, сын царя, здесь сплю, Эшмуни-
зар,

В гробнице сей, что сам воздвиг
себе,

Мое заклятье — людям и царям:

Да не откроешь ты дверей ко мне.

Да не расхитишь ты богатств
моих.

Да не встревожишь ты мой ти-
хий прах.

Не то тебя отвергнет рафаим.
Не то твой прах вовек не ляжет в гроб.
Не то не будет у тебя детей.

Ты будешь продан мощному царю.
Ты утеряешь корень, как и плод.
Ты не познаешь от людей любви.

Зане здесь сплю я, царь Эшмуни-
зар.
Был мой отец — Сидона царь, Таб-
нит,
И мать моя — была Эмашторен,
—

Служительница Ашпорен,
Богини, сила чья
Меня оборонит;

Прохожий, не тревожь гробницы
Сына царя, Эшмунизара!

<1915>

Псалом Давида

Меж братьями я меньший был;
В дому отца был самый юный.
Овец я в поле выводил,

*Перстам моим привычны были
струны.*

*Кто б господу о мне сказал?
Он, сильный, сам о мне услышал!
Меня иноплеменник клял,
Но я с пращой ему навстречу вы-
шел.*

*Семь братьев — все сильнее меня,
Но бог не их призвал из кущи.
Предстал мне ангел в свете дня,
Святил меня елеем всемогущий.*

*Смеялся грозный Голиаф,
Глумился посредине стана.
Но, у него же меч отняв,
Я голову отсек у великана!*

1⁹¹²

«Старик шел мимо башни...»

*Старик шел мимо башни;
Там девушка сидела,
Держа в руке цветок:
Подарок жениха.*

*Старик шел мимо башни;
Там женщина рыдала:*

*Лежал на ложе с ней
Ее младенец — мертв.*

*Старик шел мимо башни;
Там дряхлая старуха,
Держа в руке цветок,
Шептала: «Вновь весна!»*

1⁹¹³

Китайские стихи

1

*Твой ум — глубоководное море!
Твой дух — высокая гора!*

2

*Пусть этот чайник ясный,
В час нежный, отразит
Лик женщины прекрасной
И алый цвет ланит.*

3

*Ты мне дороже, чем золото,
Чем добрый взгляд государя;
Будь любви моей рада,
Как кормилица, к берегу причала.*

4

*Все дни — друг на друга похожи;
Так муравьи — одинаково серы.
Знай заветы — работать, чтить
старших
и голос божий,
Завяжи узел — труда, почтенья,
веры.*

5

*Глупец восклицает: «Ломок
Стебель памяти о заслугах!»
Мудрый говорит: «Буду скромн,
И меня прославят речи друга!»*

16 декабря 1914
Варшава

Японские танки и ута

1

Роса ложится, но солнце всходит,
И в росах тают все отраженья,
Но дни, и ночи, и годы проходят, —
В душе моей все те же любви мученья.

2

*По небу тучи ходят, крутятся,
Потом исчезают.
На том же месте неподвижные
горы.*

Над жизнью дни проходят, кру-
тятся,
Как небесные тучи.
В сердце на том же месте единое
гору.

3

Не весенний снег
Убелил весь горный скат:
Это вишни цвет!
Ах, когда б моя любовь
Дожила и до плодов!

4

Как золотые
Дождя упадания, —
Слезы немые, —
Будут в печальной судьбе
Думы мои о тебе.

5

Цветики вишни,
Обрадуйте, падайте!
В городе лишний,
Ветром, как вы, я гоним
К волнам Икуто седым...

«Под бананом, под бананом...»

*Под бананом, под бананом
Хорошо с тобой лежать вдвоем.
Словно в беге быстром, пьяном,
В поле уносимы мы слоном, —
Под бананом, под бананом
Жарким днем.*

*У тебя так смуглы груди,
Нежным медом пахнут волоса.
Слышат боги, но не слышат люди
Наши хриплые от счастья голоса.
У тебя так смуглы груди,
Как леса.*

*В быстром беге, в быстром беге
К милой цели мы спешим вдвоем,
Тонем в озере любовной неги,
Море сомы несказанной пьем.
В быстром беге, в быстром беге
Мы умрем.*

1⁹¹³

Подражание труверам

*Нет, никогда не мог Амур в сем
мире
Так сердце мучить, как меня она!
Я из-за той, кто всех прекрасней в*

мире,
Не знаю отдыха, не знаю сна.
Увы! не знает жалости она,
И мне укрыться некуда в сем ми-
ре, —
Затем, что всюду мне она видна!

Лети, о песня, и скажи прекрас-
ной,
Что чрез нее покой утратил я!
Что сердцем я страдаю по пре-
красной,
Затем, что зло покинут ею я!
Ах, заслужила ль то любовь моя!
Но если я умру, пускай прекрасной
Все песня скажет, правды не тая!

З марта 1908

Песнь прокаженного

Сторонитесь!
Прокаженный идет,
Сторонитесь!

Проклят мой род,
Согрешил мой отец,
За грехи карает господь,
Где же мукам конец?
Сторонитесь!

Тело мое — что плеснь,
Зловонен мой рот,
Ноги покрыты корой,
Десны съела болезнь,
Крючья — пальцы мои,
Где лежу я — там гной.
Сойди с пути:
Прокаженный идет!

Сторонитесь,
Прохожие, женщины, левиты,
купцы!
Расходитесь
Во все концы.
Невеста с молодым женихом,
Юноша, что поет на псалтире,
Мальчик с своим кубарем,
Вы все, что веселы в мире, —
Сторонитесь,
Разбегитесь:
Прокаженный идет!

Дайте дорогу мне,
Шире дорогу мне!
Я в голые горы уйду,
Туда, где нет ни цветов, ни тра-
вы.
Я глухую пещеру найду,

Где есть глоток воды,
Мытари, сторонитесь меня!
Цари, страшитесь меня!
Пророки, берегитесь меня!
Я иду, в колокольчик звеня;
Прокаженный идет,
Сторонитесь.

Я иду, хохоча
Ртом без губ.
Я иду, крича;
Я страшней, чем труп!
Страшно карает господь,
Берегитесь!
Трепещи пред господом всякая
плоть,
Страшитесь!
Кто, сильный, может меня побо-
роть,
И кто устоит против меня?

Иду, звеня;
Сторонитесь,
Прокаженный идет,
Сторонитесь.

10 марта 1912

Испанская песенка

*В темном поле, в темном поле
Бродит Альма без дороги;
В темном поле, в темном поле
Видит вход в шалаш убогий.*

*Альма входит, Альма входит,
Видит — бедно там и тесно.
Альма входит, Альма входит,
Видит — рыцарь неизвестный.*

*Говорит: «Я заблудилась,
В стужу ноги онемели!»
Говорит: «Я заблудилась,
Ах, довериться тебе ли!»*

*Рыцарь ей в ответ: «Сеньора,
Знаю, вам я неизвестен,
Но, клянусь крестом, сеньора,
Благороден я и честен.*

*Вот вам ложка половина,
Я свой меч кладу меж нами.
Вот вам ложка половина!
Не коснусь я вас устами».*

*Ночь проходит, ночь проходит,
Свет дневной румяно льется.
Альма в поле вновь выходит,*

И смеется, и смеется.

*Рыцарь спрашивает Альму
С грустью пламенного взора,
Рыцарь спрашивает Альму:
«Что смеетесь вы, сеньора?»*

*«Я смеюсь тому, мой рыцарь,
Что здесь было ночью темной,
Что могли всю ночь, мой рыцарь,
Вы со мной лежать так скромно!»*

1⁹²⁰

Сонет в манере Петрарки

*Как всякий, кто Любви застенок
ведал,
Где Страсть пытается, ласковый
палач, —
Освобожден, я дух бесстрастью
предал,
И смех стал чуждым мне, без-
вестным — плач.*

*Но в лабиринте тусклых снов, как
Дедал,
Предстала ты, тоски волшебный
врач,*

*Взманила к крыльям... Я ответа
не дал,
Отвыкший верить Гению удач.*

*И вновь влача по миру цепь бессилья,
Вновь одинок, как скорбный Фил-
октет,
Я грустно помню радужные кры-
лья*

*И страсти новой за тобой про-
свет.
Мне горько жаль, что, с юноше-
ским жаром,
Я не взлетел, чтоб в море пасть
Икаром.*

10 марта 1912
«Артуру ехать в далекий путь!..»

*Артуру ехать в далекий путь!
Вот громко трубят трубы!
Джиневру целует он нежно в
грудь,
Целует и в лоб и в губы!
«Прощай, Джиневра, моя жена.
Не долгодолго разлуки год!»
Она — в слезах, в слезах она,*

Смотрит смеясь Ланцелот!

Вот едет Артур через ясный луг,
И слышны близко трубы,
Но страстно Джиневра и милый
друг,
Целуясь, сблизили губы.
«Тебе служил я, любил тебя
И ждал за годом год.
Теперь блаженство узнаю я!»
Смотрит смеясь Ланцелот.

Артуру ехать в обратный путь,
Поют в его славу трубы!
Он девушек в замках целует в
грудь,
Целует и в алые губы.
С Артуром нежно вдвоем жена:
«Я верен тебе был весь год!»
«А мужу я была верна!»
Смотрит смеясь Ланцелот.

Примечания

Искусственный рай (*фр.*).

[^^^]

2

Это безмятежное и неподвижное блаженство.

Ш. Бодлер (фр.)

[^^^]

Ненавижу и люблю.
Катулл (лат.).

[^^^]

4

Любовь ведет нас к единой <смерти> (*ит.*).

[^^^]

5

Ранят все, последний убивает (*лат.*)

[^^^]

6

«Ненавижу и люблю» (лат.)

[^^^]

Гибельно быть богом (*лат.*)

[^^^]

8

Горе побежденным! (*лат.*)

[^^^]

Подруги наши (*лат.*)

[^^^]

Триумф смерти (*ит.*).

[^^^]

Больше всего остерегаюсь, чтобы кто-либо не удержал вас против воли: выход открыт.

Сенека (лат.).

[^^^]

Яд (*лат.*)

[^^^]

Преисполнись гордости...

Гораций (лат.).

[^^^]

СГИНЬ! (*лат.*)

[^^^]

*«Род мой Азры, для которых
неразлучна
смерть с любовью».*

Г. Гейне (нем.).

[^^^]

16

Удар из милости (*φρ.*) — удар, прекращающий мучения

[^^^]

На охоту, шли на охоту
королевские охотники (*исп.*).

[^^^]

Женщина и смерть (нем.)

[^^^]